

Твои

ДНК

Не родные

Ульяна Соболева

Annotation

Когда-то мой бывший муж выгнал меня на улицу с младенцем на руках и бросил на произвол судьбы. Я научилась справляться сама, а он вдруг появился в моей жизни снова и лишил средств к существованию, вынудив согласиться на любые унижительные условия ради дочери, которую так и не признал своей.

ХЭ! СЛР! Однотомник! Новинка! Секс! Жестокий герой! Сложные отношения!

- [Ульяна Соболева](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
-

Ульяна Соболева
Твои не родные

Глава 1

— Анечка, мне очень жаль.

— Но как же так, Валер? Мы...мы ведь неделю назад с тобой говорили, и ты заверил меня, что это только слухи! Что никто и ничего не выкупит. Что мэр города не даст разрешение на строительство, потому что здесь столько людей работает.

Я с трудом сдерживала слезы, но они предательски жгли глаза и драли в горле. За стенами кабинета Валеры орудовали какие-то люди и выворачивали шкафчики и ящики столов. В здании уже началась генеральная уборка, а бывшие работники еще отходили от шока после стремительного увольнения. А кто-то еще не отошел. Как я. У меня внутри все заходило от мысли, что я теперь безработная. Валера стоял возле стола и складывал в картонную коробку свои вещи. Кажется, он даже похудел за эти дни и его чуб уныло свисал на одну сторону лица. Видно тоже сильно нервничал. Периодически заглядывала его секретарша Ляля и спрашивала, что отвечать тому или другому из уволенных работников. Он отмахивался от нее и постоянно отключал звонки в своем мобильном.

— Неделю назад Аркадий Александрович рассчитывал, что ему удастся погасить кредиты. Ты знаешь, что такое рейдерский захват, Ань? Нас просто поставили перед фактом ему ничего не оставалось, как уступить. Надавили сверху на мэра. Притом торговый центр — это всегда престижно для города. Тем более, когда за землю дают намного больше, чем она стоит.

Я знала, что он прав и не лжет мне, но только легче мне от этого не становилось у меня сердце сжималось в камень, что я осталась без работы и уже нигде не найду такое место с нормальной зарплатой, чтоб хватало и за квартиру заплатить и ребенка прокормить. У нас в городе с этим очень туго.

— А...а мне что делать? Мне ребенка как содержать? Она же ...она же особенная у меня. А за квартиру платить? И за садик?

— Ну выплатят пособие, Ань. Вроде обещали.

— Какое? Копейки за три года работы? И когда? Вы же объявили себя банкротами. Почему сам Силантьев не принимает у себя людей? Струсил, да?

— Силантьев в больнице в предынфарктном состоянии. Его это подкосило. Аня, всем трудно. Никто не кайфует от этой ситуации. Мне

правда очень жаль. Но на данный момент я ничего не могу сделать.

У меня началась паника и я в растерянности металась по кабинету начальника отдела кадров и по совместительству моего бывшего одноклассника, который меня сюда и устроил три года назад. Им требовался экономист. Меня взяли с моим неоконченным высшим, благодаря Валере. А теперь куда мне идти с комбината? Конечно ему жаль, как бы не так, ведь он уезжает в столицу — его Силантьев с собой забирает. А около ста человек просто изгнаны на улицу, вот так без предупреждения, без выплат. Только в нашей стране такое может быть, только у нас вот так можно с людьми, как и с животными. И все безнаказанно.

— Я-то что могу сделать, Ань? Это ж не я тебя увольняю. Если бы я мог помочь тебе. В столице сам не знаю, как все будет. Компанию выкупили, и мы ничего не можем изменить. Нам поступил приказ нового хозяина всех уволить. Найдешь работу, Ань. Не конец же света.

Для меня это был конец света, для меня это был апокалипсис. Мне за квартиру на днях платить, я рассчитывала аванс попросить.

— Куда? Уборщицей? Официанткой? Тут рабочих мест раз и обчелся. Ты сам знаешь. Да и куда мне из-за малой я не могу на ночные. Черт. Не слушай меня. Мысли вслух. Я просто в шоке.

Я села на стул и лицо руками закрыла. Надо успокоиться, взять себя в руки и подумать.

— Ань, ну хочешь я денег дам? Сколько есть.

— Не надо. Тебе самому семью содержать. Ты и так устроил меня сюда. Спасибо тебе. Прости, я знаю, что ты не виноват... просто я в отчаянии.

Слезы смахнула тыльной стороной ладони. Мне Машу нужно было в соседний город везти к специалисту и в садике тоже оплату подняли. Даже не постеснялись сказать, что, если что-то не устраивает я могу и в государственный идти, а нас...нас в государственный не берут. С нашей проблемой. Я и так все деньги на квартиру эту и на сад.

— Посиди здесь, Ань. Я воды принесу. Ты не расстраивайся так. Говорят, строительство быстро закончится и здесь столько рабочих мест добавится, что в городе прирост населения начнется.

«А сейчас? Что мне сейчас делать?»

Он вышел из кабинета, а я подняла взгляд на телевизор на стене, где работал городской канал и как раз передавали новости. Как раз показывали наш комбинат, а потом объемный «три д» проект торгового центра и спортивного комплекса. Который собирались построить на этом и прилегающих участках. Чтоб он сгорел их проект и тот, кто все это затеял

вместе с ним.

— По проекту планируется так же снос пятиэтажек старого образца по улице Коминтерновский и Метрозаводской. С жильцами, уже выдуться беседы о купле квартир по хорошей цене. Тем более Егор Александрович Шумаков лично обещал, что уже осенью будет предоставлен проект новостроек...и наш город выйдет на новый уровень.

Я медленно подняла голову и почувствовала, как слезы стеклом застыли в глазах. Я ушам свои не верила только сердце моментально отреагировало на имя и фамилию. Так болезненно отреагировало, что я широко открытым ртом воздух глотнула, а закрыть уже не могла. Меня словно два раза сильно ударило, сначала в солнечное сплетение, а потом прямо в сердце. Я воздух хватаю, а выдохнуть не могу. И болью все тело скручивает...почему? Почему именно сейчас и именно он? Я не готова. Я не ожидала. Это слишком жестоко.

Смотрю на высокого мужчину в светлом костюме с глазами стального цвета именно того холодного оттенка, который бывает у лезвия ножа. Когда я последний раз в них смотрела они резали меня намного больнее, резали так, что у меня до сих пор все шрамы рваные и кровоточат.

Взгляд цепкий, как у хищной птицы и это лицо с широкими скулами и неровным, несколько раз сломанным носом. Такое родное когда-то и совершенно чужое сейчас, с появившимся налетом цинизма и ледяного холода. Им так и веет от его пристального, тяжелого взгляда. Замораживает развороченные и незажившие раны, жжет их азотом. Так смотрят те, для кого люди всего лишь мусор под ногами. И я не верю, что его волновали блага города. Только деньги, как и всю его семейку. Ведь все можно продать и купить. Человека можно стереть, словно и не было его никогда. Как будто он умер и похоронить живьем, утрамбовать могилу чистыми, сверкающими ботинками и наплевать на то что там под землей кто-то в отчаянии бьется, кричит и умоляет дать сказать...хотя бы одно слово. Но палач на то и палач, чтобы безжалостно приводить приговор в исполнение. Мой палач был ко мне безжалостен и особо жесток.

А когда-то мне его глаза казались до безумия красивыми. Я посмотрела в них первый раз и из моей памяти исчезли все другие, которые видела до него. Любила так как любят только первый раз влюбленные, до безумия, до иступления

Я все еще видела его по ночам...и просыпалась в слезах, проклиная предателя. Потому что время не лечит. Нет у предательства сроков давности, как и у боли его нет. Она бессмертная и беспощадная в своей непредсказуемости. Когда вдруг набрасывается диким, голодным зверем и

треплет добычу пока кости не начинают хрустеть и слезы не кажутся кровавыми. Если бы не моя девочка я бы задохнулась под теми комьями грязи, что он обрушил на меня, я бы не выдержала. Но она не дала сломаться, выбора мне не оставила.

Первый год я коляску ночью катала туда-сюда в своей однушке и выла, кусала подушку, чтобы дочку не разбудить... я тогда еще не знала, что ее просто так не разбудишь. У меня денег на кроватку не было. Потом, когда на работу Валера устроил одна из девчонок с бухгалтерии мне свою отдала.

Со временем я научилась справляться. Даже умудрялась на двух работах работать. Разносила газеты с Машей в перевязи и мыла офисы тоже с ней вместе по вечерам. Если б еще мамочка моя жива была, но к тому моменту прошел почти год с ее смерти. Нет возраста для сиротства. Оказывается, себя чувствуешь сиротой и в девятнадцать, и потом в двадцать пять, и до конца жизни, наверное. Когда не к кому прийти и голову на груди спрятать или склонить на колени, чтоб просто рыдать навзрыд, орать от переполняющего безумия. А тебя просто по голове гладили и тихо шептали:

«Ничего, доченька, все хорошо будет вот увидишь. Ты справишься ты же у меня сильная. Видишь, у тебя теперь у самой дочка есть».

Я ее голос у себя в голове слышала, когда раскачивалась с малышкой из стороны в сторону, не видя ничего перед собой из-за слез. Выла и думала, как он там живет...без меня с девками своими, с сукой этой мамочкой его, которая меня возненавидела с первого же дня, как он привел меня к себе домой.

Живет и не вспоминает о нас...И лучше бы не вспоминал. Только я в совпадения никогда не верила. Спустя пять лет этот человек вдруг появляется в моем городе и покупает тот комбинат, на котором я работаю и оформляет под снос тот дом, в котором я живу. И я с ужасом понимаю, что приватизировать я квартиру так не успела у меня после маминой смерти не хватило нужных документов и денег. Полина Алексеевна из ЖЭКа обещала помочь, но она на днях в Германию с сыном уехала и даже не позвонила мне. Сколько времени пройдет прежде чем нас выставят на улицу. Наследовать право собственности я не могла я с мамой не жила до ее смерти. В нашем захолустье никто не претендовал на квартиру, все люди уезжали в соседний очень крупный город, поэтому я не тряслась за свои четыре угла...пока сейчас вдруг не поняла, что я останусь на улице. Никто мне уже не даст приватизировать жилье, если дом собралось сносить.

Домой я ехала как в каком-то тумане, меня даже слегка пошатывало и перед глазами лицо его мужественное с грубым подбородком гладко

выбранные широкие скулы и спрятанная в чувственных губах ухмылка. От ненависти заболели кости и сводило скулы. Мне хотелось найти где-то пистолет и застрелить его или заколоть ножом. Приехать в ту студию или под здание мэрии и убить его. Я ведь специально годами себе не позволяла думать о нем, слышать и видеть. Знала, что не отпустило, знала, что стоит голос услышать и боль обязательно вернется.

На экране за него говорила какая-то его шестерка, а он пару раз посмотрел на дорогие часы и затем снова в камеру своим коронным взглядом, не моргая прямо в душу. И я этот взгляд на повторе вижу снова и снова, как и голос репортера, которая задавала ему вопросы и кокетливо улыбалась. Вспомнила, как он в очередной раз вскинул руку и на безымянном пальце блеснуло кольцо, а меня как бритвой по сердцу, несколько раз и инстинктивно тронуть свой безымянный...когда-то там тоже было колечко. Подаренное моим бывшим мужем Егором Шумаковым. Он содрал его с моего пальца и вышвырнул в окно...спустя несколько месяцев я ползала под теми окнами, чтобы найти и продать у меня еще не было работы, пропало молоко я тогда думала, что Маша ослабла от голода и поэтому не кричит, а соседи стучали мне в стены.

Приехала домой, поднялась на пятый этаж, отыскивая ключи в сумочке, но дверь оказалась приоткрытой. Я зашла и остановилась на пороге по квартире рыскали какие-то люди. Мужчина и женщина. Он осматривался по сторонам, а она что-то писала в толстую тетрадь. Соседка, которая с Машей оставалась, тут же бросилась ко мне.

— Это из управления. Уже занялись выселениями вплотную. Твари.

А меня от злости трясти начинает я бросилась к ним и закричала:

— Вон пошли отсюда! Вооон! Это моя квартира! Не смейте сюда заходить! Мояяяя!

— Вы чего разорались тут?! Квартира не ваша у нас все документы имеются.

— Вон! Вон отсюда! Убирайтесь. Ничего вашего здесь нет! Ничего нет!

Я толкнула его в грудь и худой мужичек с оспинами на щеках попятился назад.

— Пойдемте Нина Андреевна. Чокнутая какая-то. С полицией в следующий раз придем.

Когда за ними захлопнулась дверь я бросилась к шкафу, распахнула его и схватила в охапку Машу, сильно прижала к себе, когда она обвинила меня руками и ногами. Она очень боялась чужих. В силу своего недостатка

внезапное появление кого-то, кого она не знала очень сильно ее нервировало.

— Не их это все. Наше. Никто нас отсюда не выгонит.

А у самой слезы по щекам текут и болью все тело скручивает потому что знаю — отберут. Вопрос времени, когда. Но в любом случае очень скоро. И я понятия не имею куда мне идти с ребенком.

— Анечка, ты не расстраивайся так. У нас проживешь сколько надо. Места всем хватит. Мама только об этом и говорит весь день. Они с тетей Людой сколько лет дружили.

Я киваю и Машу глажу там, где пробор между косичками, это ее всегда успокаивает. А кормить они нас тоже на свои деньги будут? А к врачу мне как ехать? Что ж оно так вместе все.

— Ладно. Я пойду маме ужин нагрее. Ты заходи если что, хорошо?

— Да, Машутку уложу и зайду. Иди-иди. Спасибо тебе.

— Все плохо там да?

Я опять кивнула и с трудом сдержалась, чтоб не разрыдаться. При Маше не хотелось она всегда вместе со мной плачет. На кухню ее понесла, сумку поставила сотовый достала, а там смска от Валеры:

«Я сегодня с Шумаковым разговаривал. Рассказал о твоей ситуации. Позвони ему — вот номер. Он сказал, что найдет для тебя пару минут».

От ярости я швырнула телефон на стол и шумно выдохнула, потом посадила дочь на стул и жестами спросила:

«Хочешь я кашу манную сварю?»

Улыбается впереди одного зуба нет, волосы из косичек выбились и я не могу не улыбнуться в ответ.

«А сгущенка есть?»

«Есть»

«Тогда давай свою манную кашу и сгущенку с печеньем»

Глава 2

Я не могла рассказывать ей сказки, но я могла прикасаться к ней и бесконечно долго прятать за ушко пряди ее волос пока она не уснет. Моя мама делала точно так же, когда я была маленькая. Придвигала стул к моей кровати и по волосинке перебирала мои волосы у уха пока я не усну.

Это не значит, что Маша не знает сказок. Она совершенно нормальная и умненькая девочка. Она уже знает алфавит ей пришлось его учить раньше, чем обычным детям, потому что мы с ней вместе учили язык жестов. Я — онлайн, потом показывала ей и она запоминала. Компьютер первым делом взяла в рассрочку, когда Валера устроил меня на комбинат. В соседний город ездила в спец учреждение для глухонемых. Психолог помогла мне и рассказала, как вести себя с Машей. Я была настолько занята работой и поиском способов выжить, что я очень долго не замечала, что с моим ребенком что-то не так и что плачет она тише и что ее не будит перфоратор за стенкой, и что на улице она спит безмятежным сном под гул и шум общественного транспорта. Меня некому было учить, не кому рассказывать и подсказывать. Ни друзей, ни мамы, ни родственников. Так вышло. Отца я своего не знала, а мама честно сказала, что забеременела, потому что очень хотела ребенка, а с мужчинами у нее не сложилось. Она сама детдомовская не привыкла ни готовить, ни убирать, ни мужчин привлекать. Родила меня почти в сорок. Всю жизнь сама то по общежитиям, то в коммуналке. Когда я появилась ей выдали вот эту вот однушку. У нее была я, у меня она и нам никто не был нужен. Замуж она так и не вышла не хотела, чтоб у меня был отчим. Когда мама умерла я поняла, что никто и никогда меня не будет так любить, как она любила и мой мир уже не станет прежним. У меня была только Маша, как у моей мамы я.

Я собиралась горы свернуть, но сделать ее счастливой насколько могла. И по началу это счастье заключалось в том, чтобы мне было чем ее кормить, во что одеть и куда уложить спать.

Когда ОН выставил меня за дверь, то швырнул мне денег в конверте на дорогу. Я швырнула их ему обратно. Дура. Любой бы сказал, что я дура. Потом в ломбард пошла и заложила сережки, которые мама на выпускной подарила. За эти деньги мы и доехали домой. В нашу с мамой квартиру, где все напоминало о ней: каждая вещь, каждый цветок на старых обоях и даже запах въелся в стены. Ее запах. И от одной мысли, что все это будет

разбивать какая-то равнодушная машина, разбивать мои воспоминания, мое детство, сгребать в груды разноцветного мусора, безжалостно давить все что мне дорого, у меня внутри все начинало саднить и болеть.

Посмотрела на спящую Машу и снова на вышитую мамой картину, на шторы, которые она сама сшила. Бросила взгляд на свой сотовый. Схватила его и стерла смску Валеры. Черта с два я пойду к нему! Время он для меня найдет. Ублюдок! Самоуверенный, богатый, наглый мерзавец и подонок. Жить видно не смог, зная, что нам хорошо без него, что мы ни разу у него ничего не попросили, не приехали и встреч с ним не искали...Приперся, чтобы проехаться по мне танком еще раз, чтобы кости мои раздробить окончательно в пыль. Скотина! Ненавижу его! Как же я его ненавижу!

И я лгу...искала. Ездила несколько раз в город, чтоб его увидеть. Да, идиотка, жалкая, достойная презрения. Стояла зимой через дорогу в старом пуховике, с низко надвинутым капюшоне и плакала, слезы на морозе замерзали, а он из машины с женой своей будущей тогда вышел. Красивый, как всегда шикарно одетый, улыбается своей белозубой улыбкой и смотрит на нее...вот этим взглядом, от которого у меня дрожали когда-то колени и скручивало низ живота. Теперь он так же смотрит на кого-то другого, голосом своим шепчет им то, что шептал мне. И тогда хотелось убить их обоих, перебежать через дорогу и долго бить ножом и его, и ее. Отомстить, причинить ему боль, чтоб понял каково мне с израненным, исколотым сердцем жить дальше. Но дома осталась Маша, моя маленькая девочка от которой этот подонок отказался едва я вернулась из роддома, у которой никого кроме меня не было. Я не имела морального права опуститься. А через время поняла, что он не достоин того, чтоб я из-за него села в тюрьму и слёз моих не достоин. И все равно плакала по нему. Первое время каждый день. Упаду без сил на кровать, качаю коляску и плачу. Ничего из-за слез не вижу.

Маше было чуть больше шести месяцев, когда я заподозрила, что с ней что-то не так. Я тогда убирала в квартире, она игралась в стульчике для кормления, а я мыла окна, неловко стала на подоконник и свалила горшки с цветами они с грохотом разлетелись по полу, а Маша продолжала играть с кусочками хлеба, макая их вместе с пальчиками в кашу. У меня все внутри похолодело. Я уже нарочно свалила еще один горшок, а она даже голову не подняла, а потом посмотрела на меня и улыбается. Я спустилась, медленно подошла к ней и хлопнула у самого лица в ладоши, а малышка не вздрогнула и не моргнула.

Я рыдала и целовала ее, прижимая к себе, вспоминая все те разы, когда она не реагировала на громкие звуки. Потом было обследование в другом

городе и понимание, что мой ребенок не такой как все и что мне придется учиться с этим жить. А сейчас я к этому даже привыкла и мне не казалось чем-то особенным и ненормальным. Я не замечала ее недостаток. Но из государственного садика нас просто выдавили. Психолог написала (не без ведома заведующей), что Маша отстаёт в развитии, ходит под себя и ведет себя неадекватно. Им видите ли не хотелось портить статистику таким ребенком, как Маша и другие родители на нее, как на прокаженную смотрели. Их дети видите ли боятся тех звуков, что издает моя немая малышка. Нам сказали, что мы должны идти в спец сад. Конечно должны, только в нашем городе его нет. А переезжать мне не за что и жить будет тоже не на что. Здесь все же работа и даже подработка по вечерам — репетиторство с соседской девочкой по математике.

Тяжело выдохнув, подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Глаза опухли от слез. Как давно я не плакала? С тех пор как смирилась с тем, что мы с Егором никогда больше не будем вместе и он не придет, не извинится и не заберет нас с Машуткой к себе. Да, я верила первое время, что придет. Узнает, что все ошибка и будет просить прощения.

Да, я представляла себе сотни раз, как он умоляет меня забыть каждое его слово, забыть пощечины и то как рычал мне в лицо, тряс проклятыми бумагами, а потом ими же отхлестал по лицу и то как выставил из дома. А я... я от шока ничего не могла сказать...потому что никогда его таким не видела.

Но шли дни, а он не ехал...шли месяцы, шли годы. Он просто вычеркнул нас и продолжил жить дальше, не прошло и пары месяцев как он женился.

Бумаги о разводе мне привезли за неделю до его свадьбы. Деньги решают все. Там даже была не моя подпись. А кому я что-то докажу? У меня денег на колбасу и хлеб нет, а на адвокатов тем более. Государственные скажет кто-то? Он купит любого. И частного, и государственного, и их родителей вместе с их домашними животными, и бабушками с дедушками.

Мне так и сказал его шестерка, который приезжал за месяц до этого. Тот самый, что когда-то зонтик держал, когда я выходила с машины, лебезил и во всю рассыпался комплиментами. Я его выгнала и расписываться не собиралась, хотя мне предлагали деньги. Я отказалась. Впрочем, кто вообще ожидал моего согласия. Мне всучили документы в руки и посоветовали даже не дергаться. Я и не собиралась.

Я видела его свадьбу с ней...издалека. Мне это было нужно. Я пришла

за порцией адской боли, чтобы выдрать его из своего сердца. Это была ампутация без наркоза, на живую ржавой пилой. Я смотрела на нее в белом платье, на него в белом костюме и истекала кровью, стоя на тротуаре напротив Дворца Бракосочетания откуда он выносил меня когда-то на руках и шептал мне:

«Моя девочка... никогда не разлюблю. Моя. Вся моя. Слышишь? Нютка, ты мояяяя теперь».

Моя...моя...моя...эхом насмешки звучит где-то в проводах над моей головой. Кажется, что на предателя должны обрушиться небеса, но светит солнце, щелкают фотокамеры и Егор несет на руках другую женщину, она громко смеется, а я... я рыдаю изнутри. У меня траур. Ведь он только что так жестоко убил во мне любовь только умерла она все равно не в тот день...ее агония была долгой и мучительной. Иногда мне казалось, что эта сука все еще живая и прячется где-то в темноте. Выжидает вместе со своей подружкой болью, чтоб впиться меня голодными ртами и напомнить, что я от них не избавилась.

Сотовый запиликал снова и я бросила взгляд на дисплей.

«Ты ему звонила?»

Я ничего ему не ответила, положила сотовый в сумочку и села за стол, закрывая лицо руками. И еще одна смска. Как назло, не дает успокоиться, подумать.

«Светлова, ты меня игнорируешь? Я ради тебя между прочим старался. Можешь и дальше молчать. Все. Я умываю руки. Это уже слишком, Аня».

Плевать. Ты все равно уезжаешь утром. Слишком или нет не тебе судить. Это я одной ногой на улице с ребенком, а не ты.

Я не уснула в эту ночь, так и сидела за столом налила чаю себе и маме и проговорила с ней до утра. Может кому-то это покажется странным, а я иначе не могла, я бы сошла если бы запретила себе это делать. У меня в голове она мне отвечала и даже давала советы. Как раньше. Как всю мою жизнь пока она была рядом.

Потом почти под утро вскочила из-за стола и начала переворачивать все документы, складывать их в папку. Посмотрела в конвертик в маминой тумбочке — там неприкосновенные деньги на специалиста и обследование в другом городе. Решительно достала их оттуда, пересчитала. Мало конечно. Но это и все, что у меня есть на сегодня. И если потребуется я заплачу кому нужно и оформлю эту проклятую приватизацию. Святая наивность. Какая же я дуручка. Я забыла с кем имею дело и с кем связалась. Точнее я тогда просто не представляла кем он стал и на что

способен. А нужно было это учитывать, чтобы не было снова так больно разбиваться об острые рифы реальности.

Оставила Машу с Таней и поехала в центр, полная надежды, полная веры хоть в какую-то справедливость... Мне казалось, что если я расскажу как мне тяжело, покажу документы о том, что у меня ребёнок инвалид надо мной сжалятся. Да, я была готова давить на жалость чиновникам. Я верила, что среди них есть просто люди. Я ошиблась. Там, где дело касается денег людей практически не остается — только ходячие банкоматы. И она разбилась вдребезги, когда мне показали документы о том, что моя квартира приватизирована вчера неким Черняковым, а сегодня продана Шумакову Егору Александровичу. Все документы заверены нотариально. И я усмехнулась — перед глазами, как дежа вю мои документы о разводе. Тоже официальные, с печатями и даже с моей подписью.

— Вам нужно освободить квартиру до завтра до двенадцати часов дня.

И все. И никакие конвертики, никакие взятки не помогут. Я, наверное, побледнела как полотно и облокотилась о стенку. Всем было на это плевать. Люди вообще любят не замечать чужие проблемы, все видят только свои. Зачем задумываться, отяжелять собственные мозги, заставлять совесть вылезать из захламленного угла и немного ею пользоваться, если удобно ее запинать куда подальше и жить в свое удовольствие. Моя хата с краю. И презирать тех, кому не повезло, смотреть этим сочувствующе-презрительным взглядом от которого хотелось забиться в угол и спрятаться, чтоб никогда и никто не видел, как мне больно. Чтоб не смели жалеть.

А потом шла по улице с шарфом в руках и не знала, как я сейчас приду домой. Как выдержу это все. Как расстанусь со всем, что есть в этой квартире? И куда мне идти? Тех денег, что у меня есть, хватит лишь на пол месяца. И все. И потом улица. Даже если я поживу у Тани с тетей Соней, то мне все равно нужно где-то работать и питаться, Машеньку кормить.

Внезапно мне посигналили с дороги, и я инстинктивно отодвинулась в другой край тротуара, не оборачиваясь. Посигналили снова. Я обернулась и, увидев джип, ускорила шаг. Стало не по себе, потому что машина продолжала за мной ехать, а потом резко выехала вперед на тротуар. Я остановилась, прижимая сумочку к груди, а из джипа вышли двое мужчин ростом под два метра, в черных классических костюмах и двинулись на меня быстрым шагом. Они молча подхватили меня под руки и затолкали в машину. Я не то что не успела сопротивляться, я даже закричать не успела, у меня от ужаса голос отнялся и ноги занемели.

Они меня грубо затолкали на заднее сидение и сами сели впереди, а я тяжело дыша, замерла, даже не оборачиваясь на того, кто сидел рядом.

Потому что знала — это ОН. Мне даже смотреть не нужно было. Я его кожей почувствовала, каждой клеточкой своего тела. Запах его узнала. Он не изменился за столько лет. Тот же парфюм, тот же аромат дорогих сигар и его собственный. Тот самый, который невидимым клеймом остался на коже, въелся в волосы и в мозги. Ненавистный запах предателя. Сердце кольнуло такой болью, что я стиснула пальцы, впиваясь ногтями в ладони и чувствуя, как больно дышать становится рядом с ним. Нет, у боли нет срока давности. Эта сука бессмертна.

— Ну здравствуй, Анна. Не люблю просить дважды. Люблю все получать сразу.

Он вообще не любил просить. Он всегда брал то, что хочет, выдирая с мясом, отрывал с корнями. Не отказывая себе в удовольствии наблюдать как, кто-то прогибается под его желания и интересы. Когда-то меня сводила с ума его самоуверенность, его властность, его могущество и то, что такой мужчина обратил внимание на такую, как я. А сейчас я ненавидела его так сильно, что от этой ненависти ломило все тело.

— Что тебе надо?

Жалкий вопрос, сериально-глупый. Но ничего другого в голову не приходит.

— Тебе передали, что мне было надо, но ты решила меня проигнорировать.

Я так и не смотрела на него. Краешком глаза видела руку с двумя печатками одной на среднем пальце и другую на большом. Белый манжет с серебристой пуговицей. Вены на запястье, аккуратные ногти и сильные, нервные пальцы.

— Нам не о чем говорить.

— Да ладно. Разве ты не хочешь попросить меня о помощи? Меня заверили, что ты в ней прям-таки нуждаешься.

С каждым его словом в грудной клетке увеличивалась боль, она давила изнутри так сильно, что мне хотелось закричать и впиться в него ногтями. Этот голос...как бы он не звучал сейчас, моя проклятая память реагировала на него. И кончики пальцев начинали дрожать от понимания, что вот она и состоялась та встреча. Которую я представляла себе первые несколько лет. Но он не просит прощения, а я ненавижу его еще более люто, чем тогда. Ненависть, как и любовь крепнет с годами. Она до невероятного постоянна.

— Я в тебе не нуждаюсь, как и не нуждалась все эти годы.

Усмехнулся я скорее угадала, чем услышала. Я даже увидела ее мысленно, как прячется в его губах и сверкает из-под густых бровей стальной взгляд. Когда-то я смотрелась в его глаза и наслаждалась своим

отражением в светло-серой туманной дымке, которая густела и превращалась в обжигающую ртуть, когда он смотрел на меня с голодом. Мне и сейчас хотелось поднять голову и...увидеть вблизи за столько лет.

— Ну что ты, маленькая моя, конечно же нуждаешься.

Издевательский тон, вкрадчивый и обманчиво спокойный голос. «Маленькая моя» ты не имеешь права меня так называть. Не смей никогда больше! Не твоя.

— Это все ты, да? Зачем?

— Если я скажу, что соскучился ты согласишься?

Почувствовала, как коснулся волос на затылке, а я отпрянула к окну и сжала челюсти до боли. И в эту секунду Егор вдруг сжал пальцами мои волосы и насильно развернул к себе, заставив посмотреть в свое лицо и задохнуться от этой близости. Задохнуться от того что он несколько не изменился. Только возмужал и возраст сделал черты его лица еще резче и выразительней.

— На меня смотри, когда я с тобой говорю. Мне в глаза. Я сказал, что соскучился по суке, которая наставила мне рога пять лет назад. И знаешь — это правда. Я всегда был честным с тобой.

— Сочувствую, — пошевелила губами, вспоминая тот раз, когда он смотрел на меня точно так же, как на тварь или мерзкое насекомое.

— Нет, моя девочка, это я тебе сочувствую. Лучше бы я о тебе забыл, правда?

Держит сильно за волосы и гладит скулу согнутым пальцем, а я не могу смотреть на него. У меня адский диссонанс, потому что его образ и то, что он мне говорит...это ведь было не про нас. Ведь когда-то он умел смотреть на меня иначе. Когда-то он ласкал меня этими пальцами и этим голосом.

— Правда. Чего ты хочешь? Ты ведь чего-то хочешь, верно?

Пожал плечами, а сам все так же смотрит глаза сузились и на скулах желваки дергаются.

— Ты знаешь вначале просто хотел купить этот комбинат. А потом... потом мне захотелось купить тебя. Почему бы и нет? Почему не я?

— Денег не хватит.

— Хватит, Аня. На такую как ты много и не надо, но я готов раскошелиться. Например, купить твой дом. Все здание и снести на хер. Или не дать тебе устроиться на работу и смотреть, как ты загибаешься.

Он побледнел пока говорил мне все это, его черты заострились, а серые глаза потемнели на несколько оттенков.

— Не смей. У меня ребенок...

— Я помню, что ты не просто мне ставила рога, а еще и принесла мне свою нагулянную дочь и пыталась уверить, что она от меня. Так значит придется прийти и попросить. У меня есть деньги... У тебя...

Опустил глаза в вырез моего платья, приподнял одну бровь и усмехнулся криво своими чувственными губами.

— Могло быть и лучше. Я думал шлюшки ухаживают за собой поддерживают товарный вид. Но видимо спрос низок и товар не востребован.

Замахнулась, но он перехватил мою руку и завел ее за спину. От ярости и ненависти начало драть в горле и ломить ребра. Ненавижу подонка!

— Я подожду, Аня. Я умею ждать. Ты приползёшь. Я тебе обещаю. На коленях.

Наклонился через меня, открыл дверь и вытолкнул меня из машины на тротуар.

— Мой номер найдешь, когда решишь, что готова поторговаться. Не забудь завтра выехать вовремя из моей квартиры.

Визжа покрышками джип рванул с места, а я, тяжело дыша, так и стояла на дороге, не обращая внимания на то что меня объезжают машины и сигналият мне. Я все еще не верила, что этот разговор был, я все еще не могла понять, о чем он был.

А потом начала задыхаться, хватаясь за горло, согнувшись пополам. Я не верила, что он сказал мне все это. Не верила, что это вообще происходит на самом деле. Сердце как сжалось, когда я его увидела и больше не разжималось. Болезненно стучало, каждый удар оглушительно сильный.

Не попрошу. Я буду искать работу. Уборщицей пойду, а его ни о чем не попрошу. На три работы устраюсь. Суку пусть свою покупает, на которой женат.

Глава 3

У меня с ней не было нормального знакомства, не было узнавания, не было ничего из того, что принято. Ни дерганий по клубам, ни знакомства через соцсети, она не была знакомой, у которой я перетрахал всех подружек и переключился на нее.

Я ее встретил на остановке. Да, я, тот кто никогда не вылезал из своей спортивной тачки и ласково называл ее «куколка», увидел свое персональное исчадие ада с ангельской внешностью на гребаной автобусной остановке. Стоял на светофоре, кивал в такт басам постукивая пальцами по рулю, на утро после вечеринки в клубе Карла. Фашист умел устраивать умопомрачительные совершенно оторванные зверские тусовки. Я обводил скучающим взглядом эти трущобы, где жила какая-то девка, с которой я познакомился вчера ночью и каким-то образом оказался на ее съемной квартире в заднице мира. Что я делал с ней ночью я не помнил, но на утро она решила, что это надолго и я унес оттуда ноги оставив несколько стодолларовых купюр на оплату съема гнезда.

И увидел ЕЕ. Сидит на скамейке с какой-то книжкой на коленках. На макушке хвост. Волосы выющиеся цвета спелой пшеницы, ветер треплет ее тонкое платье, обнажая стройные ноги в мокалинах и белых носках. Я посмотрел на эти носки и у меня встал. Мгновенно, без раскочки. А она кончик ручки покусывает, а я завис. Просто выпал из реальности. Ничего более сексуального чем ее белые носки и пухлая нижняя губа без следа помады, прижатая погрызанным концом пластмассы, никогда в своей жизни не видел. Мне сигналили, а я вздернул средний палец и продолжал стоять и смотреть на это чудо посреди хаоса.

На дороге из-за нее пробка, а она не от мира сего в книгу свою уставилась. Я никогда читающей девушки не встречал. Музейный экспонат. Автобус подъехал, она встала со скамейки, а у меня в горле пересохло от вида стройных ног и какой-то невесомости во всем ее образе. Чистоты какой-то. Чего-то порочно-ангельского. Я к другому привык. И умом понимаю, что одета с рыночного лотка и что мокасины ее дешевка, и носочки эти дурацкие, и рюкзак джинсовый потертый, а меня ведет, прет меня. Словно кто-то подошел ко мне и в грудь загнал ржавый кол. И все. И больше нет никакого пути назад. У кого-то любовь, у кого-то страсть, а у меня все всегда не как у людей — у меня свое проклятие. Не важно, как ее зовут, не важно где она живет, не важно кто она и, кто с ней. Она для меня

сделана.

Когда потом ночью, нагнул на лестнице Ирку и толкался ей в рот вздыбленным членом, собрав ее светлые крашенные волосы в хвост на макушке и удерживая, пока яростно вбиваюсь ей в глотку, представлял эти долбанные белые носочки, кончик ручки и длинные закрученные кверху пушистые ресницы. Кончил с рыком и пока она сглатывала, вытирая слезы, подошел к раковине, набирая номер одного своего приятеля компьютерного червя, вечно онлайн, вечно на сотовом.

— Сань, привет друг. Да так охрененно. Отрываемся в Радлене. Мне бы пробить маршрут 12 автобуса. Тут не ловит сеть нормально. Пробей для меня все остановки и пришли. Давай. Отблагодарю.

Посмотрел на кокетливо улыбающуюся Ирочку и хлопнул по заднице, а когда она приподнялась, чтоб поцеловать увернулся и толкнул дверь на танцплощадку. Я тогда был безбашенным. Мне казалось, что я бессмертный и все вокруг бессмертные. Я только доучился и начинал работать вместе с отцом в его финансовой компании. Я был беспечно счастливым человеком, оторванным, безумным, зеленым и не подозревающим, что в один день можно сдохнуть, но продолжать функционировать и даже делать карьеру. Что живые мертвецы — это не выдумка обдолбанного голливудского режиссера — это реальность. Моя реальность.

Саня скинул мне маршруты смской и одна из остановок была — Экономический Государственный Университет*1. Скорей всего туда ехала.

Я поднялся, как придурок, по будильнику, и уже в восемь пятнадцать стоял напротив остановки с кофе в термостакане, глазами, как у зомби и сигаретой в зубах. Ждал свои белые носочки. Она пришла минут через пять в джинсах с дырками на коленях, тем же хвостиком и опять в носочках. Фигура, как у фотомодели, ноги длинные, округлая попа и грудь небольшая высокая. Лицо это идеально-кукольное на него смотришь и не моргаешь. Нарисованная что ли. Такие бывают? Настоящие они? Снова учебник какой-то достала сидит читает в ушах наушники, ногой в такт двигает. Лямка какой-то тонкой майки с женским лицом на груди, сползла с плеча и у меня опять сушняк от вида ее груди вздернутой под тонким лифчиком, как после дичайшего перепоя и стояк словно не трахался годами. Потом я перся за ее автобусом. И провожал глазами, когда шла к серому зданию универа. Умом понимаю, что это нездоровое что-то, а сам сидел еще какое-то время в машине, потом приехал после обеда и ждал, когда выйдет.

Я таскался за ней около недели. Ночью все те же клубы, тусовки,

девочки, днем отцовский офис и взгляд, как у имбецила, потому что не выспался ни хрена. Потому что в проклятые восемь пятнадцать стоял на остановке. И, да, я не подходил к ней. Почему? Не знаю. Она была где-то там в белых носочках, а я здесь в своей компании. И ни черта общего у нас с ней не было. А еще мне казалось она меня пошлет.

Через неделю я влез в ее автобус и поехал вместе с ней к ее универу. Всю дорогу на нее смотрел уже с близкого расстояния и у меня дух захватывало, накрыло и не отпускало. Она с кем-то по телефону говорит, и я как маньяк прислушиваюсь к каждому ее слову, к каждому вздоху. А она меня не замечает. Даже не знает кто я. Все в городе знают, а она полный ноль. Не в теме совершенно. Да и куда ей в тему — она по ночам спит, а днем в универ свой ездит и на танцы какие-то.

Нет для нее реального мира. У нее свой какой-то. Там нет грязных клубов, сосущих на лестницах бл**ей, кокаиновых девочек и мальчиков, латентных самоубийц и тому подобной херни. В ее мире белые носочки, майка с Мерлин Монро, мороженое пломбир и дешевые китайские наушники. Она поет вслух когда думает что ее никто не слышит, ездит на велосипеде, а летом уезжает в какую-то деревню к какой-то тете и, о боги, ковыряется в огороде. Меня засмеют...и мне насрать. Она же божественна. Но все было потом. После того как она стала моей.

Я с ней выходил на остановках, водиле своему деньги в карман и прыгал в тачку, в офис ехал. На Ирочку больше не стоит, на Леночку тоже. Не на кого не стоит. Я ее хочу. До боли. До ошизения. Так что яйца поджимаются от одной мысли что губу ее полную трону кончиками пальцев. Чисто хочу. Нежно. И сердце в груди рвано прыгает из стороны в сторону, когда о ней думаю.

Познакомился с ней, как в кино. Она куда-то ездила, а я у дома ее сидел, ждал под окнами. Психовал. Решил подойду и все. И ни хрена в сидение машины врос. Не могу и все. А к ней какой-то урод приставать начал. Я месяц следом хожу, я смотрю на нее и подойти не могу, а какой-то лысый мудак в реперской куртке и кроссах за руку схватил. Меня переклинило. Сам не понял, как сцепился с ним. Бил, как озверевший, а он меня. Только я реально его избивал, а он защищался. Но меня заклинило, и я не мог остановиться, пока она не оттащила.

— Хватит...не надо. Вы его убьете. Не надо. С ума сошли? Это сосед мой. Он урод конечно моральный, но я б и сама справилась.

Справилась бы она. Хрупкая, тоненькая, воздушная. Потом на лавке вытирала мне кровь с лица водой из пластиковой бутылки, а я от счастья дрожал. Вблизи еще красивее, кожа молочно-белая, на переносице

несколько веснушек и пахнет от нее клубникой. Не духами какими-то крутыми, а ягодами. Потом оказалось и правда клубнику ела. Тетка проездом ехала, и она на вокзале ее встретила, клубнику домой несла. Меня тоже угостила.

— Спасибо. А меня Аня зовут.

И улыбнулась. Я вдруг понял, что до этого момента не жил никогда, вообще не был человеком.

— Егор.

— Хотите клубнику. Свою. Сладкая-пресладкая.

И я жрал с ней на лавке клубнику с банки, слушал как она смеется и бл**ь какие на хер клубы, какие Ирки. У меня Нютка появилась. Я влюбился. Насмерть.

* * *

Бросил окурок в темноту и залпом отпил из бутылки виски. Свет так и не включил ходил по кабинету в темноте. Пил и не брало меня. Я ее лицо за пять лет вблизи впервые увидел и понял, что ни хрена я не вылечился. Что я не просто болен, а гнию заживо и только сейчас с меня спал весь грим и я увидел, как кишит червями моя душа.

Пять лет. Я запрещал себе к ней приближаться и вспоминать эту суку ровно пять лет. И все эти пять лет я не хотел знать ни где она, ни что с ней, ни как она живет. Я убеждал себя, что нет ее, умерла. Я даже похоронил ее мысленно на городском кладбище...наверное, я мог бы ее убить. Если бы не ребенок. Ее ребенок не от меня.

Лживая, подлая тварь змеей влезла в мое сердце, в мою семью и выдрала мне сердце своими тонкими пальчиками с розовыми ноготками. Выставила жалким рогаосцем, насмехалась за моей спиной. Жила рядом и...бляяаяаьд, как же не задохнуться... и умилялась тому, как я трогаю ее живот и говорю с чужим, мать ее, ребенком. Натраханым на стороне с ее любовником. Хотя, когда я давил ее тонкую шею она сипела, что не знает чей. Хотя пару раз осмелилась все же утверждать, что мой. Пока я ее не ткнул лицом в результат анализа. Третий, сука, результат. ТРЕТИЙ! Потому что я поверить не мог...потому, что я не хотел умирать. Но все же это была агония.

Когда я увидел ее снова... я вдруг понял, что хочу ее на коленях. Чтоб стояла на полу и умоляла меня простить ее и дать ей денег, дать ей жить, дать ей дышать. Я не вынашивал планы мести, но я носил букеты на ее

могилу в своей душе и каждый раз останавливал себя, чтобы не начать ее откапывать. Я не искал ее. Она нашлась сама, как бумерангом возвращающееся проклятье.

Когда списки работников на увольнение получил...фамилию увидел и все. Меня накрыло. Так люди срываются, когда вдруг дорываются до дозы наркотика. Смертельного. От которого однажды чуть не загнулся. И я захотел ее впрыснуть себе в вену и пусть все горит синим пламенем.

На коленях ее хочу. Там на полу у моих ног. Зареваную. А может и залитую моей спермой не единожды. Какого хера я должен отказать себе в удовольствии?

Впервые за долгие годы я мастурбировал и представлял ее на четвереньках с поднятым ко мне лицом, залитым слезами. Теперь я мог купить всю ее, город в котором она живет и каждое заведение, которое имеется в этом гадюшнике.

Я снова за ней следил. Сам себе не верил, что делаю это. Думал, что изменился за все эти годы, думал время меня изменило и пусть не вылечило, но по крайней мере я больше не зависим от этого смертельного чувства, которое я закопал внутри. Когда ее девичью фамилию увидел попросил личное дело, едва открыл и все. И нет пяти лет. И не было никогда. Я только вчера получил нож в спину и только вчера вытолкал ее из дома, а сам ломал пальцы о стены и крушил все вокруг себя. Потрогал шрамы на фалангах и тыльных сторонах ладоней. Затянулись остались лишь тонкие белые полосы и увеличенные косточки. Тело заживает и регенерирует, а душа не имеет такого свойства если ее разодрать в клочья она уже никогда не срастется. Так и будет вся в дырах. Мне моя напоминала решето.

В тот год, когда я расстался с Аней, Шумный, которого знал весь город, сгнил живьем и больше не родился. На свет появился некто Егор Александрович Шумаков. Ему пришлось восстать из пепла и доказать всем, что его стоит уважать и бояться. Я резко остался один через полгода после развода с Аней погиб отец в автокатастрофе, а мать впала в кому и по сей день лежит почти овощем в спец учреждении. Компания, в которой я был всего лишь вольным слушателем на заседаниях совета директоров стала только моей, и я ни хрена не соображал в том, как она устроена и как работает. Поналетала куча стервятников, как на падаль. Еще на похоронах начали предлагать деньги. Ставки, как на аукционе, кто больше даст. А я в шоке. Для меня смерть отца была неожиданной, стремительной. Я не был готов остаться один со всей этой машиной, которой он управлял на протяжении всей своей жизни.

Но я бы ее не продал. Сдох бы, но не позволил тронуть. За считанные месяцы я выучил о ней все. Макарыч, помощник отца, ввел меня в курс дела и уже в следующем году я сам заключал сделки, которые принесли первую прибыль за месяцы простоя. Некоторым особо настырным пришлось показать, что переходить мне дорогу чревато испорченным здоровьем, а иногда даже инвалидностью или банкротством.

Я влился в тот мир, где нет слабости, нет компромиссов есть стадо и загоняющий его хищник. Есть своя иерархическая лестница и, если не выдрать место под солнцем зубами и когтями, тебя быстро затолкают в нишу «третьего мира», а потом и вовсе «солят» более крупному предприятию. Я не вылезал из офиса и командировок, не давал себе продохнуть. Ночью спал по четыре часа. Ложился под утро, чтоб отрубиться и на хер не думать об этой суке перед тем как уснуть иначе она мне приснится. А она снилась все равно. Часто. Я бы предпочел никогда, но у моего подсознания были на этот счет свои планы, и оно выдавало мне ее в разных ракурсах. Но всегда неизменно красивую. Нежную. С этим пронзительным взглядом ярко-синих глаз. Нютка-незабудка. Незабываемая и неубиваемая тварь. Бессмертная. А какие в них появлялись кристально чистые слезы, и я все ... я был согласен для нее на все. Я мог бы для нее убивать если бы попросила, но она была слишком жалостливой. Или играла роль. Умело, талантливо, гениально.

Иногда снилась в моих объятиях, голая, извивающаяся подо мной пока я яростно вхожу в ее тело, закинув ноги на плечи и тону в этой бездне незабудкового взгляда. Смешно, но я и цветов-то таких не знал. Она показала. Нравились они ей. Ане вообще нравилось все простое, то на что нормальные девушки не смотрят. И меня именно это с ума сводило.

Мне казалось, что никто и никогда не будет любить меня, как она. Идиот. Любовь делает людей слепцами, глухо-немыми моральными инвалидами с ампутированным разумом.

Меня любили и другие женщины. Моя жена, мои любовницы, мои шлюхи. Любили по-разному кто-то мой член, кто-то кошелек, кто-то мою физиономию. Были те, кто любил все вместе — это моя благоверная, на которой я женился в состоянии аффекта, как говорит Фашист. Женат я был до сих пор, детей она мне так и не родила и, если честно, я не особо хотел. Я пытался ее полюбить. Честно пытался. Она неплохая, умница, красавица, в делах фирмы разбирается не лезет никуда, мозг особо не выносит. А я смотрю на нее и раздражает в ней все от кончиков выкрашенных белых волос. До кончиков ее матовых белых длинных ногтей. Я бы развелся, но меня крепко переплело с фирмой ее отца мы вместе разрабатывали четыре

проекта новостроек и торговых площадок в четырех провинциальных городах. Где не было даже нормального детского парка. И пока я не выжму из этих проектов все что мне нужно о разводе не может быть и речи. Кроме того, она поддерживала мой статус — Елена Шумакова.

В наш дом ее привела моя мать.

«Познакомься, сынок, это Леночка. Дочка Юрия Андреевича Добронравова».

Леночка, которую я ставил раком в уборных клубов или ничком укладывал на капот своей машины, а иногда и просто давал в рот, чтоб спустить по-быстрому и не париться. Оказывается, отец давно вел дела с Добронравовым, но я в это не вникал. Потом пришлось вникнуть и не только в это. Потом пришлось иногда забывать, что я человек, подминать под себя компании. Сносить жилые дома, выкупать по дешевке квартиры. Мир большого бизнеса жесток и несправедлив. Впрочем, как и сами люди. Я этому научился еще в юности, когда мне сломали нос за то, что у меня крутой рюкзак. Мажорам было принято вправлять мозги. Пришлось доказывать, что не всем и идти на бокс.

И не было ничего способного выбить меня из равновесия кроме этой дряни. Посмотрел в личное дело потом поехал к ее дому. Увидел в живую. Знаете, что значит удар в солнечное сплетение? Сильный и неожиданный, когда ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я рот раскрыл и вцепился в руль. Смотрел как она идет по тротуару. Стройная, худенькая в скромном платье и волосы по спине вьются локонами. У меня свело пальцы. До онемения. Захотелось их в ее локоны погрузить и ощутить какие они наощупь. Я тогда Валеру сам набрал. С ним все дела вел. Начальник его едва узнал, что мне комбинат слили после того как он отказался его продавать, слег в больницу. И как я понимаю выходить оттуда уже не собирался, да и боялся, что люди его на вилы насадят. Он ближе и доступней его легче линчевать, чем меня.

У Валеры про нее спросил. Сказал, если заставит ее мне позвонить отблагодарю. Тот уверил, что она позвонит безвыходное у нее положение. Конечно безвыходное я ее со всех сторон обложил. Все ходы ее просчитал прежде, чем Валере звонить.

Но она не набрала меня ни вечером, ни потом утром. И меня скрутило еще сильнее, до ломоты в костях. Я захотел ее увидеть. Это стало навязчивой идеей.

А увидел и понял, что не отпущу. Хочу эту суку рядом с собой и не важно каким способом, не важно как. Она приползет ко мне. Одного только не ожидал, что рядом с ней самого так накроет, что контроль начнет из рук уплывать. Что истосковался настолько, что меня трясет с ней рядом, как

наркомана. По привычке волосы ее тронул, а когда дернулась у меня ненависть девятым валом поднялась. Держу ее за затылок, а у самого в висках пульсирует похоть зверская. Взять ее. Распластать на сидении, порвать платье и войти в нее, кусать ее маленькие груди, жадно лизать соски и вдыхать ее запах. Окунуться в это море, принять свой кайф и ощутить, как он потек по пересохшим венам. Будь я один в машине я бы взял и насрать, что она не хочет. Я ее так хотел, что у меня яйца опухли и член болезненно в ширинку упирался. И воспоминания...они меня доконали. С ума свели. Наяву ее хотел. Тронуть, впиться в нее, вгрызться и не выпускать.

Но это было не интересно. Мне захотелось, чтоб она пришла сама. Чтоб она свернула свою гордость бл**ую в кулак и пришла просить. И ненависть в ее глазах больно полосовала лезвием по вскрывшимся ранам. Но мне плевать на ее эмоции. Все равно все они были лживыми. Ненависть все же намного честнее. Меня подбрасывало от одной мысли, что Аня снова будет рядом со мной. Я собирался купить ее себе и доказать ей, что она продажная шлюха. А еще я просто маниакально хотел быть рядом с ней. До трясучки и до адского иступления. Иметь на нее все права. Трахать ее, когда хочу. Увезти из этого Урюпинска... Я поиграюсь и уничтожу ее. Размажу по асфальту. Как она меня когда-то.

Ни «прости», ни «прощай», ни «дай мне шанс, Егор». Ни черта. Просто уехала. Наверное, договорилась со своим уродом встретиться... только он не явился. И уже никогда и ни к кому не явится. Ему железной кувалдой перебили хребет. Он теперь растение без ног и без члена.

* * *

Я отхлебнул виски и ответил на входящий звонок, стараясь сфокусировать взгляд и говорить нормально.

— Да, Артем. Куда? Неплохо. Зайди завтра к ним непосредственно к директору и передай от меня личную просьбу, очень убедительную не брать на работу. Если твоя убедительность будет недостаточной — добавь еще немного, чтоб стало приятней принимать решение. Если и это не поможет напекни, что иногда человеку хватает для нормальной жизни и девяти пальцев на руках.

Говорю, а перед глазами фото с личного дела и я невольно веду по ее уменьшенной копии большим пальцем.

Как же я любил тебя, Нютка, боготворил. Поставил тебя выше себя

самого и молился тебе изо дня в день. Счастью не верил своему. А ты во мне пробудила чудовище и не знаю каких оно достигнет размеров во мне пока не нажрется твоей крови и плоти.

Снова зазвонил сотовый на входящем имя жены и ее фото.

— Да.

— Помешала?

— Нет.

— С госпиталя звонили маму перевели в больничное отделение ей стало плохо. Завтра утром я к ней поеду. Не хочешь вернуться домой?

— Нет, Лена, не хочу и не могу. Займись этим. Я буду благодарен.

— Я соскучилась по тебе, Егор.

Мой палец все еще трогает снимок Ани и внутри поднимается торнадо злости. И я соскучился...но не по ней. А по твари, которая забыла как я выгляжу.

— Сходи в душ и представь, что я тебя трахнул. Можешь это сделать два раза.

— Ты что пьян?

— Трезв, как стекло. Когда будешь мастурбировать смотри не выложи в инстаграм.

— Сволочь, какая же ты сволочь.

— Ты хотела эту сволочь в мужья. Радуйся и наслаждайся сбывшейся мечтой, Ленусииик. Мы узаконили наш минет в туалетах и секс на лестницах клубов.

Она отключила звонок, а я отшвырнул сотовый и снова отхлебнул с горлышка виски. Шатаясь подошел к окну. И не прошло пяти лет, как я снова бухаю в одиночестве из-за это суки и мне хочется сдохнуть.

Нодохнуть нельзя. Самое интересное только начинается.

Глава 4

— Вы же только вчера сказали, что я вам подхожу? Что не так? У меня ведь и письма рекомендательные есть, и я согласна на любую смену.

— Девушка, не надо устраивать истерик. Администрация магазина оставляет за собой право, как брать на работу, так и увольнять и уж точно решать кому отказывать и когда. Удачи вам в дальнейших поисках.

— Это вы из-за ребенка-инвалида меня не берете, да? Так у меня есть няня и я не беру даже больничных.

Женщина с отдела кадров местного небольшого супермаркета (имя я не запомнила) посмотрела на меня из-под очков ее рыжие волосы напоминали щетку с отдела хозтоваров их же супермаркета, а толстый слой тонального крема не прятал неровности кожи, а подчеркивал. Но думаю ее это не слишком волновало. У некоторых есть такой стиль, чем больше грима, тем красивее. Тонкие губы, накрашенные темно-вишневой помадой, сложились бантиком.

— Девушка, вы нам просто не походите. И ваш ребенок тут не при чем. До свидания.

Опустила голову к своему смартфону, а у меня глаза запекло слезами. Это было уже третье место куда меня не взяли. Место, где требовались работники без высшего образования, любого возраста и без рекомендаций. А именно я не подхожу и все. Куда еще идти я не знала. В голову даже ничего не приходило. Но я знала, что обойду все доступные места в этом городе, но работу найду. Назло этому гаду. Он не разрушит мою жизнь еще раз, пусть он смог выжечь внутри меня все дотла, но Маши это не коснется.

— Прошу вас, пожалуйста, я согласна на любую работу не обязательно продавцом. Можно уборщицей или товар раскладывать.

— Послушайте, — медленно выдохнула, — что ж вы так все усложняете? Хорошо я вам отвечу — директор магазина посмотрел вашу анкету и сказал не брать вас ни на одну вакансию. Понимаете? Вообще не брать именно вас. Я понятия не имею почему. Может быть вам виднее? Будь моя воля я б вас взяла с руками и ногами. Нам очень нужны ответственные работники, а то приходят вечно то алкаши, то молодежь. Сплошная текучка. Повышать некого. Все новенькие.

И тут меня как обожгло раскаленным железом — это же он. Это Егор так поступает со мной. Это он, проклятый предатель, приказал не брать меня на работу или заплатил, чтоб не брали. Обещал ведь, что никуда не

устроюсь и приползу к нему на коленях. Сволочь. Что ему нужно? Столько лет прошло. Зачем все это? Неужели его ненависть настолько сильна? Шумаков не смог смириться с тем, что я смогла выжить после того, как вышвырнул меня на улицу?

Тяжело дыша вышла из магазина и прислонилась к стене, щурясь от осеннего солнца, чувствуя, как слезы в глаза лезут, как непреодолимо хочется зарыдать. Давно я не оказывалась в таком безвыходном положении и не чувствовала себя такой беспомощной. С тех, пор как оказалась во дворе огромного дома Шумаковых с дочкой на руках и перед носом закрылись массивные ворота. А когда постучала обратно, рыдая и умоляя выслушать мне сказали, что, если не уйду на меня спустят собак.

Так и шла по улице, чувствуя, как дрожат на ресницах слезы и все скручивается внутри в узел от страха, что работу так и не найду.

Прошла мимо неоновой витрины ночного клуба. Потом вернулась и посмотрела на вывеску. На щитке нарисована стриптизерша с голым задом, танцующая у шеста. Несколько секунд смотрела ... решительно открыла дверь и вошла в темное помещение с въевшимся в стены запахом сигарет и ванили, как в салонах автомобиля. Над потолком крутятся неоновые шары, сверкают лучи света, мигают гирлянды.

— Вы к кому?

Из темноты вышел худой парень в узких джинсах с длинными белыми волосами и двумя косичками вместо челки. Руки «забиты» цветами и шипами.

— Я по поводу работы.

Осмотрел с ног до головы, приподнял проколотую бровь.

— Ну идем раз насчет работы.

* * *

Домой приехала через час...и остановилась возле здания медленно сгибаясь пополам и прижимая к животу обе руки. Почему-то стало больно именно там. Где-то в районе солнечного сплетения. Какие-то люди вынесли мои вещи к мусорке. Мебель, картины, шторы. Поскидывали все в кучу, как хлам. Кто-то копошился рядом и двое бомжей утаскивали стулья и коврики. Задыхаясь я даже не могла закричать. Только подскочила к бомжам, начала их расталкивать, молча, ничего не видя от слез. У меня даже голос отнялся. Потому что среди вещей ярко-красным пятном выделся связанный мамой свитер. Мой любимый красный свитер. Одна из оборванок схватила его и

завязала у себя на бедрах, а я рот приоткрыла и не могу закричать. Потом заметила, как один из мужчин вытащил из кучи мамину икону, вышитую золотистым бисером. И все. И у меня просто сорвало все планки. Я бросилась к нему и вцепилась в картину руками. Дернула на себя.

— Пошла вон — это наше! Заорал мне в лицо, — смердя вонью от гнилых зуюов и перегаром, — Мы первые увидели. Сукааа, вон пошла. Людкааа, убери от меня эту тварь бешеную, у меня руки заняты.

А я вцепилась в мамину картину и пыталась вырвать ее из грязных рук мужичка в порванном свитере и коротенькой шапке, видя как перекашивается злобой его одутловатое лицо с синяком под глазом.

Внезапно набежали такие же оборванцы, как и он. Но я не боялась, меня переклинило, и я впиалась в картину мертвой хваткой. Мне казалось, что если я ее выпущу — я предам маму. Эта икона память о ней для Маши. Потом почувствовала резкую боль в затылке и в глазах потемнело.

«— Мам, я влюбилась. У него глаза такие серые как стали ресницы длинные как у девчонки. Мааам, он красивый.

Ее лицо сквозь туман, и она кажется мне на много лет моложе, склонилась надо мной и по голове гладит. И я счастлива и в тоже время плачу.

— Глупая, моя девочка, любимые всегда кажутся красивыми.

— Нееет, он правда очень красивый. Я таких никогда не встречала. Мам, у него морщинки возле глаз в уголках и кожа смуглая, он такоооой сильный и умный.

— Кажется и правда влюбилась. Осторожней, Анютка, мужчину нельзя любить слишком сильно. Оставь кусочек себя себе. Не отдавай целиком и полностью.

Улыбается. Мамочка, какая же ты красивая, когда улыбаешься. Я так соскучилась по тебе.

— Не могу мам. Он уже все забрал. Меня там нет

— Не говори такие страшные вещи.

— Что ты, мама, там есть он. Везде во мне внутри. Особенно тут. Где сердце.

— Когда внутри так много кого-то может стать очень пусто и больно, когда вдруг окажется, что его там никогда и не было.

— Нееет, такого не может быть. Он тоже меня любит. Я знаю. Я чувствую. В глазах его вижу.

— Моя маленькая дурочка как плохо ты знаешь мужчин.

А она вдруг начала растворяться, становиться прозрачной, и я хватаю пальцами воздух, а голова раскалывается от страшной боли.

— Плохо, да...плохо, мам...очень плохо. Он ведь меня бросил ...и ты бросила. Почему ты меня бросила, мама?

Она головой отрицательно качает. Слезы мне вытирает. Я ее тронуть не могу, а она меня трогает.

— Что ты, моя хорошая. Я всегда рядом. Просто ты меня не видишь. Только во сне.

— Не вижу...не чувствую. Не слышу. Вернись хотя бы на один день.

— Я здесь. Просыпайся, милая. Слышишь меня? Я здесь. Открой глаза...просыпайся, Анютка. Тебе надо проснуться. Тебя Маша ждет».

Раскрыла глаза глубоко втянув воздух и увидела над собой лицо соседки Тони, мамы Татьяны и Варечки ее внучки, а рядом с ними еще двое соседей один с собакой, которая обнюхивает мое лицо и лизнула в нос.

— Анечка, с вами все в порядке? Мы уже скорую хотели вызывать? Эти алкаши сбежали, когда Антон Михалыч с Наполеоном вышел и разогнал тварей.

Я медленно села на земле, чувствуя, то руки влажные посмотрела они в крови пальцы порезала, а картины рядом нет. Выдрали-таки. Антон Михалыч помог мне подняться на ноги Тоня отряхнула подол моего платья, а Верочка подала мне шарфик.

— Хорошо, что сумочку не сорвали.

Я смотрела на них, а лица расплывались, размазывались. До меня еще не доходило, что вот все что было мне дорого валяется на свалке. И мне больше некуда это отнести, уберечь, забрать.

— Выселили, изверги, да?

Я кивнула, сжимая сумочку и стараясь при всех не разрыдаться.

— Так, ты не расстраивайся. Мы кое-что и к себе забрать можем пока жилье не найдешь. Да, девочки?

Женщины активно закивали.

— Заберем, а что. Я на балконе сложу.

— У меня в кладовке место есть.

— У меня места особо нет, но я могу забрать и у себя сложить картины, гардины и еще кое-какие некрупные вещи.

Я повторяла «спасибо», а у самой в голове звенит и кажется, что вес мир снова рушится на сколки и никогда не станет прежним.

За час мы разнесли мое барахло по соседям. Тетя Тоня перебинтовала мне пальцы. Маша помогала Варе — носила мамины рисунки и ее наборы для вязания и нитки. Складывала в шкафчике. При ней мне пришлось взять себя в руки и не рыдать. Но она все и так понимала. Обхватывала мое лицо ладонками и заглядывала мне в глаза.

— Не плачешь? — жестами.

— Не плачу.

— Точно.

— Точно.

Пригрозила мне маленьким пальчиком, а я сгребла ее в охапку и зарылась лицом в золотистые кудряшки. Если бы не она я бы, наверное, не выжила. Я бы не справилась. Все же женское счастье заключается именно в детях, и чтобы не произошло именно в них и сокрыт смысл жизни. И когда кажется, что раскрошило в пыль и уже никогда не подняться на колени приходится собирать всю волю в кулак и подниматься. Жить ради них.

— Я нашла работу, тетя Тоня.

— Ну вот. Не так уж все плохо, моя хорошая. Попей чаю. Я заварила мяту и листья смородины. Все свое. Люда любила мой чай, царство ей небесное.

Меня слегка передёрнуло. До сих пор не могу смириться, когда о маме так говорят. Это о ком-то другом. Мама живая. Она просто куда-то уехала, куда-то где мы пока не можем встретиться.

— И когда выходишь?

— Сегодня в ночную.

— И что это за место такое, что ночью надо?

— Хорошее место. Я потом все расскажу. Вчера вот тоже вышла и сразу уволили.

А сама Машеньке хвостики поправила и на колени посадила к себе.

— Как Маша себя вела без меня? Татьяну вашу не доставала?

— Нет, ты что. Машутка нам, как и Варенька родная. Мы с Людой тридцать лет душа в душу. Семья мы.

А мне стыдно стало, что на голову им свалилась. Старшая дочь тети Тони им Варю привезла на время своей командировки вместе с мужем — у них общий бизнес и я на голову свалилась с Машей на неопределенный срок. И платить особо пока нечем.

Пиликнул мой сотовый. И я на автомате достала его из кармана и тут же вся внутренне сжалась в камень.

«И как с работой? Тяжело? О «панели» не думала? Туда всех берут»

Глава 5

Я разве говорил, чтобы вынесли ее вещи?

Схватил за шиворот Заверина и вдавил в стену.

— Говорил, чтоб глаз с нее не спускали? Говорил, мать твою?

Протащил по кабинету и схватив за затылок ткнул рожей в монитор ноутбука. Так и придержал сплюснутым носом в экране. Хотелось еще поелозить, но я разбил ему нос и вытирать потом дисплей после его кровавых соплей мне не хотелось.

— Что это? Что это такое? Как это могло произойти? Как, ты, урод, мог допустить, чтоб это рванье ее тронуло? Ты где был?

На экране бомжи выдирали из рук Ани вещи, а какая-то баба с пропитой рожей и клочками волос на голове ударила ее бутылкой из-под водки по затылку. Когда я это увидел мне захотелось убивать. Нет, не сраных бомжей, а тех уродов, которых я к ней приставил следить и вести ее. Бомжи и так трупы на прогулке. А этим тварям я плачу немалые деньги, чтоб все делалось как я приказал.

— Пол часа. Мы...отвлеклись на пол часа. Никто не думал, что она на свалку пойдет.

— А тебе просили думать? Ты здесь не для того чтобы думать — я думаю за тебя, а ты делаешь, но у тебя не хватает мозгов даже на это.

Отшвырнул его на пол и дернул воротник рубашки. То жарко, то холодно. Она в моей жизни двое суток! За эти двое суток я уже больше не был собой.

— Значит так — все что эти твари растащили найти и привезти ко мне. Все до мелочей, ясно?

Он кивал, быстро вставая с пола и одергивая пиджак.

— Ясно, Егор Александрович. И мы это... мы дальше следили она на работу устроилась.

Я медленно обернулся, чувствуя, как руки сжимаются в кулаки.

— И куда?

— В Каприз.

Я ударил кулаком по столешнице с такой силой, что по ней расползлись трещины, как паутина, быстро разрастающаяся в размерах.

— Куда? — переспросил, глядя на тонкие нити и откалывающиеся кусочки.

— В Каприз...Мы...мы не думали, что туда пойдет с хозяином еще не

говорили и...

Я потер сбитые костяшки пальцев посмотрел на сочащиеся сукровицей ссадины. Примерно так же у меня саднило внутри при упоминании ее имени. Одна только фамилия в списках и моя жизнь остановилась, и я понесся под откос на дикой скорости. Переломанный, перебитый и сросшийся заново моральный инвалид в жутких шрамах и рывтинах. И я, как тот Дориан Грей, смотрю на себя в зеркало и вместо своего лица вижу уродливое месиво, а вместо кожи тонкую изъеденную кислотой пленку.

— Мы можем отправится туда прямо сейчас и разнести это заведение в щепки.

— Не можете. Я не давал такого указания.

Подхватил со спинки кресла свое пальто и сотовый со стола, Заверин поплелся следом за мной. Хлюпает разбитым носом. Да, хук у меня все еще весьма силен. Носы хрустят на ура. Я хотел увидеть это лично. Ее там среди блядей у шестов или где-нибудь в вип комнате. Увидеть и снова понять, что это просто дранная шлюха, которая притворялась мне маленьким и чистым ангелом. И до сих пор, когда вижу ее, мое сердце сжимается болезненно сильно, так что кажется вся кровь из него хлыщет фонтанами из тех самых дыр. Идиот, а ведь я даже предположить не мог, что он пойдет в такое место...у меня там на уровне подкорки она и всякие гадюшники вместе не сочетались, но суки всегда сношаются по подворотням. Она и тогда себе нашла любовника из таких же, как и сама. Когда увидел мразь не смог удержаться чтоб не сломать ему челюсть и нос.

Запрыгнул в тачку сам. Злость поднимается из глубины души. Темная, вязкая и очень липкая. Бурлит и вскипает, как смола. Педаль газа вдавил и мотор зверем взревел под капотом, а мне кажется, что вот так же внутри меня мечется какая-то обожжённая кипящей смолой тварь без глаз, носа и рта. Мечется и раздирает меня изнутри когтями.

Бросил машину у входа и плевать что закрыл там несколько тачек озабоченных упырей, пришедших подрочить на девочек или получить вип обслуживание. Хотя в этом зачуханном городе вряд ли вообще понимают значение слова вип. Это здание, которое только с фасада светится неонами и требует основательного ремонта. Мне уже прислали и имя владельца и чем он дышит.

Постоял две секунды на пороге давая черной вязкости поползти по венам и отравить меня изнутри и распахнул резко дверь. В ноздри ударило запахом табака, освежителем воздуха, смешанными ароматами парфюма и пота. Наркотой и сексом. Окинул взглядом сцену на которой извивались

голые шлюхи в одних чулках и туфлях на каблуках такой длины, что казалось они на ходулях. Вертят задницами и наклоняются так что их подкрашенные гениталии сверкают в неоновых вспышках. Народ верещит. На сцену летят купюры. А я хотел было прямиком наверх к начальству...но едва ступил на первую ступеньку лестницы...остановился. Голос ее услышал. Отчетливо. Как будто рядом со мной стоит, обернулся и оторопел...И в голове...

«Егор...Егорушка мой...мой...мой. Ты соскучился по мне?». Вместо привет она всегда спрашивала — «ты соскучился по мне?».

Спиной стоит в каких-то лосинах, длинной белой футболке, и драит плитуса тряпкой, одновременно говоря по сотовому.

— Не, Танюш, не устала. Вроде пока терпимо. Спина конечно ноет, а так нормально. Работаю. Начальство аванс обещал, как раз тете Соне заплачу. Та ну перестань вы ж не...

Я в своей жизни встречал много женщин. Так много что даже не помнил лиц и имен. Я знал, что значит похоть, возбуждение и желание отодрать красивую шлюшку. Но иногда у меня не стоял даже когда они раздевались и засовывали в свою щелку пальцы стоя на четвереньках или раскинув ноги в разные стороны, пытаясь меня соблазнить, иногда у меня падал прямо у них во рту или в процессе секса. И мне было по хер что они подумают обо мне я заставлял поднимать и дотраховал потом часами чтоб их дырки полыхали от бешеной стимуляции...Так вот я к чему...она в этих своих черных спортивных лосинах, кроссах с носками и футболке бесформенной, висящей на ней мешком, наклоняясь к ведру возбуждала меня намного больше, чем голые шлюхи на сцене.

А еще внутри разливалось ядовито сочное чувство триумфа — все же не швалью сюда пришла. Не сосущей тварью и не крутящейся у шеста бл**ю. Волосы выющиеся крутыми кольцами в хвост собрала, а меня заклинило на носках...как когда-то. У нее ноги стройные, икры точенные и эти носки, свернутые валиком есть в них что-то трогательно сексуальное. Я ее наклонил над этим ведром, в стенку впечатал и сзади долбил в нее как бешеный оголодавший псих.

— И что она делает? Сказки читает? Передай ей что я очень соскучилась, и мы договаривались, что она ляжет спать. Спасибо, Танюш, ты прям у меня такая...такая родная. Машутку поцелуй.

О ребенке говорит...и снова сукровица из дыр в груди засочилась. Этот ребенок моим мог быть, от меня. Счастливым и любимым нами обоими. И дело ведь не в том, что он чужой, блядь, встретить я ее с ребенком я бы любил и ее, и ее ребенка, ее собаку и даже блох ее собаки. Я верил

ей...я считал ее самым лучшим, что могло случиться со мной в жизни. Наш ребенок был для меня кем-то святым, чистым, неоскверненным, кем-то олицетворяющим нашу любовь. Я ждал ее появления с диким трепетом... но я возненавидел их обоих, когда понял, что нет в них ничего чистого, когда присматривался к чертам лица девочки и искал свои собственные. Искал и не находил. А в кармане тест, а потом второй и контрольным в голову третий.

Я мог ее убить. Я хотел ее убить. Задушить, ломая шейные позвонки, потом закопать во дворе своего дома и лежать там сдыхать от тоски пол этой твари. Но ее дочь заплакала, очень тихо, жалобно и я разжал пальцы... Заорал, чтоб убиралась пока цела. Меня потом этот плач преследовал по ночам, и я рыдал как ребенок...потому что я до смерти хотел, чтоб этот ребенок был моим.

А она смотрела на лицо девочки и искала черты своего любовника к которому ездила и до нашей свадьбы и после нее. Кормила его на мои деньги...СУКА! Ненависть взвилась той же смолой кипящей, и я неслышно ступая вернулся в залу. Сел за столик и подозвал к себе управляющего этим дном. Увидев меня Жермен, а на самом деле просто Жора, в обтягивающих зад и яйца салатowych штанах и белой майке с вывалившимися по бокам сосками, расплылся в заискивающей улыбочке. Видать смотрит новости. Молодец Жора.

— Что угодно такому уважаемому гостю. Любой каприз за счет заведения.

Я повертел бокал в пальцах и сунул в рот сигару тот тут же поднес к ней зажжённую зажигалку.

— Не люблю развлекаться за чей-то счет. Хочу девку одну, но она не шлюха. Она у вас тут полы моет.

Он удивленно отпрянул.

— Анька что ли? Новенькая?

— Да, Анька. Стоит там у лестницы с тряпкой. Пусть ко мне в комнату вип придет. Оплачу так будто ты ко мне своих десять самых крутых девочек привел.

— Нуууу не вопрос хотите ее — будет вам она.

— И позаботься, чтоб нам никто не помешал до утра.

- Не вопрос.

— И еще...пусть переоденется, как девки твои со сцены. Накину сверху еще штуку, если уломаешь.

Глава 6

*Можешь считать, что это полная ерунда.
Даже если бы я мог, я бы не остановил своё
убийство.
Твоё желание — закон притяжения.
Это всё, что я знаю.
© Sollar — Cheat Code*

Пять лет назад

Она жила на съемной квартире. Двухкомнатный клоповник, где две комнаты таковыми на самом деле не являлись и были сделаны из одной, разделённой перегородкой. Я проводил ее до самых дверей и когда она уронила ключи, вместе с ней, как debil, бросился их поднимать. Боднул ее лбом. Потом мы ржали там вдвоем, сидя на четвереньках и я чувствовал себя более пьяным, чем после бутылки скотча или виски. С ней рядом не нужен был ни один допинг. Она сама была как допинг. Оказалось, что у нее нет сотового...Я вообще не представлял, как можно жить без сотового. И ей некуда позвонить. Вы представляете? В наше время человеку некуда позвонить. Она это говорила с какой-то очень смущенной улыбкой и пожимала плечами, а меня это ввело в ступор, и я по-идиотски брякнул:

— А как мне тебя увидеть еще раз?

Она глаза синие на меня подняла и смотрит не отрываясь. Нет в ее взгляде кокетства этого набившего оскомину, флирта, игры какой-то. Она искренне, восторженно смотрит мне в глаза, и я там в ее зрачках отражаюсь сдуревший, волосы торчком и тоже восторженный, как ребенок на празднике. И этот полет со скалы в бездну, когда понимаешь, что пи**ц уже случился и обратной дороги нет. И жутко становится, что с ней он не случится. Даже несмотря на взгляд этот.

— Клубника понравилась?

И я точно знаю, что, если поцелую сейчас у нее во рту вкус этой самой клубники. Губами если по ее губам провести, а потом обхватить нижнюю и втянуть жадно, пробуя на вкус какая она там, с другой стороны, я непременно сойду с ума от адского концентрата клубники в своих венах.

— Ты, — наклонился к ее лицу, сам не понимая, что делаю, пристально вглядываясь то в один глаз, то в другой, и дух захватывает от

стремительности, с которой я падаю вниз, — ты понравилась.

— Так быстро? — ресницы длинные дрожат, и я почти касаюсь носом ее губ.

— Почему быстро?

Дышит часто-часто и клубника теперь везде вокруг меня горячая, до невозможности сексуальная клубника, которой она выдыхает мне в лицо.

— Может домой пригласить?

— Пригласи...

От одной мысли о том, что сейчас впечатаяю ее в дверь и жадно вопьюсь в ее рот своими пересохшими губами стало пульсировать в паху.

— Думаешь с такими, как я, можно сразу? Да пошел ты!

Она увернулась, дверь как-то быстро открыла и исчезла за ней, захлопнув прямо у меня перед носом. Я даже опомниться не успел. Твою ж мать! Вот идиот! Напугал ее. Это я за ней месяц таскаюсь, а она меня впервые видит. Это я до озверения хочу ее запах на языке попробовать, а я для нее маньяк извращенец похлеще того дебила в кроссах.

Я так и остался возле ее двери, руки в карманы и не знаю, что делать — постучать или уйти. Был уверен, что ментов вызовет или кричать будет. Простоял, наверное, около часа, еще столько же под окнами. Уехал домой и не мог о ней забыть. Перед глазами губы ее, как улыбается, как ест клубнику и салфетку мне дает, чтоб вытерся. Час общения, а я овощ. Ее овощ. Черт, я столько мозолей за ночь не натирал при первых стояках. У меня какой-то спермотоксикоз начался, даже в подростковом возрасте со мной ничего подобного не происходило. Мне кажется я наяву чувствую этот умопомрачительный запах клубники и от любого другого тошнить начинает. Все эти Шанели, Ричи, Гучи. Все на хер. Меня вставлял только ее запах. Я искренне завидую тем, кто шел к своей любви медленно, у кого были шансы свернуть, свалить вовремя, передумать. У меня ничего этого не было. Увидел, прикоснулся и заразился.

Как вы думаете куда маньяк поехал прямо с утра? Правильно, к ее дому. Спрятал машину в кустах и красными, как у кролика, глазами высматривал, когда выйдет из подъезда. Вот так и становятся пациентами психиатрических клиник встречаются другого человека и сходят с ума. Просто потому что в эту секунду тебя больше нет, на свет рождается что-то другое, больное и неправильное и тем не менее самое красивое в моей жизни. Как, впрочем, и самое уродливое впоследствии. Она вышла не одна, а со своей соседкой похожей на Мерлина Менсона, волосы фиолетовые, ботинки на каком-то безумном каблуке, вся «забитая», губы черно-красные. Интересно что между ними общего? Хотя, какая мне разница.

Я на автомате вдавил педаль газа и ломанулся на своей спортивной «куколке» прямо за ними, догнал и с довольной рожей, перекрикивая музыку предложил подвезти. Мерлин Менсон похлопала ресницами и сложила рот в траурный бантик, а Нюта посмотрела своими синими глазами так, словно я не подвезти предложил, а потрахаться. И это было для нее охренеть как оскорбительно.

— Ты следишь за мной? Ты что больной? Никто никуда с тобой не поедет. Я вспомнила, где тебя видела. Это какой-то спор или прикол? Отвали, понял?

— Аньк, ты чего? Поехали мы ж проспали и маршрутка теперь черт знает когда приедет.

— Я лучше опоздаю...

Потащила Менсона за собой, та только и успевала каблуками перебирать, оборачиваясь на меня, надувая пузыри из жвачки и пожимая плечами. А я сидел и улыбался. У меня к физиономии прилипла эта тупая улыбочка. Девочка в белых носочках меня сделала, как лоха. Просто щелчком пальцев прямо в грязь. Так меня еще никто не посылал. Чтоб глядя в глаза и открытым текстом. Обычно у девочек от вида моей тачки мокрели трусики и вставляли соски, а от вида моей физиономии вблизи они сразу опускались на коленки чтобы принять меня в рот с таким видом будто на них снизошла манна небесная. И мне нравилось распылять в их силиконовые губки свое естество. Я привык к этому раскладу он меня более чем устраивал...и сейчас мне казалось эта малышка с кукольными глазами и локонами размазала меня по асфальту. Смотрел ей вслед и исходился слюнями на ее попку, затянутую джинсами и длинные ноги.

Пи***ц какой-то.

Ошалевший дал по газам и промчался мимо них, на ходу закуривая и врубая музыку. Заехал к одной из всегда готовых и согласных, из инстаграмовской фан-группы Гоши Шумного, сына олигарха и владельца самой крутой тачки в городе, отодрал прямо у двери, кончил ей на огромные, прыгающие в такт толчкам, силиконовые шарики, покручивая неестественно длинные соски и раздумывая о том, что их тоже вытягивают как-то или с ними ей все же подфартило от природы? Нет, я не представлял себе Белые Носочки, я просто грязно трахался и сбрасывал напряжение и ни хрена не сбросил. Швырнул на стол деньги, чмокнул обладательницу шаров в щеку, избегая целовать раздутые губы — черт его знает в чьем еще фан-клубе она состоит.

— Я наберу тебя, Лер.

— Хорошооо, набери. Только я не Лера — я Света.

Да хоть Оксана. Какая разница, главное, чтоб не Славик или не Артем, а то сейчас нарваться, как два пальца.... Съездил к отцу в офис послушал скучную лекцию, позевал, прикрывая рот рукой и смылся пока все вышли на перекур. Опять сидел в машине недалеко от ее дома...психовал, потому что она не возвращалась, и я проклинал себя, что не подождал ее у универа. Внутри такая ярость бешеная поднималась от мысли, что у нее какая-то своя жизнь и в ней вообще нет места для меня и скорей всего есть какой-то урод, с которым она встречается и даже спит. Уроду заочно оторвал яйца, отрезал член и сломал ноги и руки. Выкурил, наверное, целую пачку пока вдруг не увидел Менсона с плеером в ушах и рюкзаком кислотно-сиреневого цвета. Выскочил из тачки и за ней. Когда за руку схватил она заверещала, но едва меня увидела — узнала и притихла.

— Помнишь меня?

Кивнула. Так же жвачку жует, надеюсь новую. В темноте точно Менсон. Интересно, лет восемнадцать назад он приезжал к нам с гастролями или это крутой косплей?

— Подружка твоя где?

— А ты этот, да? Ты Гоша Шумный?

Кажется, меня клеит вот это нечто ну или пытается склеить. Мерлина Менсона я мог только слушать, трахнуть бы точно не смог, и его женская копия меня не впечатляла.

— Смотри, видишь сколько здесь бумажек?

Развернул веером три сто долларовые купюры. Она приоткрыла рот и кивнула.

— Сколько?

— Трии.

— Ты мне говоришь, где твоя подружка, а я нечаянно уроню бумажки на землю, а ты подберешь. Скажешь нашла.

Когда я шел обратно к машине, она крикнула мне далеко не Менсовским голосом:

— Так ты Шумный или нет?

Я ей не ответил, запрыгнул в тачку и повернул ключи в зажигании. Я ехал в какую-то забегаловку под названием «Три тополя», где моя девочка с синими глазами оказывается работала официанткой. Я в такие места не хожу обычно. Не ходил. Теперь еще как хожу. Я уселся за один из деревянных столиков и принялся лихорадочно оглядываться по сторонам. У бара три алкаша, кстати, заведение вполне можно было назвать именно так, судя по его контингенту. За столиками не пусто, но и не густо.

Увидел ее с подносом в милом фартучке зеленого цвета, в бейсболке и

обо всем забыл. Плевать где сидеть, хоть в вареничной на вокзале лишь бы она обслуживала мой столик. Ко мне идет. Сердце забилося так, словно я втянул сразу несколько дорожек кокаина или залпом выпил полбутылки виски. Она голову подняла, посмотрела на меня и тут же опустив поднос направилась обратно «за кулисы». Твою ж мать! Но почему? Что не так-то со мной? Через несколько минут ко мне подошла другая официантка.

— Добрый вечер, помочь вам с меню?

Прищурился и посмотрел ей прямо в глаза.

— У вас работает девушка Аня передайте ей, что я сделаю заказ только у нее.

Через несколько минут «моя не та» официантка вернулась.

— Простите, но у нас у каждой свой столик и у Ани уже есть несколько. Она не сможет обслужить еще один.

Поманил ее к себе пальцем и когда она наклонилась сунул ей за пазуху деньги.

— Пойди в туалет, сделай вид что тебе очень плохо и уйди домой.

— Но ...но нас всего двое сегодня. Она не справится.

Я сунул еще одну купюру и заглянул в темно-карие глазки. Очень милые. Еще месяц назад меня бы вполне удовлетворила именно она во всех смыслах этого слова. Ведь я еще был здоров.

— Просто уйди домой, а я разберусь с этим.

Спустя минут двадцать я потягивал свою собственную минералку и смотрел как милая девушка с карими глазками уходит, очень талантливо согнувшись пополам с невероятным страданием на лице.

Аня подошла к моему столику не сразу. «Поморозила» меня еще четверть часа. Демонстративно с грохотом положила передо мной меню, а я расхохотался, откидываясь на спинку стула.

— Не смешно. Ты правда маньяк? Мне начинать тебя бояться?

— Бойся, — я совершенно честно ответил на ее вопрос и отодвинул от себя меню. — я правда маньяк.

— Увольняй! Никуда я не пойду! — Попятилась к стене, споткнувшись о ведро чуть не упала, — Вы с ума сошли все? Что вам от меня нужно! Я ни к кому не пойду!

Жермен пришел не один привел двух охранников они втроем зажали меня у стены возле лестницы. Я к ней спиной прижалась и смотрю на них по очереди. Поверить не могу, что со мной это происходит. В первый же день работы. Ведь было внутри ощущение, что нельзя сюда идти, что добром это не кончится. Но какие к черту предчувствия, когда меня наконец-то взяли и даже пообещали аванс в первый же день и пусть парень,

который назвался Жерменом при мне вдыхал дорожки какого-то порошка со стола я схватилась за эту работу и в упор не хотела ничего видеть. Я думала только том, чтобы тете Соне хотя бы на еду дать и начать жилье искать.

— Пойдешь, сука! Раздень ее!

Кивнул на меня тряхнув длинным чубом и смотрит своими мутными глазами, подтягивая рукава кислотного цвета свитера чуть выше локтя. Руки худые в татуировках и несколько браслетов на запястье звенят.

— Та ладно, Жор, уймись...она ж не из этих.

Сказал один из охранников и на меня быстро посмотрел. В глазах прпомелькнула жалость и я ухватилась за нее, как за спасательный круг.

— Да...не из этих. Пожалуйста!

И все еще понять не могла зачем я им, почему вдруг меня заставляют идти к какому-то клиенту. Я всего здесь пару часов и меня не видел никто. Я не покрашена, одета, как попало. Я не могла привлечь чье-то внимание во всем этом.

— Та по хер из каких! Ты знаешь кто у меня там сидит? Я ее лично суку раздену и приволоку к нему за волосы. Хочешь, чтоб нас закрыли и Шаня тебе и мне яйца оборвал? Он ее захотел. ЕЕ. Так что пусть идет и отсосет ему или чего он там хочет. Давай, Ден, убеди девочку раздеться или раздень ее сам.

Один из охранников лысый здоровый боров посмотрел на другого и двинулся на меня. У этого уже никакого сочувствия в глазах не было совершенно отморозенный взгляд. Ему приказали — он делает. Если ударит от меня мокрого места не останется.

— Ребята, пожалуйста. У вас же девочек много. Я...же не из ...не из таких... я прошу вас! У меня ребенок маленький дома, я убереу здесь все и уйду.

Но меня схватили за волосы и впечатали в стену с такой силой, что из глаз искры посыпались и подогнулись колени.

— Слушай сюда, соска драная. Ты знала куда шла. Не в магазин и не в кондитерскую, и не в детский садик. Ты пришла туда, где девочки перед большими дядями за деньги ноги раздвигают. Если тебе скажут сосать — будешь сосать! Ты аванс свой хочешь? — Жермен подошел ко мне сзади и тонковатым голосом на ухо пищит, потом за волосы дернул и о стену ударил головой так что перед глазами потемнело и губу засадило, развернул к себе, — Дам больше, если сделаешь, как сказал и клиент доволен останется! Быстро разделась и пошла. Похороню суку, если что-то не так будет!

От ужаса у меня все узлом в животе скрутило и дышать стало нечем. Тронула губу на пальцах кровь осталась. Перевела взгляд с Жермена на охранников и обратно.

— Пожалуйста, я прошу вас. — очень тихо, чувствуя, как по щекам слезы катятся. — я ничего не умею и не знаю.

— Я сказал раздеться или тебя пацаны по кругу пустят. Бесплатно. Для повышения квалификации и опыта.

Я всхлипнула, а он отпустил мои волосы.

— Размер обуви какой?

А меня трясет зуб на зуб не попадает, и я понять не могу что он от меня хочет. От страха болит низ живота и сердце как клещами зажато. Только бы не сделали со мной ничего...все можно пережить. Я переживу. Мне домой надо. К Машеньке.

— Тридцать седьмой.

— Неси туфли, Фил. У девок возьми. Давай, сучка, в темпе.

Я стянула вещи с себя как в каком-то трансе, пытаюсь как-то скрыться от их взглядов, отвернуться к ним спиной, прикрываясь руками. Это даже не страх, это панический ужас и шок. Мне помогают, выдирая с рук футболку и отбрасывая лосины в сторону под лестницу.

— Я сама. Не трогайте меня. Не надооооо.

— Трусы свои позорные и лифчик допотопный тоже снимай! Снимай, бл**дь! Не то сейчас пацаны с тебя снимут. А она ничего, а, Фил? Быренько ты туфли подогнал. Этот не зря на нее глаз положил. Сиськи большие и задница сочная. А с виду худая все под своим мешком спрятала. У тебя не встал м? На Аленку нашу похожа...тебе ж нравятся такие блондиночки сиськастые. Я б ее натянул.

— Натянешь потом. После нашего гостя. Давай, переодевайся, сучка!

Я быстро натягивала на себя трусики больше похожие на две нитки, блестящую короткую юбку и эластичный топ. Они даже не смотрели на меня ржали, курили. Насмотрелись, наверное, на тех, что на сцене, а мне до них далеко. Только почему-то это не имело сейчас никакого значения. По лестнице спустились несколько танцовщиц и равнодушно прошли мимо.

Я хотела крикнуть, а потом вдруг поняла, что всем плевать... а я сама виновата. Я не должна была лезть в это место. Должна была понимать, что такое может случиться. Дура. Почему я всегда такая дура. Дрожащими руками застегнула босоножки на высокий каблуках, чуть ногу в них не свернула. Подонки повернулись ко мне и лысый присвистнул.

— Че? У нас даже уборщицы те еще куколки, а? Шаня доволен будет.

Жермен схватил меня под локоть.

— Если все пройдет хорошо получишь хорошие деньги, поняла? А что не так — укропа, усекала? Все! Пошла!

Кивнула, глотая слезы, подворачивая ноги на лестнице, меня волокли под руки. Я от страха даже сопротивляться не могла. Мне казалось я снова в каком-то кошмаре как когда-то очень много лет назад, когда Егор выгнал меня из дома и я так и осталась стоять на улице с сумкой и дочкой на руках.

По коридору шла оборачиваясь назад, в какой-то беспомощности и жалкой надежде, что кто-то увидит, вмешается, а стук каблучков тонул в красной ковровой дорожке, пальцы охранника стискивали мою руку до синяков, дотасил до какой-то двери с серебристыми буквами «ВИП 6» и толкнул в нее за затылок.

Я с трудом удержала равновесие и на мгновение словно ослепла от неоновых лучей со светящегося шара под потолком. Позади что-то щелкнуло, и я поняла, что закрыли комнату снаружи. Невольно забарабанила в дверь.

— Выпустите меня! — в истерической попытке подергала ручку.

— Я же говорил, что панель — это твое место. Здравствуй, Аня.

От этого голоса наяву и настолько близко в замкнутом пространстве по коже прошел очень болезненный разряд электричества. И тут же волной едчайшей и неразбавленной ненависти вместе с пониманием. Как же я не поняла сразу кто все это придумал, не поняла чьих рук это дело. Кто загонял меня, словно дичь в свой капкан и ждал, когда я в него попадусь и ... я все же попала. Медленно обернулась, глядя на него из-за спутавшихся и прилипших к заплаканному лицу волос.

— Как и твое среди шлюх.

Сидит в кресле. Хозяин жизни в темном костюме, ноги широко расставлены, руки на спинке и первые пуговицы белой рубашки расстегнуты. В неоновом свете она не просто белая, а светящаяся, как и белки его глаз. Кожа контрастом темная ...он всегда был смуглым. К нему загар цеплялся даже зимой.

«— Шумаков, скажи мне — ты ходишь в солярий?

— А ты?

— Что?

— Если ты ходишь, и я хожу. В твой

— Не хожу.

— Я знаю...хочешь пойти?

Пальцы с моими сплетает и в глаза смотрит невыносимо пристально, даже не моргает. Красивые у него глаза. Светлые, нежные...даже взглядом ласкать умеет, а иногда и сжигать в пепел, так что стонать от возбуждения

вслух хочется.

— Нет. Я просто спросила. У тебя кожа смуглая.

— Правильно не надо в солярий. Мне нравится, когда ты такая белая. Нравится быть на тебе темным...когда руку на грудь кладу и контраст этот пиз***ц.

— Перестань! Я же о другом говорила.

— Почему? Представила, да? Что представила? Как ласкаю тебя?

— Перестань! Мы же в кафе!

— И что? Оближи губы, Ньютааа...»

Как же я любила его тогда. До безумия, до исступления. Нельзя так любить правильно мама говорила. Нужно себя себе оставлять. Не отдаваться всей душой. А сейчас моя ненависть плескалась и выплескивалась наружу. Мне кажется ею пропитался воздух вокруг нас. И у нее даже запах есть. Она воняет сгоревшей проводкой и мне кажется я вся дрожу от нее.

— Как давно ты себя причисляешь к шлюхам? А где же «я не такая я жду трамвая»? Как раньше?

Затянулся сигаретой и усмехнулся зубы сверкнули в полумраке, и он всколыхнул лед в бокале.

— Чего ты хочешь от меня?

— Сейчас или вообще?

Очень сильно работали кондиционеры и мне казалось, что я превращаюсь в кусок льда. Я еще никогда не видела у него такого жуткого выражения лица. Даже когда выгнал меня не смотрел вот с этим ледяным цинизмом, замораживая меня на кристаллы и заставляя бояться. Вдоль позвоночника словно прошлись иглами, вгоняя их под самые кости и заставляя выпрямиться, напрягаясь всем телом.

— Вообще, — очень хрипло.

— Я и сам не знаю. Но точно знаю, чего хочу от тебя сейчас. Иди на сцену, Аня.

Судорожно сглотнула и хочется заорать, броситься на него с кулаками, но меня останавливает этот взгляд, которого раньше я никогда не видела — замерзшая ртуть или иней поверх стального клинка. Отрицательно качнула головой. А он открыл портмоне и достал несколько купюр, положил на стол.

— Тебе ведь нужны деньги?

И я понимаю, чего он добивается — чтоб я доказала своим поведением, что он не ошибся — я шлюха.

«Шлюха! С кем трахалась? С кем, твааарь?! Я убью тебя! Слышишь,

мразь? Я тебя убью? С кем, мать твою? Чья она?»

Вздрогнула выныривая из воспоминаний и процедила сквозь зубы:

— Пошел ты!

Склонил голову к плечу, усмехаясь. Вся его былая эмоциональность исчезла и вот эта циничная ухмылка с тяжелым взглядом из-под полуопущенных век заставляла покрываться мурашками и подрагивать.

— Ты отсюда выйдешь только когда станцуешь, Аня. Если на это потребуются сутки — ты будешь стоять на этой сцене сутки. Двое суток — значит двое. Неделя — значит неделя. Без воды, еды и туалета. Тебе ведь надо домой к дочери?

— Ублюдок!

— Так обычно называют детей, рожденных вне брака или от другого мужика? Верно? Я вроде был рожден в браке и от своего отца...МОЯ мать шлюхой не была.

Не договаривает давая мне прочувствовать каждое слово. И то, что спрятано между строк. И у меня щеки полыхают как от ударов...как тогда, когда бил бумагами по лицу, а потом ладонью наотмашь, швырнув мне результаты проклятого теста. И сейчас он меня бил еще раз только уже намного чувствительней потому что просчитал каждый удар.

— Иди на сцену, Аня. Ты ведь еще не разучилась двигаться? Станцуешь, разденешься догола, возьмешь деньги и свободна. На сегодня.

— За что? Что я сделала тебе спустя пять лет? Ты ведь уже успел забыть обо мне!

Опрокинул бокал до дна и затушил сигарету в пепельнице, медленно поднял на меня взгляд:

— Давай, я жду! А я очень не люблю ждать.

Посмотрел на часы, а потом снова на меня.

— Каждая минута моего ожидания — равна часу. Буду ждать пять минут — ты просидишь здесь пять часов.

Глава 7

Я ждал какое решение она примет, рассматривая ее тело в неоновом полумраке. С какой-то исступленной жадностью. Ничерта не изменилось оно по-прежнему такое же гибкое, стройное, сочное и до одури желанное: длинные ноги, тонкая талия и тяжелая, полная грудь, бешено вздымающаяся под блестящими тряпками. Нет, он ей не подходили. Слишком дешево и вызывающе. Я помнил, как она выглядела в сногшибательных эксклюзивных нарядах, в которые я любил её одевать и любоваться ее красотой, шалея от осознания, что она моя. И все равно даже в них она какая-то необыкновенно бесценная, особенная. Как и тогда на остановке в белых носочках, которые бодрили покруче чулок или туфель на шпильках. Так и сейчас все эти блески смотрелись на ней лишними и в тоже время ее ничего не могло испортить, и я не солгал, когда сказал, что она уже не та...потому что она, блядь, лучше себя в прошлом. Как будто на портрет в моих воспоминаниях нанесли свежие краски делающие ее ярче, ослепительней, красивее. Назло мне.

Когда-то я имел на это тело все права. И, как оказалось, не только я, мать ее. Сучку эту, которая мне разъела мозги, как раковая опухоль. Я думал, что я даже не в ремисии, что уже все кончено, но ни хренааааа, стоило только приблизиться к ней и все полетело к дьяволу. И мне хочется причинить ей боль, увидеть, как она исказит черты ее лица.

Смотрю на нее, разглядывая стройные ноги с тонкими лодыжками и аккуратными икрами, идеальные колени, округлые бедра. А глаза кровью наливаются от похоти, которая скручивает все тело волнами накатывающего сумасшествия. Не изменилась совершенно, все такая же красивая тварь, такая же нежная кожа и до безумия сексуальная фигура. Сочетание кукольной идеальности и в то же время чисто женского мягкого очарования. Женщина-ребенок. Взгляд ангела и улыбка порочной сучки. Я уже забыл, как она улыбается.

Могла ведь измениться за эти годы, истаскаться. Должна была. Я хотел этого каждый раз, когда вспоминал о ней. Хотел, чтоб ее било жизнью. Чтоб трепало и топило на самом днище. Но она видать прекрасно жила без меня. Сколько у нее было кобелей? Наверняка не счесть. Надо своим дать задание узнать кого она в свою постель приваживала, а может приваживает и сейчас. Вряд ли эта шлюшка была одна. Такие одни не остаются.

— Не надо, Егор. Не поступай со мной так. Я возненавижу тебя еще

больше, если такое возможно, — сказала очень тихо, глядя на меня издалека.

Не поступать с ней так? А как она потупила со мной? Или только потому что она женщина она имела право наставить мне рога, наградить чужим ребенком, а я должен был содержать эту мразь и ее отродье? Нет, блядь, я не само благородство, и я искренне желал ей сдохнуть. Как, впрочем, и себе. Больше месяца после ее ухода я был похож на живой труп вечно мертвецки пьян, а когда трезвый, то трялся от абстинентного синдрома и орал как раненное до смерти и бьющееся в агонии животное. Мать тогда повезла меня к какому-то старику в глубокой деревне и тот отпаивал меня отварами, говорил со мной о жизни. Много умных вещей говорил, а я его слушаю и ощущаю себя живым мертвецом, которого подняли с могилы. И она мне здесь о ненависти какой-то бормочет. Да что она о ней может знать, проклятая дрянь, вонзившая мне нож в спину? Она слишком ничтожна для того чтобы прочувствовать все грани того чёрного и жгучего яда, который разъел мне кости.

— Думаешь для меня имеет значение, что именно ты чувствуешь? Время пошло, Аня.

— Будь ты проклят, Шумаков! Я хотя бы могу сказать тебе в лицо, как всегда ненавидела и презирала тебя! Будь ты проклят, подонок! Я все эти годы надеялась, что ты умер в страшных мучениях. Разбился на машине или сдох от передоза со своими друзьями!

Где-то внутри меня еще один я, тот слабак, который выжил несмотря на то что я закапывал его вместе с ней на кладбище воспоминаний, согнулся пополам и рухнул на колени, корчась с мучительным стоном. А оказывается мне все еще адски больно. И нет никакой брони, которую я думал, что отрастил за все это время. Каждое ее слово, сочащееся ненавистью, как удар ножа в ту самую вечно гниющую и пульсирующую нарываами рану, и она всего лишь затянулась коркой, которую эта сука вскрывала одними лишь словами и внутри все шипело и пенилось от яда, сжигающего мне вены. Когда-то вот эти самые губы шептали о любви, умоляли, выставляли и кричали мое имя, целовали, ласкали. И я был самым счастливым идиотом на свете. Ее тихое «я так сильно соскучилась по тебе, Егор...так сильно, что мне кажется я умерла и воскресла снова». Только за это я мог убивать ее снова и снова. Стрелять в упор в ее лживое сердце каждый раз, когда у меня в голове она произносила эти самые слова.

А сейчас? Сейчас я превратился в рухлядь и гниль в оболочке человека и это не она униженно стоит там на сцене, а я ментально стою перед ней на коленях и хочу получить хотя бы суррогат прошлого безумия, это я все еще

бегаю за ней, все еще иду по ее следу верным псом, которого не просто предали, а раздавили колесами и проехали вперед-назад, а он выжил и теперь оскаленный, больной от своей собачьей злой любви идет по ее следам, чтобы рвать на части своего палача, а потом зализывать ее раны и где-то в душе искренне надеяться, что она протянет руку погладить зверя по морде...но вместо этого она метко наносит удар за ударом, прямо под ребра туда где все и так ею разворочено. Ну нет, сукааа, в этот раз я не буду корчиться один, я сожгу тебя дотла. Обглодаю твои кости. Я буду грызть их медленно и долго. Потому что несмотря на адскую боль я рядом с тобой снова живой. Даааа, наконец-то за все эти пять лет я вылез из-под земли и как голодный упырь жаждал нажраться ее крови и снова стать человеком, а не полусгнившим трупом.

— Танцуй, — сделал глоток виски, глядя, как она поднялась на маленькую круглую сцену с неоновой подсветкой. Каблуки стучат по блестящему пластику и ее ноги, затянутые в чулки, отражаются в зеркальной поверхности. — Подожди! Волосы распусти!

Потянулась за заколкой, сняла и зло швырнула в мою сторону. Поймал на лету и положил на столешницу. Когда-то меня сводили с ума ее волосы, длинные, густые, вьющиеся непослушными кольцами. Они змеились по мне, когда она скакала сверху на моем члене, развернутая ко мне спиной, а я яростно нанизывал ее на себя, прихватив густую шевелюру в кулак и заставляя Аню изогнуться назад, зверея от вида ее ягодич, ударяющихся о мой пах, от видя своего блестящего от соков члена поршнем входящего в матово-белое тело. Бл***дь, это был самый бешеный секс в моей жизни. Потому что я не трахал ее — каждый раз я исступленно ее любил. Разными способами самыми пошлыми и извращенными, самыми грязными и в тоже время кристально чистыми. Говорил ей "трахать хочу тебя, Ньюта, драть на частииии"...а думал о том, что любить ее буду, залюбивать до хрипоты, до срыва голосовых связок.

Она начала двигаться там на сцене...безжизненно вертеть задницей, как обдолбанные малолетки на танцполе похожие на шатающихся зомби. Ходит вокруг шеста, виляет бедрами не в такт музыке.

— Поживее. Меня не заводит. У меня не встает, когда ты ползаешь там, как черепаха.

Лжец. Жалкий лжец. У меня встал едва она сюда вошла и стоял так, что казалось меня разорвет на части от адского возбуждения.

— Как умею.

— Умеешь. Не лги. Когда-то я тебя забирал с твоих дурацких подтанцовок, где ты задницей рисовала восьмерки. Или думаешь у меня

отшибло память?

— Не помню как. У меня отшибло. Это было слишком давно.

И продолжает двигаться, как кукла с несгибающимися рукам и ногами, и бесит меня этим. Нарочно бесит.

— Танцуй, я сказал. Нормально танцуй. Не то я эти минуты засчитаю тебе в долг. Работай. Я заплачу, если мне понравится. Или я сейчас закрою тебя здесь до завтра и приду вечером посмотреть, как ты научилась танцевать. Давай! Возбуди меня.

Она начала двигаться намного живее, напоминая те времена, когда я сдирал ее после ссоры со сцены клуба, где ее сочное тело извивалось охрененно сексуально под любую музыку назло мне, а потом она стоя на коленях в туалете брала у меня в рот, сидя на корточках, а я собирал ее волосы в хвост на макушке и вонзался ей прямо в горло, вспоминая как на сцене вертела упругой попкой затянутой джинсовой мини-юбкой и злился, как дьявол за то, что другие мужики это тоже видели и исходились на нее слюной. Рядом с ней я превращался в ревнивого безумца. От одной мысли, что кто-то ее тронет своими грязными руками у меня крышу срывало. Я мог за это убить. Реально забить насмерть только за одно прикосновение к моей девочке. А она...ее не просто трогали ее еб***л какой-то урод и заделал ей ребенка.

Когда она трянула головой, ритмично двигая бедрами и наклоняясь вперед так, что я увидел ложбинку между грудей, у меня мучительно зануло в паху и поджались яйца от невыносимого желания посрывать с нее все тряпки и трахать прямо на этой сцене или на столе. Да по хер где. Я не просто соскучился по ней, я оказывается осатанел без нее, окончательно спятил и обезумел. И мне херово, смотреть на нее настолько чужую...меня как током бьет и рвет нервные окончания от одного понимания — все это долбаная игра, которую я же и придумал. Она никогда не стала бы танцевать для меня...да и раньше делала это только потому что хотела захомутать самого Шумакова.

— Раздевайся!

Сбилась с ритма. Остановилась и смотрит на меня.

— Помочь? Или сама? Юбку сними.

Просто смотрит мне в глаза и не двигается, а я издали не вижу выражение ее лица, вижу только это тело, отсвечивающее в неоне и прикрытое лишь блестящими тряпками, которые спрятали от меня то, что жаждал увидеть немедленно. Встал с кресла ощущая, как болезненно впиалась ширинка в мой каменный стояк. Зажал сигарету зубами и пошел к ней, размешивая лед в бокале. Попятилась назад, но кроме шеста там

ничерта нет. Облокотилась об него и смотрит на меня... а я чем ближе подхожу, тем бешенней колотится сердце или то что эта сука от него оставила пять лет назад. Дергается, подпрыгивает, ранится о ребра.

Еще несколько шагов и брови сходятся на переносице теперь я вижу, что ее лицо блестит, щеки мокрые от слез? Подошел еще ближе, поднялся на две ступеньки и стал напротив. Так близко, что до меня доносится запах ее волос. Все тот же запах клубники, что и когда-то. Невыносимо едкий и сильный. И мне до боли в скулах захотелось зарыться в них лицом. Я изголодался по ее запаху, я по нему иссох, как в вечную засуху. Глоток... Ньютааа, глоток дай. Потом я буду тебя потихоньку закапывать. Вначале несколько глотков, чтоб самому вынырнуть из мрака.

Непроизвольно вытер слезы с ее щек... дорожки ее ненависти ко мне на бледных щеках, глядя в огромные синие глаза, наполненные влагой и отчаянной злостью. Зато честно, Егор, зато наконец-то каждая эмоция правдива и пусть это будет даже ненависть. Опустил взгляд на ее губы и почувствовал, как внутри взметнулось что-то черное и жуткое — нижняя губа разбита. Автоматически повернул ее лицо в разные стороны — увидел синяк на правой скуле и выдохнул через стиснутые челюсти.

— Ктоооо? — проревел, не узнавая свой голос.

— Те, кому ты приказал привести меня сюда. После тебя обещали пустить по кругу...разве ты не этого хотел?

Я ее почти не слышал — перед глазами все затягивалось красным маревом, как обычно когда меня клинило и в башке что-то со щелчком переключалось. Палец продолжал гладить ее нижнюю губу, а я уже нащупал в кармане свой сотовый.

— Я хочу, чтобы завтра на месте клуба Каприз начали строить торговую площадку. Да. Завтра. Деньги любые. И еще — когда я выйду отсюда, чтоб здесь уже никого не было. Пусть музыку включают погромче и вышвырнут всех до единого, всех блядей и их мудаков на улицу. Хозяина и его упырей сложи для меня где-нибудь в сторонке, я к ним наведуясь завтра, когда появится время. И чтоб ни одна тварь не смылась. Отвечаешь за это лично, Боря.

Спрятал сотовый обратно в карман с удовлетворением, глядя как округлились ее глаза и слегка приоткрылся в ужасе рот. Да, маленькая, я теперь нечто другое. Далеко уже не тот лох, которого ты развела так умело и так быстро.

— Больно? — потрогал скулу и нащупал шишку сбоку на ее лбу. Ублюдки видать приложили ее головой о стену. Завтра линчую каждого.

— Тебе какое дело? — и слезы злые продолжают в глазах блестеть.

— Верно. Никакого. Раздевайся. Я хочу видеть тебя голой. По кругу не пустят. Я жадный, Ньюта, ты разве забыла? Я буду пользоваться тобой сам.

Не раздевается, смотрит на меня, тяжело дыша, слезы не катятся, они застыли в глазах, и я готов ее за них ударить сам. За слезы отвращения и гадливости от понимания, что я увижу ее раздетой. Да, мне можно ее наказывать. МНЕ можно делать с ней все что угодно. Но ни одна мразь не может тронуть ее и пальцем.

Рванул на ней блестящий топик и задрожал всем телом увидев ее голую грудь. Тяжелую, упругую с темными резко очерченными сосками. Как же мне нравилось всегда смотреть на ее грудь. Где-то вдалеке раздавались крики и звуки ударов, они просачивались даже сквозь громкую музыку.

— Будешь насиловать? Теперь ты способен даже на это?

Выплюнула мне в лицо, вздернув подбородок и тяжело дыша.

— Возможно...но не сейчас. Не здесь, Аня. Здесь ты обслужишь меня так, как обычно обслуживают в вип комнатах. Или ты не попадешь сегодня домой, а может не попадешь туда и завтра.

Прихватил ее волосы и застонал от того как заскользили тугие локоны между пальцами. Сильно сжав, вынудил ее опуститься на колени и усмехнулся, увидев ужас в ее глазах.

— Что такое, память действительно отшибло? Или я плохо тебя промотивировал? Раньше видать было лучше, когда ты собиралась стать мадам Шумаковой тянулась к ширинке сама и рот открывала, едва я его вытаскивал.

Потянул за змейку, задыхаясь от вида ее голой груди и широко распахнутых глаз. Бляядь, я готов был спустить только от того, что ее соски сжались от холода и страха. Нет, я не собирался трахать ее в рот, я вообще не собирался ее трахать в этом месте, но я хотел увидеть, как исказится от унижения ее кукольное лицо.

Спустился на одну ступеньку назад и еще на одну, так что мой зудящий от возбуждения член уперся ей в грудь. Заскользил по шелковистой коже. Одной рукой я продолжал держать ее волосы, а другой сжал ноющий, каменный член и повел по ее соску, заставив дернуться в моих руках и дернулся сам с хриплым стоном. Из глаз словно искры посыпались. Чистейшее ни с чем неразбавленное удовольствие. Круче даже чем полноценный секс с другими женщинами. Да вот так. На коленях передо мной. Глаза закрыла, а я тряхнул за волосы, не прекращая двигать ладонью по стволу, сдвигая, чтоб не кончить и цепляя пульсирующей

головкой ее вытянувшиеся соски.

— На меня смотри. Грудь сожми. Двумя руками и на меня. Да! Вот так!

Член скользит вперед и назад, и я чувствую, как подкатывает оргазм, как печет затылок и изнутри дымится мясо и даже кости. Вот так. Вот где твое место! Стоит там внизу, как последняя шлюха и мой член поршнем ходит у нее в ложбинке между полных полушарий, а я то на него смотрю, то ей в глаза и двигаюсь все быстрее, перехватил член у основания перед тем, как брызнуть первой струей триумфа на ее торчащие соски и тереться о них, пачкая ее тело собой, закатывая глаза от невыносимого наслаждения, словно изнутри разорвался на молекулы запредельного кайфа и каждое сухожилие не начало потрескивать в пламени адского удовольствия. Когда последняя капля упала на самый кончик ее груди, я потрепал ее по щеке и отпустил волосы. Отвернулся, чуть пошатываясь и застегивая на ходу ширинку. Подошел к столу, налил себе в бокал виски, сделал жадный глоток, ноги все еще ватные и тело подрагивает после оргазма, только во рту привкус едкой горечи остался, отравляя послевкусие отголосками разочарования...потому что помнил, как бывает с ней иначе.

Взял несколько салфеток и вернулся к сцене. Она так и стоит, испачканная моим семенем и смотрит в одну точку. Я швырнул ей салфетки.

— Вытрись. Тебе принесут одежду. Мой водитель отвезет тебя домой. И запомни — в этом городе ты не устроишься на работу. Так же, как и в любом другом. Работать ты можешь только у меня. Моей шлюхой. Номер у тебя есть — как созреешь звони.

Глава 8

Меня привезли домой под утро. В новых вещах, которые пришлось принять от наглого зарвавшегося ублюдка. Да, он их и не дарил. Мне всучили в руки пакет и у меня не оставалось выбора, кроме как надеть их, после того, как около часа мылась в маленькой уборной для персонала. Мылась и рыдала навзрыд, потому что он меня растоптал... Вот это отношение как к мрази, как какой-то дешевке с улицы. С этим циничным блеском в темно-серых глазах и с ухмылкой похотливого самца, который пришел в бордель и ему плевать что перед ним человек. Для Шумакова я больше человеком не была. С того самого момента, как он ворвался в дом после командировки с отцом, схватил меня за шиворот и выволок в коридор. Отшвырнул к стене, как какую-то шавку и заорал так, что в ушах казалось перепонки полопались.

Я помнила тот день настолько хорошо насколько не помнила ни один день в своей жизни... Даже день нашей свадьбы и рождение Машутки меркли перед тем днем, когда Шумаков меня убил. Да, именно убил. Люди ведь умирают не только когда в них стреляют в упор, сбивают на машинах или режут ножом они умирают иногда от одного взгляда или слова сказанного тем, кого беззаветно, безумно любили. Я чувствовала, что что-то не так. Чувствовала все то время, что вернулась из роддома. Егор словно стал тенью самого себя. Нет, не сразу. Не в первый день и не во второй. Прошло около недели. Самой тяжелой и в то же время восторженно счастливой недели, которую мы провели в бессоннице, смене памперсов, бешеном восторге каждой складочкой нашей малышки и совместным купанием ее по вечерам. Егор фотографировал каждый крошечный пальчик, во всех ракурсах, все части тела. Это был самый лучший и невероятный новоиспеченный папочка. Он сходил с ума от каждой ее гримасы и тут же звал меня полюбоваться на новую смешную рожицу, которую, корчат обычно только младенцы.

«— Она вырастет и будет похожа на меня. Вот я точно говорю. И вообще дочки похожие на пап обычно ужасно счастливые.

— Та ладно. На тебя. Не надо нам на тебя. На мамуууу. Моя девочка будет похожа только на маму.

— Нет на меня, потому что я красивый.

— Ужас, Шумаков. Сам себя не похвалишь... да?

— Не правда я красивый. Вот сознайся что, когда ты меня увидела ты

потекла сразу же.

— Нет, не сразу. Не льсти себе.

— Ну хорошо через пять минут точно потекла.

— Еще чего. Вот и не через пять.

Вскинул голову и деланно прищурился, прикусывая обе губы и продолжая гладить пяточки Машутки. Я рассмеялась и взъерошила его и так ужасно непослушные волосы.

— Хорошо — через десять минут.

Но выражение лица не изменилось.

— Обычно это происходит через пять!

Я ударила его по плечу.

— С девками твоими, да? До сих пор вспоминаешь сколько их у тебя было.

Он тут же подмял меня под себя, всматриваясь мне в глаза и сплетая пальцы с моими.

— Нет никаких девок, Нют. Увидел тебя и ни одной девки больше нет. И знаешь...я ведь пошутил. Я ужасно хочу, чтоб она была похожа на тебя. Чтоб у нее глаза твои были и губы клубничные...Люблю я тебя, Нют. Как придурок последний.

Серьезный такой, красивый...мооой. Отец моей малышки. Мой мужчина.

— Ты не придурок. А Машка похожа на саму себя и вообще на какого-то муравья с огромными глазами или инопланетянку с овальной головой. И вообще она немножко страшненькая.

— Сама ты страшненькая. Она самая красивая девочка на свете»

А потом все изменилось. Резко. Как по щелчку пальцев. В один из вечеров пришел домой и долго смотрел на нашу дочь. Я из ванной вышла, вытирая волосы и увидела его возле кровати. Склонился и не играет с ней, не трогает просто пристально наблюдает. Долго наблюдал. Я за ним. А он за малышкой.

Я подошла к нему сзади, обняла, но он как-то высвободился из моих рук и сказал, что ему с отцом уехать нужно. Сказал, а потом схватил меня под ребрами и бросил на постель. Грубо бросил и сверху навис.

— Мне нельзя еще. Егор, нельзя, любимый...нельзя.

Слабо отбиваясь, пытаюсь поймать его холодные губы. Они мне показались тогда холодными. И какими-то равнодушными, они не отвечали мне на поцелуи. От борьбы мой халатик спереди разошелся и грудь оголилась. Это была его слабость — моя грудь. Он никогда не мог смотреть на нее спокойно. И сейчас, после нескольких недель голодовки его взгляд

вспыхнул едкой похотью. Егор сверху на меня насел, лихорадочно расстегивая ширинку... а я безумно в него влюбленная, до дикого исступления, до жадного желания угодить во всем. Я ласкала его руками и ртом, а потом смотрела как он собирается в поездку и чувствовала себя сумасшедшей от счастья. Даже не обратила внимание, что он напоследок сухо чмокнул меня в губы и даже не подошел к детской кроватке. Это был последний раз, когда мы были вместе. Последний раз, когда он прикасался ко мне и обращал внимание на нашу дочь.

Я тихо открыла дверь своим ключом и стараясь не шуметь проскользнула в комнату, где Маша спала с Таней. Посмотрела на спящую малышку и сердце сжалось от любви и в то же время от боли. Не знаю, что с нами теперь будет. Куда нам идти и на что жить. Ничего не знаю. Кажется, проиграла я. Бежать надо было от него далеко. Так далеко чтоб никогда нас с Машей не нашел. Только я уверена была, что он не станет искать...тогда я и не думала прятаться, тогда я мечтала, чтоб нашел, чтоб извинился перед нами, чтоб хотя бы к дочке приехал.

Я прикрыла их одеялом и пошла на кухню, поставила чайник. Спать не хотелось. Казалось у меня внутри все сжалось и не разжимается. Перед глазами лицо его бледное с очень заостренными чертами. Искаженными похотью. Только не такой как когда-то, а грязной похотью, унижающей. И в то же время были доли секунд, когда я смотрела на него и ощущала как дух захватывает от его близости. Ненавистных, неправильных мгновений за которые можно было презирать себя до бесконечности. Жалкую и безвольную идиотку. Мне просто все еще не верилось, что он стал таким по отношению ко мне. Да, я знала, какой он Егор Шумаков. Знала и слышала о нем еще задолго до того, как увидела возле своего общежития. И смотрела издали с приоткрытым ртом, когда он за девками в универ на своей крутой тачке приезжал и увозил каждый раз другую. Смотрела и понимала, что такой со мной никогда....я могу лишь мечтать о нем, представлять себе что просто подхожу к нему, что случайно подвернула ногу пока он стоит у своей тачки и курит, глядя на проходящих мимо девчонок, чуть опустив уголок солнцезащитных очков и прищелкивая языком. Мальчик из другого измерения, из тех, о ком даже мечтать страшно, а еще и не нужно. Потому что такая, как я, для таких, как он, не больше чем мусор под ногами, если и обратит внимание, то потом проедется танком и все кости раздробит.

Я слышала, как из-за него одна девочка в универе таблеток наглоталась, а еще три на аборт бегали. О таком мечтать нельзя. Бабник и подонок. И надо было держаться подальше...Только какой мотылек устоит если пламя не просто полыхает, а обволакивает, греет, обжигает ласками

бесстыжими.

Женская вера в то что со мной он станет другим. Именно со мной. Я ведь особенная. И он делает все чтоб я чувствовала себя особенной...и чтобы все вокруг знали об этом...

Особенная игрушка для сына олигарха. Поигрался и выкинул двух кукол из своей жизни. Только повод нашел и вышвырнул...даже слова сказать не дал.

Уронила голову на руки и закрыла глаза...только не плакать опять. Маша почувствует. Она всегда остро улавливает настроение других. Не важно какое. Она людей насквозь видит. Может быть это дар такой. Ведь если природа где-то обделила. То обязательно наградит в чем-то другом. Маша ощущала по-настоящему то, что внутри у людей творилось. И если ей кто-то не нравился значит стоит держаться от него подальше и наоборот. От нее невозможно было скрыть если я расстроена. Подумала об этом и почувствовала, как кто-то коснулся моего плеча. Резко обернулась и встретила со светло-зелеными глазами малышки. Я где-то читала что вот такой настоящий зеленый цвет очень и очень редкий. Наверное, у нас был кто-то в родне вот с такими глазами.

Она руками мое лицо обхватила и долго в глаза смотрела, потом руками показала.

— Не ходи туда больше. Никогда не ходи!

И в глазах слезы блестят. Синяк на скуле увидела и взгляд мой загнанный. Все равно не утаила б от нее и не спрятала.

— Не пойду.

— Обещаешь?

Я кивнула и слезы вытерла с мягких щечек. Не пухлых, но с двумя ямочками. Машенька всегда была очень худенькой, весила меньше нормы. Она и родилась меньше того веса, что мне на ультразвуке говорили. Мне потом детский врач все уши прожужжала, что Маша скорей всего недоношенная.

— Мама, а мы больше в нашу квартиру не вернемся?

Я отрицательно головой качнула.

— А бабушкины вещи? Ты говорила, что мы их потом заберем...мы правда заберем?

— Конечно, моя маленькая. Мы обязательно их заберем. Когда у нас появится где жить.

— Мам...если б я нормальная была, как все дети. Тебе, наверное, легче было бы? Не пришлось бы работу ночью искать. Да? Почему у тебя родилась я, а не другая девочка?

Это было последней каплей, и я разрыдалась, к себе ее сильно прижала так что у самой руки заболели, а потом так же резко отстранила и в глаза ей снова посмотрела.

— Ты нормальная...ты самая нормальная девочка на свете, и я никогда, слышишь, никогда не хотела бы иметь другую девочку вместо тебя.

Я сварила манную кашу пока Маша раскрашивала в новой раскраске мультяшных персонажей. Тяжело делать вид будто ничего не происходит, когда внутри все переворачивается, как будто бы наизнанку всеми нитками и шрамами наружу, всеми узелками и уродствами, которые прятала от всех. И с каждой минутой все страшнее и страшнее от мысли, что не будет у меня выбора придется к нему идти на поклон. И только думаю об этом, как все тело холодеет от ненависти и ужасного понимания — меня это ломает. Стану на колени и не поднимусь больше. Я Маше в глаза посмотреть не смогу, если к нему приду и хотя бы о чем-то попрошу этого предателя, возьму хотя бы копейку у него.

Помешивая кашу в алюминиевой кастрюле, бросила взгляд на дочку — какая же она у меня красивая девочка. И даже не потому, что это моя малышка. На нее и на улице часто засматриваются. Есть в ней что-то неземное какое-то потустороннее и взгляд этот серьезный, пронзительный, смотрит прямо в душу глазами своими светло-зелеными так что стыдно становится за любые мысли плохие или действия.

Но хуже всего мне было, когда я начинала ждать, что она спросит о своем отце. Я знала, что рано или поздно она задаст мне этот вопрос. Его задают все дети, у которых есть лишь один родитель. Но Маша не спрашивала. А я... я трусливо не затрагивала эту тему и оттягивала момент как можно дольше, потому что точно знала, что врать о его смерти или о том, что он пропал без вести я не стану. Мне придется рассказать ей правду и тогда она задаст еще больше вопросов, а затем, возможно, захочет с ним встретиться...И я с ума сойду, когда причиню ей боль, пытаюсь объяснить, что он не хочет с ней встречаться и своей дочкой ее не считает. Может, будь Маша самой обычной девочкой, а не инвалидом, как ее привыкли называть все вокруг, я бы не так боялась этого момента, но страшней всего было думать, что она решит, что это ее вина, что Егор бросил нас потому что она неполноценная.

Но шли годы, а Маша не спрашивала. Не знаю почему. Она вообще очень сильно отличалась от других детей. Глухие дети часто подмечают такие детали и тонкости окружающего мира, на которые не обращает внимания слышащий ребенок. Слышащие дети чаще, чем глухие, путают и

смешивают сходные цвета — синий, фиолетовый, красный, оранжевый. Глухие дети более тонко дифференцируют оттенки цветов. Рисунки глухих детей содержат больше частных и деталей, чем рисунки слышащих сверстников. Более полными оказываются и рисунки по памяти.

И казалась она старше на пару лет. Не внешне, нет, а по своим поступкам и поведению. У нас не было капризов из-за новых игрушек, сладостей, вещей. У нас были совсем иные проблемы, которые обычным родителям с обычными детками трудно понять. Но мне казалось, что это самые обычные и нормальные хлопоты я никогда не считала Машу неполноценной или инвалидом, и всегда говорила ей об этом. Отсутствие слуха и возможности говорить в наше время точно не станет для нее проблемой. Я жутко злилась если кто-то вешал на мою дочь этот ярлык инвалида. Особенно мамы на улице, которые шарахались от нас как от прокаженных едва завидев, что мы объясняемся знаками. Не знаю, что себе думали эти тупые курицы, наверное, что это заразно. И я видала, как Маша смотрит на их «нормальных» детей этим взглядом огромных глаз с вселенской тоской. И тогда я ненавидела весь мир и особенно Егора, который нас предал.

Пока мыла посуду, включила телевизор. По местному каналу как всегда крутили очередную мелодраму, которую прервали новостями. Я услышала его фамилию сразу же. Реакция такая, словно с аттракциона вниз головой полетела и дышать стало трудно, вскинула голову, и я физически почувствовала, как бледнею. Как вся кровь быстро отхлынула от лица и вены покрылись инеем — он был не один. Оказывается, видеть его с НЕЙ было до сих пор не просто больно, а больно до такой степени, что казалось мне нервные окончания выдирают щипцами. Обрывочными картинками его с ней свадьба, она в нашем доме в гостях у его матери, она с ним общается на какой-то вечеринке, и он уверяет меня, что у него с ней уже давно ничего нет. И снова их свадьба...я по ту сторону улицы облитая грязью, и он по другую сторону Вселенной. Король жизни несет на руках свою королеву и улыбается фотокамерам.

А сейчас она шла рядом с ним и улыбалась журналистам. Красивая, утонченно-шикарная с длинными каштановыми волосами до пояса и темно-вишневыми губами. В невероятном элегантном костюме. Смотрится рядом с ним идеально. Оба, как с обложки журнала. И тут же перед глазами собственное отражение в туалете стриптиз-бара дешевка с блестками. Потрепанная блондинистая кукла, которую можно швырять и топтать. Отрывать ей руки и ноги, поджигать ее и смотреть как плавится пластмассовая оболочка. С ней с самого начала все было несерьезно. В нее

можно было только поиграть. И даже на время заиграться, а потом сжечь ее в пепел.

Я уронила тарелку, и она с грохотом разбилась — обернулась на Машеньку, но она быстро водила карандашом по раскраске. Что-то внутри болезненно сжалось — я обещала подарить ей фломастеры на День Рождения...и, наверное, уже не подарю. И в эту секунду отчетливо поняла, что не сдамся. У меня оставался только один вариант. Не самый лучший, а можно сказать и самый паршивый из всех, что можно было придумать, но я не видела другого выхода.

В эту секунду я лишь хотела раствориться и бежать от этого подонка как можно дальше. Чтоб не видеть его, не вспоминать, не думать ни о чем. Я не пропаду. Я устроюсь и там. Кем угодно и как угодно, но не пропаду.

Через несколько минут я уже складывала вещи в чемодан и разбудила Таню. Она помогала мне упаковать самое необходимое.

— Ты уверена, что это правильное решение? Что ты будешь там делать? Ты даже не знаешь в каком состоянии дом. Когда ты была там в последний раз?

— Давно была. На похоронах тети. За домом соседка присматривала мама ей деньги пересылала. Раньше.

При слове «мама» больно кольнуло внутри. До сих пор невыносимо и адски больно. Словно по ране провела лезвием. До сих пор не могу смириться...и не важно сколько времени пройдет не затянется эта рана никогда.

— Ну вот уже сколько времени прошло ты даже туда не звонила. Там запустение полное.

— Ничего. Я разберусь главное крыша есть над головой, а там посмотрим. Он не знает где этот дом. Не знает, понимаешь? Мы планировали туда поехать, но я забеременела и стало как-то не до этого. Мама сама ездила, а потом ...ну потом мы развелись, и Егор ни разу не бывал в деревне. Он даже не спрашивал где это. Не найдет он меня там. Какое-то время продержусь.

— Не знаю. Ехать в никуда с больным ребенком.

Я выхватила у Тани из рук курточку Маши и сама нервно сложила в сумку.

— Она не больная. Она просто не слышит. Это не болезнь.

— Не злись на меня. Я как лучше хочу...волнуюсь я.

И в глазах слезы блеснули. Я тут же за шею ее обняла...Танька моя Танька. Сколько лет продружили. Она уже и не подруга и не соседка мне, а как сестра родная. Не помню себя без нее.

— Прости меня...ну прости. Я просто уехать хочу. Сбежать от него подальше хоть на время. Он же мне жизни не даст. И вам навредить может. Я сама поеду без чемодана с Машей на рынок. Егор этот город плохо знает и люди его наверняка тоже. Ты чемодан на вокзал отвези и спрячь в камеру хранения. А я на рынке через арку-лабиринт уйду. Там ходы только свои знают. Такси мне туда заранее вызови, хорошо?

— Хорошо. Страшно мне чего-то. Боюсь я Егора твоего чокнутого. Если начал преследовать вряд ли отступится.

— Может и отступится. Не нужна я ему. Так эго свое потешить, поиграться. Время и деньги тратить не захочет.

Таня прищурилась и кофточку Машину мне протянула.

— Это ты меня убеждаешь или себя?

Не знаю кого я сейчас убеждала, я мало думала я не хотела думать. Иногда спонтанные решения оказываются самыми верными. Ничего, я у тети Гали жила раньше летом и на осенние каникулы ездила. Нравилось мне там всегда. Пока не умерла она...как не стало ее больше ездить не хотелось. С мамой только поехали, вещи ее раздали и дом закрыли. Я взяла сотовый и быстро набрала номер Валеры.

— О, какие люди. Ты как, Анют? Утроилась? Шумаков помог?

— Нет. Не помог и к черту его. Валер, мне как раз именно твоя помощь нужна. Ты бы не мог мне билеты через интернет на поезд взять? А я бы встретила с тобой в городе через пол часика и забрала бы.

— Да, без проблем. А почему сама на вокзале взять не хочешь? Сейчас не особо так и сезон вряд ли толкучка будет или очередь.

— Не хочу с Машей в очереди стоять.

— Ясно. А куда собралась?

— В деревню. Помнишь я к тетке ездила всегда на каникулы?

— Помню...

— Хочу поехать посмотреть, как там дом может продам его хоть за копейки.

— Ааааа. Ну ладно. Ты мне скажи в какой город и на который час, а и когда обратно.

— Обратно пока не знаю. Мне только туда.

— Хорошо. Возьму без проблем. Я перезвоню.

— Спасибо тебе. Ты настоящий друг.

— А то. Конечно настоящий.

Валера отключился, а я повернулась к Тане, которая Маше косички заплетала.

— Боюсь я затеи этой. Поедешь в никуда там и связи толком нет.

Глухомань какая-то. Где мне потом искать тебя?

— Ну а как люди раньше общались? Письма, звонки междугородние. Я тебе позвоню. Не переживай.

Маша вдруг дернула меня за руку и заставила посмотреть на себя.

— Куда мы едем, мама?

— В деревню. Помнишь я тебе рассказывала про тетю Галю. Мамину сестру?

— Про ту, что умерла за год до бабушки?

Я кивнула и присела на корточки, поправляя воротничок шерстяного платья и засовывая поясок в петельки.

— Мы пока там проживем. Там хорошо воздух свежий, молочко, коровки, свинки, курочки. Котика себе возьмем. Как ты хотела.

Она долго смотрела на меня, пока я завязывала поясок и застегивала пуговицы, стараясь казаться жизнерадостной и оптимистичной. А потом вдруг спросила:

— Это из-за того дяди, которого по телевизору показывали, из-за него ты еще уронила и разбила тарелку?

Сердце сильно забило и дух захватило. Даже не верилось, что она все видела и все поняла... она ведь даже голову от раскраски не подняла.

— Этот дядя мой папа? Он плохой, да?

Глава 9

Вот он самый чувствительный удар. Даже не пощечина, а словно в солнечное сплетение до одышки и едкой боли в ребрах. И я обязана его вынести, не сломаться и достойно ответить, но конечно же не ударом...у меня на Машу не то что рука не поднималась, а и голос не повышался и не только потому что не услышит...она бы почувствовала и очень чутко относилась к любым изменениям в моем настроении. Если я огорчалась она воспринимала это очень болезненно именно на свой счет.

Я взяла Машу за руку и повела за собой в коридор, присела на корточки так, чтобы быть с ней на уровне глаз. Чтоб ей не пришлось смотреть на меня снизу вверх. Да, я могла бы отложить этот разговор подальше и отмахнуться от нее, а возможно и соврать, но Маша не заслужила моей лжи нам хватает других психологических проблем, с которыми мы справляемся ежедневно.

— Да, это твой папа и он...он не плохой. Просто так получилось, что мы с ним больше не вместе.

Смотрит внимательно, как я двигаю губами потом мне в глаза.

— Тогда почему мы убегаем?

Как же больно отвечать на эти вопросы так больно, что я просто не могу спокойно вздохнуть полной грудью. Но я все же вздыхаю, стараясь глотать слезы и не показать дочери свою боль. Но она все сама чувствует я знаю.

— Потому что иногда у взрослых случаются серьезные разногласия. И я не готова сейчас продолжать наши ссоры. Это причиняет мне боль.

Маша сжала маленькие кулачки и ее глаза сверкнули гневом. Таким комичным для столь маленького существа.

— Если он причиняет тебе боль, то он плохой. И я его ненавижу.

Нет, никакая часть меня этим словам не обрадовалась. Я больше всего на свете хотела, чтоб у Машеньки был отец даже несмотря на нашу ненависть к друг другу. Она не должна находиться между двух огней. Ни один ребенок не должен — это рвет душу. Я помню, как разводилась тетя Соня и Таня убегала из дома и ненавидела их обоих за то, что тянут ее как вещь, которую не могут поделить. Каждый в свою сторону. Но ребенок ведь любит обоих. Это все равно что у матери спрашивать кого оно больше любит старшего или младшего...Хотя, матери тоже разными бывают.

А я все же собрала бы свою ненависть и сжала ее в кулаке до трещин и

крошева, не позволила бы ей ломать психику и жизнь моего ребенка. Я бы позволила Егору общаться и любить свою дочь...Я бы даже очень этого хотела. И весь ужас происходящего был в другом — Егору было плевать на Машу. Он даже ни разу о ней не спросил, и я уверена он и думать о ней забыл. Его волновала лишь мнимая измена, которой на самом деле не существовало. А ребенок...ребенок был нужен и любим пока я не превратилась в тварь, не заслуживающую прощения, в тварь недостойную носить фамилию Шумакова и не имеющую право даже на оправдание.

— Когда люди ссорятся, то почти всегда в ссоре виноваты оба.

Мне тяжело давались эти слова. Я не знала в чем именно моя вина и чем я заслужила такое лютое недоверие и ненависть Егора...Я могла бы ему все объяснить, если бы он захотел меня выслушать. Но ему была не нужна моя правда он предпочел свою собственную. Когда-то я читала книгу «Кольцо Борджиа» и главная героиня, гонимая главным героем, произнесла невероятно правильную вещь «подозревает в измене тот, кто сам способен на великое предательство». У меня же в жизни был единственный мужчина — Егор Шумаков. Первый... и скорей всего последний. Я, как и моя родная мамочка, не представляла себе, что Машу будет воспитывать чужой мужчина, как и не представляла, что ко мне прикасаются чьи-то руки, кроме рук Егора. Я была создана любить и принадлежать только одному мужчине и не имеет значения, что он подонок...Мое сердце это прекрасно осознавало, но оно слишком полно им. Пусть даже одной тоской, болью и ненавистью, но они принадлежали только ему и места для других там не было...а отдать тело без сердца я не умела. Может это и неправильно, и мы бы с Машей жили намного лучше выйди я повторно замуж. Таня часто говорила мне, что я могла бы найти хорошего мужчину и связать с ним свою жизнь и он бы полюбил Машу, как родную. Да и на работе за мной пытались ухаживать сотрудники и партнеры...Но после Шумакова я умерла, как женщина. Для меня имела значение только Маша...До той секунды пока я не увидела наглые и проклятые глаза этого ненавистного предателя.

— Почему он никогда ко мне не приходил?

Ее жесты отрывают от собственных мыслей и заставляют на секунду сорваться в пропасть, не зная, что ей ответить, пока не вырывается само собой.

— Потому что...потому что он не знал, что ты существуешь.

И все же солгала. Это случилось помимо моей воли. Но я бы не смогла ей сказать, что ее отец отрекся от нее и не признал своим ребенком. Такая правда никому не нужна. Правда, которая ранит в тысячи раз сильнее, чем

ложь и оставит шрамы на ее маленьком сердечке. И я считаю, что люди, которые, прикрываясь правдой, пытаются сделать вам больно на самом деле поступают так намеренно, в попытке вознестись над вами в момент вашей боли от их жестоких слов. И вам ничего не остается как принять эту боль — ведь это правда. Тому, кто принес свою «правдивую» весть ничего за это не будет, но он сполна может насладиться тем, как втоптал вас в дерьмо и может смаковать тем, как хрустят ваши кости под его молотом истины. Особенно такими бывают самые «искренние и любящие» друзья, которые на самом деле никакие не друзья, а бестактные и невоспитанные сволочи.

И мне не стало не на секунду стыдно за свою ложь. Стыдно пусть будет ее отцу, из-за которого я должна лгать.

— Ты ему не сказала?

И еще один удар...когда придется лгать еще больше и путаться в этой лжи. Но я не хотела сейчас продолжать эту беседу, на вопросы Маши я ответила. На те, что смогла. Не подготовленная и совершенно сбита с толку от неожиданности.

— Так вышло, моя хорошая. Иногда некоторые вещи произносятся, но их не готовы услышать. Мы обязательно поговорим об этом еще. Я обещаю тебе. Приедем в деревню, и я расскажу тебе о твоём папе. Договорились?

Она кивнула, и я крепко обняла ее, чувствуя, как тонкие ручки сцепились у меня на шее. Отстранилась поцеловала свой палец и приложила к ее губам, Маша улыбнулась и сделала то же самое. Вот так моя хорошая. Все у нас будет хорошо мы с тобой справимся. Главное мне немного прийти в себя подальше от него и придумать как поступить дальше.

* * *

Я не знала следит ли кто-то за нами, потому что людей Егора я никогда и раньше не замечала и тем не менее они знали о каждом моем шаге. Мне оставалось только надеяться, что они плохо знают город, как и сам Егор.

С Валерой встретила в центре города вместе с Машей. Он привез билеты и показался мне каким-то уж очень дерганым.

— Зря ты, Аня, Шумакова не попросила о помощи он крутой мужик и жена у него нечто особенное святая женщина.

Он говорит, а мне каждое его слово острыми занозами прямо под ногти так что кулаки сжимаются все сильнее. А Маша то на него смотрит,

то на меня. Я знаю, она читает по губам и заткнуть Валеру не могу Маша поймет, что я от нее что-то скрываю.

— Говорят она благотворительностью занимается, спонсирует детдома и дома инвалидов. Она бы могла помочь тебе.

Помочь мне? Она уже помогла — вышла замуж за моего мужчину, отняла у меня счастье. И я не знаю, как давно она появилась, может быть меня бросили из-за нее, а тесты ДНК были удобным поводом избавиться от двух надоевших игрушек.

— Мне не нужна чья-то помощь. Я справлюсь сама. Спасибо тебе, Валер, ты мне очень сильно помог. Передавай привет жене.

— Обязательно передам. Ты это...ты прости если что не так. Я не мог по-другому. Ты сама пойми.

— Я все понимаю. Ты чего? Я не злюсь на тебя. Ты меня всегда поддерживал благодаря тебе у меня была прекрасная работа, на которой ко мне всегда хорошо относились.

— Да... ты хорошая, Ань. Всегда была классной...я даже когда-то был в тебя ужасно влюблен. Пока ты в город не укатила.

Я через силу улыбнулась.

— Нам пора. Мы пойдем. Спасибо тебе еще раз.

Выходя из кафе, я заметила, как следом за нами двинулась какая-то машина с затемненными стеклами. Мы свернули за угол, и она тоже, притом едет не спеша примерно так же, как и мы идем. Я занервничала и потянула Машу во дворы. Потом мы долго добирались пешком к рынку и кружили там, делая вид, что покупаем продукты. А когда пошли через дома к арке-лабиринту, проходящему сразу через несколько домов Маша потянула меня за руку.

— Я устала. У меня болят ножки.

Конечно, ты устала, маленькая, и не понимаешь, что именно происходит. Я подняла ее на руки и несла до выхода на другой конец улицы. Там нас ждало такси.

Когда мы обменяли электронные билеты я почти успокоилась больше за нами никто не шел. И мы спокойно сели в поезд.

Утром уже были на месте. Я даже смогла выспаться несмотря на шум и гам в плацкартном вагоне. Наверное, я просто ужасно устала. А когда оказалась в знакомой деревне у меня по телу разлилось тепло от ощущения безопасности и какого-то совершенно неожиданного спокойствия. Мы пошли к автобусной остановке...И в этот момент, словно в дешевом боевике перед нами выехал джип...как и тогда на мосту. Я инстинктивно схватила Машу на руки и прижала к себе. Из джипа вышел тот самый

здоровый «шкаф», который в прошлый раз затолкал меня в машину и у меня все похолодело внутри.

— Садитесь в машину, Анна. Без лишних телодвижений и криков. У меня приказ увезти вас отсюда, и я этот приказ выполню любым способом. А вы с ребенком...не хотелось бы травмировать.

Я намеренно прижала голову Маши к плечу, чтоб она на них не смотрела и не читала ничего по губам. Почувствовала, как она вцепилась мне в шею и успокаивающе погладила ее по спине. Стиснув челюсти и стараясь уне дрожать от паники, я залезла в джип. Ожидала, что там меня снова будет ждать Егор, но там никого не оказалось кроме еще одного охранника Шумакова. Двери заблокировались изнутри и джип рванул с места...

Я не могла позволить себе нервничать, чтоб это не передалось Маше. Но с трудом держала себя в руках, когда по ее телу проходила волна дрожи. Ей нельзя так нервничать она потом плохо спит и все время плачет. У нее очень ранимая психика. И я поглаживала ее по спине, старалась ни о чем не спросить, чтоб она не почувствовала, как я сама дрожу при каждом слове. Мы ехали очень долго. Либо возвращались в город, либо вообще направлялись в совершенно другое место и чем больше времени проходило, тем сильнее я переживала. Меня не заботило, что он придумал мне лично. Я боялась за Машу, потому что ей нужен особый уход, и я рядом. Но вряд ли Шумаков вообще задумывался об этом. Я вдруг начала понимать, что на самом деле никогда его по-настоящему не знала, никогда даже понятия не имела какой он человек и на что способен.

Начало темнеть и Маша задремала у меня на руках, я же смотрела перед собой, и сама не понимала, что именно чувствую. Нет, я не боялась его. Точнее боялась, но совсем не так как жертва боится своего палача. Я боялась, что он сможет снова причинить мне боль. Сможет скovyрнуть все мои раны и заставить все шрамы закровоточить одновременно. А еще боялась, что вольно или невольно Егор причинит боль нашей дочери. И в этот момент понимала, что могу его убить. Могу вырвать ему сердце голыми руками.

Машина затормозила, и я вся внутренне подобралась.

— Где мы? — спросила у охранника, но он и не собирался отвечать. Двери разъехались и мне помогли выбраться из джипа. Каждую секунду, когда кто-то приближался ко мне ближе, я инстинктивно стискивала Машу. Жуткий страх что ее отнимут заглушал все остальные эмоции. Из-за темноты я не могла особо разобрать где мы, но мы приехали в какой-то

особняк, где-то лаяли собаки, и я увидела перед собой двухэтажное здание с совершенно темными окнами. Но едва мы начали подниматься по ступеням крыльца на первом этаже вспыхнули огни.

Нас встретила женщина, лицо которой я не могла рассмотреть в полумраке, и мы вошли в просторную гостиную, освещенную мягким неярким светом. Будь это при других обстоятельствах я может быть и осматривалась бы вокруг, но не сейчас. Сейчас мне было слишком страшно, чтобы это имело значение. Для меня все это здание выглядело как самая жуткая тюрьма.

— Меня зовут Регина Сергеевна я буду присматривать за вашей девочкой и вы можете обращаться ко мне по любому вопросу. Егор Александрович приедет утром. Вы можете располагаться. Я проведу вас в вашу комнату.

— Вам не придется присматривать за моей девочкой, и вы мне не нужны ни по какому вопросу. Я не собираюсь здесь оставаться — вызовите мне такси.

Она вскинула взгляд на того «шкафа», который заставил меня сесть в машину. Я же смотрела перед собой, держа на руках Машу и сжимая ладонью ее затылок.

— Вам придется здесь остаться пока Егор Александрович не распорядится иначе. Поэтому следуйте за Региной она покажет вам ваши комнаты. Не усложняйте себе жизнь. Я имею насчет вас самые разные указания в случае вашего плохого поведения. Давайте облегчим себе жизнь и вы не станете меня вынуждать показать их вам.

— Я что в тюрьме?

— Все свои вопросы вы сможете задать Егору Александровичу, когда он приедет. Дом надежно охраняется, находится за городом в пустынной местности. Если надумаете поиграть в догонялки. Я бы не советовал.

Я на него так и не посмотрела. Мне было все понятно. Егор нашел как заставить меня согласиться на любые его условия, а точнее он все решил за меня. Ничего, я немного осмотрюсь и придумаю как выбраться из этого дома. В любой ситуации всегда есть выход. Я найду его. Обязательно найду.

— Идите за мной. В этом доме все обустроено для вас и ребенка.

Раздался голос Регины, заставляя отвлечься от панических мыслей.

— Где мы находимся?

— Это не имеет значения.

— Вы наша тюремщица? Как много он вам платит за это? И часто он сюда возит своих любовниц?

— Ваши вопросы грубые и некорректные.

Она издевается? Мои вопросы должны быть еще и корректными, когда меня заперли вместе с ребенком в каком-то особняке и не дают мне отсюда выйти? Если бы я была здесь одна я бы вырвала ей волосы, но я слишком боюсь за Машу.

— Я хочу позвонить.

— Это не мне решать.

— Тогда пусть он решает это сейчас я не намерена ждать до утра. Позвоните ему сами.

— Я не могу вам ничем помочь. Хозяин приедет завтра, и вы выскажете ему все ваши претензии. У меня нет его номера и я с ним не связываюсь.

Она шла впереди и позвякивала связкой ключей словно настоящая ключница, а меня не покидало ощущение нереальности происходящего и в тоже время полное понимание что вот этот весь бред отныне и есть моя реальность и как мне в ней защитить Машу я понятия не имела.

Осматриваться в этом неуютном, чужом доме, явно снятом для нас или купленном на спех я не собиралась. Мне было неинтересно в какую золотую клетку нас притащили. Я бы все на свете обменяла на возможность вернуться к себе домой. Хотя надо отдать должное детская комната была здесь очень красивой как с журнала. Но я не думаю, что Егор ее видел. Я вообще не думаю, что он бывал здесь когда-либо. От стен и в воздухе пахло так словно дом пустовал очень долгое время. Я уложила спящую Машу в кровать, стянула с нее обувь, кофту и прикрыла одеялом. Ложиться спать в этом месте я не собиралась. Но от чая. Который принесла Регина я не отказалась. Мне нужно было привести мысли в порядок и согреться. Меня до сих пор лихорадило.

А еще я собиралась дождаться утра и выцарапать глаза этому ублюдку. Я собиралась сказать ему все что думаю о нем и послать его к такой-то матери. Он не имеет права так со мной поступать. Никакого морального права. Я перед ним ни в чем не виновата и если он хочет мстить, то пусть подождет пока вырастет Маша и мстит мне сколько угодно. Пусть сводит счета со мной лично.

А перед глазами снова стоит его лицо с циничной ухмылкой на губах и рядом лицо этой Лены. Холеная, ухоженная, с ровной золотистой кожей и томными темными глазами с влажным блеском.

Я ее ненавидела...даже сейчас спустя годы я дико ее ненавидела и была уверена, что она спала с Егором, когда мы были еще женаты и

несомненно спала с ним до этого.

Выйдя из спальни я все же прошлась по узкому коридору и толкнула первую попавшуюся дверь. Пошарила пальцами по стене в поисках выключателя. Комнату залил неяркий свет, точнее регулятор корректировал силу освещения. В нос ударил запах бумаги и газет. Комната оказалась библиотекой, полностью обставленной стеллажами с книгами. У окна кресло, торшер и журнальный столик.

Я прошлась вдоль стеллажа и взгляд зацепился за имена известных классиков, пока не остановился на книге «Капитанская дочь». Так бывает, что иногда запахи вместе с визуальным рядом заставляют воспоминания болезненно сильно всколыхнуться и сердце забиться быстрее. Вопреки вашим желаниям, даже иногда совершенно им назло и непрошено. Я ни за что не хотела бы думать об ЭТОМ сейчас. Здесь. В этом доме и при таких обстоятельствах...но я думаю. Я словно выплываю из этой реальности куда-то в прошлое. Так мягко, что кажется я и не была здесь никогда.

Там тоже пахнет книгами, и я хожу между стеллажами настолько высокими, что мне приходится задирать голову, чтобы увидеть, что там находится наверху.

Он подкрался ко мне сзади...неожиданно, зажимая сильными руками и дыша горячим дыханием мне прямо в затылок.

— Я соскучился. Удрал на хрен из офиса. К тебе.

И мне хочется забыть вот этот голос с придыханием, мне хочется его исторгнуть из своей головы, вырвать с мясом, так чтоб эти места болезненно закровоточили и излечились. Но мне кажется, что я больна и меня лихорадит от того как в моей памяти звучит его голос. Словно не прошли годы. И я стою у стеллажа такая обреченно умирающая от любви к нему и оо зарождающегося голода — реакции на его горячие ладони.

— Целый день думал о том, как войду в тебя. Это пиз***ц невыносимейший, Ньюта. Мне нужно попасть в тебя, слышишь? Жизненно необходимо оказаться в тебе иначе я сдохну.

И мои пальцы нервно вцепились в книжную полку, а глаза закатываются только от звука его голоса.

— Ты сумасшедший. Здесь люди.

— О дааа, я сумасшедший. Я хочу тебя трахнуть пальцами здесь, при всех. Хочу, чтоб ты тихо кончала...молча.

— Не надооо. Пожалуйста. Ты с ума сошел. Я так не могу. Я не...

— Я могу. Ты ищи свою книгу. Давай, читай мне вслух. Что там тебе задавали прочесть для реферата.

Он опустил на колени прямо там в библиотеке между моими широко

раздвинутыми ногами, а я читаю названия книг классиков и содрогаюсь сумасшедшей дрожью, когда он касается горячими губами мокрых насквозь трусиков.

— Маленькая девочка такая влажная, ароматная, горячая.

— Александр Сергеевич Пушкин «Капитанская...дочь»

Первые строки еще можно произносить, но чем дальше, тем сложнее и я не могу себя контролировать когда его пальцы осторожно отодвигают полоску трусиков в сторону и кончик языка скользит вдоль воспаленной пульсирующей до невозможности плоти и я сильно впиваюсь ногтями в полку, прислонившись к ней воспаленным лбом.

— Не надооо. Егор...о божеее.

— Я всего лишь хочу тебя съесть, вылизать тебя.

— Замолчиии.

— Маленькая ханжа не может слышать, когда вещи называют своими именами? Я хочу тебя лизать. Аня. Твои губы, клитор и твою маленькую дырочку.

— Егooooор.

— Еще мокрее, да? Только не кричи...

И мои зубы впиваются в ладонь пока тело волнообразно срывает в острейший оргазм, и я движения наглого острого языка продлевают эту бешеную эйфорию...А потом он поднимается с колен взъерошенный с дьявольским взглядом обещающим мне все муки ада. Пахнущий мною. И его губы...они так блестят, что я не могу вытерпеть и сама впиваюсь в них своими губами.

— Расплатишься вечером...

* * *

Встрепенулась и резко подняла голову. И тут же удар паники набатом в виски так сильно, что темнеет перед глазами и я какое-то время ловлю мушки.

Осознание как ударом в солнечное сплетение — я в кресле вместе с книгой...а за окном уже занялся рассвет. Вспомнился чай заваренный Региной и в голове пульсирует тяжестью. Мне что-то подсыпали. Да, в проклятом чае была какая-то дрянь, от которой я уснула ...от которой мне снился весь этот бред...о котором я не вспоминала и вспоминать никогда не собиралась.

Сходя с ума от волнения по коридору обратно к спальне, распахивая

дверь нараспашку, а там пусто...Маши нет в кроватке. От ужаса по спине бегут мурашки и немеет затылок. В обратную сторону, вниз, в гостиную. Никого нет. Ни одной живой души. Господи! Кричать бесполезно, но я все же кричу:

— Машааааа!

В надежде, что услышит пусть не она, а кто-то другой. Наверху что-то с грохотом упало, и я снова бросилась обратно, подворачивая ноги и впиваясь до боли в суставах в перила. Дверь в одну из комнат широко раскрыта и спиной ко мне стоит Егор...а в нескольких шагах от него в глубине кабинета моя дочь. Между ними осколки битого стекла. Я не вижу его взгляда, я вижу только ее глаза. Широко распахнутые, горящие, перевозбужденные. И в них нет ни капли страха. А руки сжаты в кулачки и мне кажется в них что-то есть...

Глава 10

Этот дом принадлежал моему деду. В нем никто не жил с тех пор как он умер здесь в своей кровати от старости и проклял всю свою родню до пятого колена, особенно моего отца, который не исполнил его волю и посмел создать свою империю совсем в иной отрасли, а затем и продать заводы, которые принадлежали деду, за бесценок. Проблема заключалась в том, что дед окончательно утратил разум и застрял в далеких девяностых, когда приватизация государственных предприятий имела смысл. Впрочем, я даже вникать в эту семейную трагедию не хотел. Дед, очень жестокий по жизни человек, свел свою жену в могилу тем, что периодически проклинал кого-то из своей семьи, а она очень болезненно все это воспринимала. После похорон дед лишил нас всех своего наследства, которого по сути совершенно и не осталось, кроме этого дома. А потом перед самой смертью вдруг опомнился и отписал его мне. Долгие годы он так и простоял. Я так и не мог решить, что именно с ним делать. Но так как отец советовал его продать я поступил с точностью до наоборот — реставрировал, сделал ремонт и иногда приезжал сюда побыть наедине с самим собой. Никого никогда сюда не привозил. Даже ее. Со временем я даже полюбил его за полное уединение и яркую атмосферу детства. Я сидел в любимом кресле деда курил его коллекционные сигары и смотрел часами на огонь разметающий свои языки в кирпичном камине. Особенно я часто здесь бывал после того как эта сука разломала меня на куски своим предательством.

Может быть я бы никогда и не привез ее сюда, если бы у меня было время на размышления. Я планировал все совершенно иначе, я думал снять для нее квартиру в центре города, хотел, чтобы она приползла ко мне сама и стала моей любовницей добровольно. Но упрямая и хитрая сучка захотела от меня ускользнуть. Вообразила себя умной, как и тогда, когда повесила на меня чужого ребенка. Долгие пять лет я прекрасно держал себя в руках, я контролировал все свои эмоции и вот сейчас меня словно швырнуло в то же самое болото. Я совершенно не мог себя держать в руках и спокойно обдумать каждый свой шаг. Я превратился в оголенный нерв и каждое ее движение, поступок и слово доводили меня до иступления. Когда Валера позвонил и сказал, что Аня попросила его купить билеты на поезд у меня в глазах потемнело и я до последнего не верил, что она на это решится...Мой воспаленный мозг рисовал, как она мчится к очередному

любовнику или едет к тому недоумку, который больше походил на растение, чем на человека. Лечение я ему обеспечил, а вот ноги ему конечно никто не вернет. Чего я так и не смог понять — так это ее поведение в отношении него. А точнее наоборот именно тот ее поступок открывал гнилую натуру с самой разъеденной червями стороны. Она прекратила туда ездить едва ублюдок перестал ходить и быть мужчиной. Бросила, когда тот остался инвалидом. По крайней мере так мне доложили. Но я еще ждал полного отчета о каждом ее шаге за все пять лет. Я хотел, словно пазлы, сложить всю ее жизнь. Зачем? Наверное, чтобы все же разочароваться окончательно и раздавить без зазрения совести...Потому что несмотря на всю мою адскую ненависть к ней я все же еще надеялся увидеть в ней ту самую нежную и воздушную Нюту с клубничным запахом на губах. Я все еще готов был быть обманутым...готов был на что угодно лишь бы она оказалась рядом. Пусть даже, мать ее, насильно! Насрать. В ее положении особо выбирать не приходится.

Я мог бы ее остановить, поймать еще до вокзала и вынудить ехать со мной, но мне стало интересно поиграться...На меня напала жажда погонять добычу, потешится, насладиться своим триумфом. Я даже думал на хрен спалить дом ее тетки, чтоб приехала и увидела тлеющие угли, на которые так походила моя жизнь все это время. Пусть станет для нее неожиданностью. Пусть она почти достигнет своей цели и поймет всю тщетность своих надежд скрыться от меня где бы то ни было и обмануть как когда-то. Разочарование приносит гораздо больше боли, когда настигает тебя почти у самой вершины достигнутого и безжалостно сбрасывает вниз прямо на камни. Я тоже женился на любимой женщине и ждал вместе с ней до безумия желанного ребенка, а потом...потом меня окунули в котел с кипящим маслом.

Ребенок...я всегда запрещал себе думать о ней. Она словно перестала для меня существовать. Я стер ее из памяти долгими и затяжными запоями и полным отрицанием ее существования...Но она мне снилась. Часто снилась. Во сне я обычно держал ее на руках или катал в коляске, а потом вдруг обнаруживал, что вместо нее везде находится пластмассовая кукла, а не живой ребенок.

Вспоминать о том, как от нее сладко пахло младенцем, какие нежные у нее были пальчики и как она улыбалась пока еще непроизвольно, но так невыносимо очаровательно, было не просто больно — это было подобно ампутации без наркоза. За это я ненавидел Анну так люто, что иногда испытывал от этой ненависти почти физическую боль. После ее ухода я вынес все детские вещи и спалил их на свалке. Они горели, а я хлестал

водку из горда и орал как больное животное. Мне казалось, что там я сжигаю свою девочку, настоящую... а ту что забрала Анна...нет ее и не было никогда. Она унесла с собой пластмассовую куклу. Она уничтожила моего ребенка и взяла другого — чужого. Конечно это было мое помешательство. Я прекрасно осознавал, что именно произошло и что Маша никогда не была моим ребенком. Я не имею права ни любить ее, ни тосковать по ней. Лучше считать, что ее никогда не существовало. Так проще. Так легче переносить заживление постоянно гноящихся ран.

И я считал, что ее нет...ровно до того момента пока Валера не сказал, что сучка сбежала вместе с ребёнком. Потащила дочь за собой. Он еще говорил что-то о том, что она больна, но я даже слышать ничего о ней не хотел. Какое мне дело до чужого ребёнка? Разве что обеспечить для нее место, где она сможет спать, взять няньку и надеяться никогда ее не увидеть и не сталкиваться с ней. Именно такое распоряжение я дал Регине — следить за тем чтобы я не пересекался с ребенком.

Специально приехал ночью, надеясь, что девочка спит...Даже не знаю какого черта приперся. Планировал сделать это днем, а потом обнаружил себя за рулем с сигаретой в зубах яростно жмущим на газ. К ней...как и когда-то. К ней. Увидеть, вдохнуть ее запах, услышать голос этой дряни и ощутить эту боль от ломки по ней прежней. И мысли навязчивые о ее теле, о ее губах, о том, как это охеренно оказаться внутри нее. Потому что помнил этот кайф, когда оргазм взрывается сначала в голове и только потом в теле и рвет на ошметки все нервные окончания. И после нее ни с кем и никогда. Чистая физика. Наклонил, отымел, похлопал по заднице и ощутил примерно то же самое, как после посещения туалета. Удовлетворение потребностей. А на нее у меня встало в мозгах и свело яйца от адского желания ощутить каково это снова лечь на нее сверху и вдавливаясь в ее тело на дикой скорости, услышать ее стоны.

Зашел в дом, как вор с заднего хода, отпирая дверь своим ключом, не ожидая, что меня встретят. И в голове дежа вю, как приезжаю ночью пока она спит горячая, голая в нашей постели, и я мчусь, как идиот на полной скорости, чтобы содрать с себя вещи и на пороге и нырнуть к ней под одеяло, вдавить ее в себя, обхватывая грудь ладонями, тычась каменным членом в упругие ягодицы, кусая ее за затылок.

Бл****дь, захотелось взвыть от адского желания вернуться в прошлое, отмотать назад и никогда не знать о ее измене, не видеть долбанное ДНК.

Да, иногда, как последний лох, я хотел находиться в неведении, счастливым конченым рогоносцем, воспитывающим чужую дочь и не знающим, что его жестоко обманули. Но мне не дали...Зачем? Ведь

вывалить на человека проклятую и долбаную правду это так благородно и так эгоистично омерзительно...вывалить и смотреть как он корчится в смертельных судорогах.

Я поднялся по лестнице наверх и увидел тонкую полоску света под дверью в кабинете. Что такое, не спится на новом месте? Или страшно ожидать своего приговора? Или ты ждешь меня, дрянь? Лживо, лицемерно делая вид, что соскучилась, как раньше? Знаешь... я бы дорого заплатил за такую же ложь, но еще дороже я бы выкупил правду — какого хрена ты, сука, меня так обманула и предала? Разве я мало тебя любил?

Распахнул дверь и замер на пороге... меня словно ударили в солнечное сплетение. Я сделал вдох, а выдохнуть уже не смог — увидел ее со спины. Дочку Анны. Маленькую очень худенькую. Она держала в руках стеклянную антикварную копилку бриллиантовый шар и пыталась открыть сбоку пробку. Старательно пыталась. Так старательно, что даже не услышала, как я вошел. Я смотрел на нее со спины и не мог вздохнуть... Волосы светлые как у Анны, длинные, распущенные, почти до пояса. Только оттенок немного другой. С легкой рыжинкой. Тоненькие ручки и ножки выглядывают из-под легкого платица или ночнушки. А я пытаюсь дышать и каждый вдох болезненно отдает в ребра. Перед глазами она младенец засыпает у меня на руках. Крошечная и такая родная...родная... Ни хера они мне обе не родные.

Интересно ее отец тоже имел склонность к воровству? Или я чего-то не знаю о самой Ане? Но это выглядело забавным, то как девочка пыталась достать из копилки деньги, не зная о том, что она не открывается и никто и никогда не трогал в ней стодолларовые купюры, которые туда положила еще, моя бабка на мой первый День Рождения.

— Ее можно только разбить! — ухмыльнулся я, но наглая маленькая мадмуазель даже не пошевелилась, продолжая отковыривать пробку, которую мой дед посадил на клей, чтобы я не достал оттуда деньги, — Эй! ..., - назвать ее именем, которое мы придумали еще когда она была в животе у Ани, я не смог, — Девочка! Она не открывается!

Я сделал шаг вперед и теперь отразился в стеклянной витрине шкафа. Девчонка резко обернулась, и копилка выпала у нее из рук, с грохотом разбилась на множество ярко сверкающих осколков. А потом произошло то, от чего я окончательно остолбенел — маленькая воровка наклонилась и схватила несколько стодолларовых купюр, смяла их и стиснула в ладошках, сжимая их в кулаки, поднимая на меня огромные зеленые глаза... полные такой яростной ненависти, что я невольно подался назад.

— Машаааа!

А вот и мама пожаловала. Все семейство в сборе. Я обернулся и ... сердце пропустило несколько ударов. Не знаю, что случилось в эту секунду, я даже сам не понял почему меня так скрутило, как от боли. Она была бледная как смерть. Смотрела на меня так, словно увидела дьявола во плоти, потом перевела взгляд на девочку, а после этого на осколки на полу и снова на меня.

— Что ты сделал с моим ребенком?

Как точно сказано — с ЕЕ ребенком!

— Твоя дочь разбила антикварную копилку и взяла оттуда деньги. Это она в своего отца такая или ты тоже была воровкой? Кстати, со мной она говорить не соизволила. Ты ее научила без адвокатов рта не открывать? Это у вас не впервые?

В огромных синих глазах вдруг заблестела влага и я даже растерялся от этой реакции. Анна сделала шаг на меня, сжимая руки в кулаки так же, как и ЕЕ дочь.

— Маша не слышит и не говорит. Она глухонемая от рождения!

И бросилась к ребенку, опустилась на колени, пытаюсь разжать ее кулачки, а когда ей это удалось она протянула мне деньги и тихо сказала.

— Сколько стоила эта копилка? Я все верну!

А я не смотрел на нее... я смотрел на кукольное лицо ребёнка...на то, как шевелятся маленькие розовые губы и... я читаю по слогам: «не-на-ви-жу»...

Это был какой-то животный страх увидеть их рядом. Словно это могло как-то мне ужасно навредить, точнее не мне, а Маше. А еще меня затопил жгучий стыд, за то, что Маша что-то взяла у НЕГО, который породил еще один виток стыда за то, что мне стыдно за мою дочь. Именно так повторяющимся словом и повторяющейся сильной эмоцией. Я насильно разгибала ее маленькие пальчики и почувствовала, как вся кровь отхлынула от лица, когда увидела в ее ладошках деньги. Кровь мгновенно прилила обратно с такой силой, что щеки зарделись, словно мне надавали пощечин и это я украла деньги у Шумакова. И эти его слова...что Маша воровка. Мне хотелось одновременно вцепиться ему в глаза и выдрать их и в то же время я впервые сильно разозлилась на дочь за то, что она посмела это сделать. Я смотрела то на нее, то на него и меня саму начало трясти от избытка эмоций...А ведь у него на лице не дрогнул ни один мускул. Ничто его не тронуло. И это острое болезненное понимание, а ведь ничего не изменилось он считает Машу чужим ребенком, а меня мразью, которая ему изменяла. И за все эти годы у него не возникло ни одного сомнения в своей

правоте.

Я снова посмотрела на Машу...и вздрогнула от того взгляда что она устремила на Егора — взгляд полный ненависти той самой с которой она говорила мне о нем еще дома. И...меня это совершенно не обрадовало. Наверное, подсознательно я все же хотела, чтоб Маша заставила его увидеть какой она прекрасный ребенок. Чуткая, нежная и отзывчивая малышка, а вместо этого на нас обоих смотрела разъяренная фурия с комично враждебным выражением лица. Утрированно враждебным. И мне все еще до боли стыдно за то, что она сделала, а этот ублюдок глядит на нас сверху-вниз засунув руки в карманы и сведя красиво черченные брови на переносице. Рассматривает как двух жалких насекомых. Когда-то я не верила, что на меня он может смотреть так же, как на других. Я ведь для него другая... я ведь была его Нюткой. Со мной все иначе.

— Вернешь. Обязательно. — и руки с карманов вытянул сложил на груди, продолжая смотреть на Машу. — когда обнаружилось?

— Тебе какая разница. Это не твое дело! — это праздное любопытство раздражало до дрожи.

— Конечно не мое. Но, так как вы обе проведете здесь не мало времени — это все же станет и моим делом.

У меня внутри все похолодело от его слов.

— Что значит не мало времени? Ты это серьезно? Ты опустишься до такой низости, что станешь держать нас взаперти в этом доме? Ты что конченый псих держать в плену малышку?

Склонил голову на бок.

— Ты специально меня провоцируешь при ребенке. Проверяешь степень моего скотства? Я тебя разочарую — при ней не ударю. Я может и мудака, но маленьких детей я не обижаю. Даже чужих.

Как же мы докатились до этого с тобой? Как? У меня в голове не укладывается...Ведь у нас была не просто любовь мы были двумя одержимыми друг другом идиотами... или это я была, а он...он игрался.

— Тогда что тебе нужно?

— Ты до оскомины предсказуемая с этим вопросом. Может удивишь меня и скажешь что-то другое?

— Например, что?

— Например, что ты рада меня видеть и счастлива оказать в моем роскошном доме с прекрасными условиями пребывания для вас обеих. Заметь, я даже побеспокоился о детской комнате.

Мне захотелось истерически расхохотаться, но я этого не сделала ради Маши. Она и так ничего не понимала, хоть и старалась следить за нами. Но

в ее возрасте какой бы одаренной она не была читать по губам сразу обоим было невозможно.

— Я бы предпочла жить на улице в картонной коробке и просить милостыню.

Улыбка мгновенно пропала с его лица, и я испытала чувство настоящего триумфа.

— Ты знаешь я настолько ужасен и отвратителен, что не позволю тебе жить в коробке на улице и просить милостыню...но ты можешь торговать собой. Например, продаваться мне за крышу над головой и еду...Или за опытных няnek для твоей дочери.

Каждым словом, как лезвием по венам, но большее всего слышать «для твоей дочери». Намного большее, чем оскорбления и гнусные предложения.

— А что такое? Твоя семейная жизнь настолько не удалась?

Прищурился. Явно не ожидал. Да, Егор, я изменилась. Меня жизнь заставила стать другой. Я больше не та дурочка, из которой можно было веревки вить и убедить сделать что угодно. Ты меня заставил измениться и повзрослеть...а после смерти мамы я сама внутренне превратилась в старуху.

— Удалась. Еще как удалась. Всегда выходит прекрасно ладить с кем-то своего уровня, предназначенного для тебя изначально. Иногда набиваешь много шишек прежде чем находишь ту самую единственную.

Ударил так больно, что мне невольно захотелось прижать руку к сердцу, чтобы убедиться, что оно по-прежнему бьется. Намекнул на то что я была не его круга, не такая, не единственная, не его.

— Ну судя по тому как ты ловко находишь себе замены, она явно не единственная.

Маша потянула меня за руку в сторону двери. Ей видимо надоел этот диалог, который она совершенно не понимала и ей захотелось уйти.

— А ты думаешь ты была единственной?

Я сама не поняла, как резко подняла Машу на руки и прижала к себе. Внутри все клокочет и в горле застрял соленый ком после его слов. Нет, человека совершенно не обязательно бить и ломать физически. Его можно раздирать до мяса одними только словами.

— Мне надо уложить ребенка. Раз ты притащил нас обеих сюда то ты должен понимать — у Маш не было няnek у нее всегда была только я и поэтому у меня никогда не было времени на что-то или кого-то кроме нее.

Смотрит с недоверием и глаза все такие же ...как когда-то. Яркая серая ртуть разогретая до невозможности и в то же время кажущаяся настолько же холодной.

— Уложишь и придешь сюда обратно. Обговорим условия твоего пребывания в этом доме.

— Не буде никаких условий! Ты отпустишь нас. Я не хочу и не собираюсь оставаться в этом доме с тобой под одной крышей.

— Ну тебе и не нужно никуда собираться ты не в гостях и права выбора я тебе не предоставлял. Укладывай ребенка и поговорим. Ты ведь хотела знать, что именно я хочу от тебя?

* * *

Маша нетерпеливо потрепала меня за щеки, и я не оборачиваясь вышла из кабинета. Как из-под земли появилась Регина и не спрашивая разрешение повела нас в нашу спальню. Точнее в спальню Маши. Если ублюдок считает, что я буду спать там, где он захочет — он сильно ошибается. Я и не подумаю его развлекать. Я не одна из его шлюх.

* * *

— Мам...мам. Не злись. У него много денег. Я знаю. Я хотела взять немножко.

— Это воровство, Маша. Понимаешь? Так люди не поступают и за это сидят в тюрьме.

Она надула губы и отвернулась от меня к стене. Потом снова повернулась:

— А если он узнает, что он мой папа он ведь даст тебе денег и отпустит нас?

— Не знаю, милая. В жизни все не так просто, как кажется. Спи. Уже очень поздно.

— Не хочу спать... хочу домой.

— Я тоже очень домой хочу. Но мы не можем уйти.

— Почему? — и глаза расширились от непонимания. Как объяснить это ребенку. Объяснить, что ее отец запер нас здесь и правда, как в тюрьме и не собирается отпускать.

— Потому что нам придется пока пожить здесь.

— У него? Ты же сказала, что он плохой!

— Не правда я не говорила, что Его...что твой отец плохой.

— Его зовут Егор, да?

Следы ненависти исчезли из глаз и в них читалось искреннее любопытство. Конечно ей интересно узнавать что-то о своем отце и ее интерес настолько же острый, насколько и моя боль.

— Да, его зовут Егор.

— А почему я везде записана как Мария Николаевна?

— Потому что так звали твоего дедушку, а я не хотела иметь ничего общего с Егором.

— Почему? Ты ведь мне говорила, что надо прощать друг друга и мирится.

— Это не всегда так легко сделать.

Я провела кончиками пальцев по ее худенькому плечу.

— Усыпи меня. Пощекочи на спинке.

— И на пузике?

— Неа. Там очень щекотно.

— Агааа ты значит ревниваяяя.

Дети легко адаптируются их дом там, где родители. Особенно в этом возрасте еще не имеет значения сколько есть денег в наличии, какой сделан ремонт и так далее. Маша просто засыпала рядом со мной и на ее личике было совершенно безмятежное выражение. И я была этому рада. Ведь основные удары и наверняка мерзкие условия я еще получу от него. Маша уснула и я еще минут десять лежала рядом с ней пока окончательно не убедилась, что она спит.

Встала с постели и решительно вышла из комнаты. Я хотела знать какой приговор он мне вынес и когда приведет в исполнение. Я была готова предложить ему сделать это побыстрее и отпустить нас. Прошла по длинному коридору и снова толкнула дверь в кабинет — Егор развалился в кресле уже без пиджака, в одной рубашке с расстегнутым воротом и с неизменным бокалом в руках.

— Уложила?

— Да.

— Ты сказала мне, что она глухая...зачем тогда ты пела ей колыбельную?

— Маша читает по губам и любит видеть, как я пою.

— Ясно.

Встал с кресла, отошел к окну, распахнул его настежь.

— Влагой пахнет, свежестью и дождем. — медленно повернулся ко мне, — ты останешься здесь в этом доме вместе со своим ребенком пока я не решу иначе. Будешь моей любовницей. Когда захочу приду и отымею... взамен я приглашу сюда лучших специалистов и отвезу твою дочь на

обследование. Как считаешь сделка более чем честная? И еще...меня не волнует твое «нет» мне на него насрать. Вы здесь останетесь в любом случае.

— И что я должна буду делать?

Пока что я не воспринимала ни одно его слово, кроме специалистов для Маши...

— Раздвигать ноги, когда я этого пожелаю. Молча и покорно.

Глава 11

— Ну так как? Подходят условия?

А мне на самом деле плевать подходят они ей или нет. Я все равно никого и никуда не отпущу. Меня разрывает от адского желания получить ее всю и оставить рядом пока мне не насточертеет. Чтоб поняла что это такое, когда твое гребаное счастье всецело зависит от кого-то другого. И ты сколько угодно можешь быть верным, честным, мать вашу, любящим, но это не имеет ровно никакого значения. У верных и неверных одинаковая спина и в нее одинаково можно вонзить лезвие ножа. Рукоятка с именем предателя будет смотреться совершенно идентично в обеих спинах.

Вспомнил, как прокрался по коридору и прислушивался к тому, что она говорит своей дочери...там, за стенкой, когда считает, что я не слышу. Но она ничего не говорила, только пела. Ту самую колыбельную, что и когда-то над ее кроваткой. И у меня пошла мгновенная реакция на этот мягкий голос...ощущение как обволакивает теплом, как снова хочется глубоко вздохнуть. Я вижу ее перед глазами в кружевном пеньюаре в кресле с малышкой на руках. Уютная, такая МОЯ девочка. До сумасшествия любимая. Слегка раскачивается и смотрит как крошечные губки сосут грудь, а у меня на эту картинку член колом встает, потому что это сексуально до такой степени, что перед глазами туман плывет. Сучка. Я хотел ее любой. Всегда. Думал мы с ней созданы друг для друга. А ведь оказывается бывает и так — один создан, а второй заточен совсем не под тебя и механизмы не сходятся.

Только одного я не понял зачем поет, если ребёнок ничего не слышит. Когда сказала мне, что девчонка глухонемая у меня где-то посередине груди что-то дернулось. Ощутимо. Почти болезненно. Жалость, наверное, совершенно ненужная. Моей вины в том, что она трахалась с тем алкашом с деревни, а может еще с кем-то, конечно же нет. Но ощущение тяжести все равно осталось от понимания, что вины ребенка в этом тоже нет.

Посмотрел на нее, стоящую у самой двери, готовую в любую секунду бросится в бегство. Как ей удавалось даже вот такой бледной с растрепанными волосами со слезами в огромных глазах оставаться для меня до дикости желанной я не знал. Я вообще с ней рядом ни черта не знал и не понимал кроме одного. Я болен этой подлой сукой и лишь она сама и есть мое лекарство от нескончаемой боли. Перед глазами пронеслась каждая ночь в этом доме мордой в пол, в этом же кабинете.

Пьяный, осатаневший от ревности и бешенства. Я подошел к ней и захлопнул дверь, прокрутил ключом в замочной скважине и облокотился рукой возле ее головы. Толкнул Аню назад, заставляя опереться спиной о деревянную поверхность.

— Молча и покорно. Договорились?

— Когда?

— Прямо сейчас. — сказал и сорвался прямиком в адское пекло от понимания, что хочу ее с такой силой, что уже не смогу отступить назад.

Смотрит мне в глаза и тяжело дышит, а мне одновременно и припечатать ее к двери лицом хочется и ласкать до умопомрачения. Соскучился по дряни этой. Безумно соскучился. До дрожи во всем теле. Дотронулся до волос и ее зрачки расширились, а я непроизвольно поднес пшеничный локон к лицу и втянул клубничный запах. По венам тут же взметнулся разряд тока, передернул все тело. Опустил взгляд на ее губы, на вырез платья. Хочу видеть ее голой и полностью раскрытой для меня. Сожрать ее хочу. Вгрызться в каждый миллиметр ее тела. Ощутить, что оно снова мое. Что я выдрал его у времени и блядской разлуки.

— Я ...я еще не давала согласия. Не прикасайся!

Ее голос сорвался в унисон моему и на секунду мне показалось, что она все такая же, как раньше, что это моя близость заставляет ее судорожно выдохнуть и приоткрыть пухлые розовые губы, обнажая ряд ровных белоснежных зубов. Я усмехнулся, продолжая смотреть ей в глаза. Она действительно такая красивая или я совершенно голову потерял и мне это кажется?

— Но мы оба знаем, что согласишься, правда? Вряд ли кто-то предлагал тебе такие бешеные деньги за то, чтоб иметь возможность пристроиться между твоих ног.

Замахнулась, а я перехватил ее руку и завел ей за спину, рывком притягивая ее к себе.

— Зачем обижаться на правду? Я оплачу любое лечение и любую сумму, за возможность трахать тебя любыми способами. Давай назовем это честной сделкой, а вещи своими именами. Времена, когда мы их называли иначе уже давно прошли.

А сам смотрю вблизи и надыхаться не могу на ее длинные ресницы, дрожащие над взглядом ярко-синих глаз, подернутых то ли дымкой, слез, то ли ...черт ее раздери, я разучился читать ее взгляды. А может и не умел никогда? Кем я был для этой куклы с нежной фарфоровой кожей через которую просвечивали венки, с шелковыми мягкими волосами и загнутыми кверху длинными ресницами. Я непроизвольно провел по ним кончиками

пальцев. Как я жил все эти годы без ее ресниц? Без нежных скул и этого безумного запаха клубники. И каждый ее жест, каждый поворот головы, каждое шевеление губ раздирают мне душу на куски. Я изголодался по ним по всем до сумасшествия. Ведь когда-то все это было моим. Настолько моим, что я считал эту маленькую девочку своей родной кровью, частью меня самого, куском моего сердца.

— Думаешь, все в этой жизни можно купить, Егор?

— Уверен. Если есть возможность. У меня есть.

Накрутил ее волосы на палец и отпустил, они спружинились возле ее щеки и у меня дух захватило от понимания, что она здесь рядом со мной в моей полной власти. Вся моя.

— У тебя все есть, Егор. У тебя всегда все это было. Ты решил снова поиграться с чужими жизнями? В тебе нет ничего святого? Ты ведь сейчас играешь и жизнью маленького ребенка!

— Нет, это ты играешь ее жизнью, а предлагаю тебе обустроить ее как можно лучше. Или я уже настолько противен тебе, что ты готова отказаться от возможности дать шанс твоей дочери? Или тебе наплевать на нее так же, как и на меня было насрать в свое время?

Дернулась и в глазах всплеснулось пламя едкой ненависти отражаясь внутри меня болью. Да, оказывается я к этому не был готов при всей моей ненависти к этой дряни я не готов был получать удар за ударом от нее и мне до зубовного скрежета хотелось дать ей сдачи. Сделать точно так же больно, размазать, поставить на колени. А самого корежит от ее близости и понимания, что по-прежнему никогда не будет. Схватил ее за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Сильно сдавил, явно причиняя боль.

— Молчишь, нечего ответить? Как и тогда молчала?

Впилась в мою руку дрожащими пальцами холодными и такими маленькими.

— Я не молчала. Ты не дал сказать.

Словно задыхаясь.

— Что сказать? Слушать твою проклятую ложь? Да, я не хотел. Зачем?

— Я не лгала. Ты хотел считать все мои слова ложью. Ты! Убивал меня каждым словом. Резал меня на живую. Ты разрушал нас обоих и душил мою любовь голыми руками. Смотрел мне в глаза и душил. И знаешь? Я не жалею, что ты ее задушил во мне, что кроме ненависти у меня к тебе ни черта не осталось. Ты можешь только заставить меня тебя бояться! А еще...да, ты можешь меня купить. Ты прав! Ради дочери я пойду на что угодно! И раздвину ноги перед кем угодно! Молча и покорно! Ты это хотел услышать?

Я почувствовала, как в груди разрывает от боли, как становится от нее нечем дышать и глаза застилает от бешенства. От того, что посмела мне это говорить. Посмела плевать в меня своей ядовитой правдой. Лучше б молчала. Меня затрясло от злости. Каждый мускул в теле завибрировал от нее, напрягся до предела, готовый порваться и воздух вокруг начал раскаляться. Сучка. Наглая дрянь, которая смеет еще и корчить из себя жертву. Сколько раз меня убила ОНА просто своим существованием и вот этими глазами, в которых больше не плескалась любовь ко мне. А может я ее себе придумал? Увидел там на остановке и нафантазировал то, чего никогда не было и быть не могло.

Замахнулся и ударил по щеке, а потом с рыком набросился на ее маленький розовый рот, которым она посмела заявить мне, что будет со мной лишь потому что готова раздвинуть ноги перед любым, кто позаботится о ее дочери. Во рту появился привкус ее крови и на хрен взорвал мне вены адреналином и самой грязной похотью. Как тогда в стриптиз клубе. Я не целовал ее, я ее сжирал, кусал ее рот, вбивался в него языком, пригвоздив к двери и ломая сопротивление. Она вначале отчаянно вертела головой, а потом затихла, открыла рот, позволяя мне врываться в него языком. И эта равнодушная покорность будила во мне зверя. Я отстранился от ее губ и глядя в ненавидящие глаза прохрипел:

— Перед любым не придется. Раздвинешь только передо мной. Моя шлюха! Только моя! Узнаю про других — убью, тварь!

Никогда и ни с кем я не был настолько жесток, как с ней. С той, которую когда-то боготворил и носил на руках, а сейчас мечтал лишь изощренно замучить, довести до грани, как она довела меня. Но, бля***ь, какой же я сейчас живой, втягивая ртом ее дыхание и сдавливая ребра голодными руками. Отстранился на мгновение, а она вытерла тыльной стороной ладони рот и процедила.

— Что такое? Что ты остановился? Давай! Трахай! Больше чем сейчас я уже не смогу тебя ненавидеть. Больше не бывает!

Я стиснул челюсти, пропитываясь каждым ее словом, пропуская его как ток через самое сердце. Вот и поговорили. Наконец-то я услышал правду. И внутри меня дико корчилась в смертельной агонии надежда. Оказывается, я готов был ей поверить. Я давал ей столько шансов мне солгать.

— Зачем тогда было притворяться столько времени пока со мной жила?

Почти проорал ей в лицо, одной рукой схватив за горло, а второй за талию и отволок к столу, смел с него на хер все что там было и плашмя

уложил ее на спину на столешницу. Синие глаза распахнулись от ужаса и зрачки снова расширились. Боишься? Вот и хорошо бойся. Пусть страх. Плевать. Хоть что-то я от тебя получу.

— Чего ты хотела от меня? Денег? Хорошей жизни? Зачем, мать твою?

А она опять молчит, как и тогда, когда я душил ее там у себя дома, у стены. Снова, мать ее, молчит! И это молчание убивает, вспенивает кровь. Я стиснул ее шею еще сильнее и потрянул.

— Отвечай!

— Денег, хорошей жизни. Да, всего этого я от тебя хотела.

А сама не смотрит на меня, смотрит куда-то в никуда и меня срывает от ее слов еще больше. Как будто эта гадина знает, как ударить побольнее, как будто знает, что до сих пор болит внутри меня как незаживающая гангрена и хрена с два мне удалось ее ампутировать. Зато она развязывает мне руки, дает свободу моей дикой ярости и такой же дикой похоти.

— По хер! Слышишь, Аня! — силой развернул ее лицо к себе, — Мне насрать, чего ты от меня хотела! С сегодняшнего дня ты будешь делать то, что хочу я.

Разодрал на ней плаття от ворота до пояса и чуть не взревел, увидев белые чашки дешевого лифчика в какой-то конченый горошек, а меня как когда-то от ее носков от горошка этого перетряхнуло. Рванул его вниз, высвобождая пышную грудь. Бляяяя****ь какая же она у нее красивая. Большая, округлая, налитая и спокойные розовые соски взбили из крови адский концентрат самого грязного вожделения. Грубо сжал оба полушария и не сдержавшись застонал, когда ощутил под пальцами как напрягаются вершинки. Жадно набросился на них ртом, всасывая каждый по очереди глубоко в рот, сильно прикусывая. Когда-то она любила чтоб я их долго сосал, обводил языком и снова сильно втягивал так чтоб они набухали, твердели. А я охреневал от возбуждения, когда видел какие они красные и растерзанные мною.

Но сейчас Аня не двигалась, она лежала на столе и смотрела в потолок, а в глазах блестели слезы. Кого она там оплакивает? Свою девственность, которую отдала мне когда-то с таким упоением, что я от счастья орал как конченый придурок, опьяневший только от одного осознания, что я у нее первый.

«И самый единственный...

— самых единственных не бывает. Либо один, либо нет.

— Один. Первый и последний.

— Если солжешь, Нютка...я ведь могу убить тебя.

— Убивай.

— Дурочка. Я ведь серьезно.

— И я. Я люблю тебя, Егор. Я очень сильно тебя люблю»

Рванул на ней подол платья вверх, поставил ноги ступнями на столешницу, раздвигая в стороны. Продолжая смотреть в ее глаза, которые не моргая уставились в одну точку. И мой адский стояк режет шов штанов. Мне до боли хочется ее взять и в то же время выть от разочарования. Сдернул с нее трусики и грубо ввел в нее средний палец. Сухая. Дернулась от боли. Поморщилась и слезы потекли по щекам. Сукаааа! Ударом в солнечное сплетение понимаю, что не хочет. Не завели ее мои ласки, не завели прикосновения, тогда как я готов хрипеть от бешеного желания. Вытащил палец. Выматерился, тяжело дыша, перехватывая переносицу двумя пальцами, чтобы успокоиться. Чтобы не слететь с катушек. Опираясь на стол и пытаюсь выровнять дыхание, глядя на то как она свела вместе острые коленки. Ни хрена. Ты меня захочешь! Снова рывком развел их в стороны и подтянул ее за бедра к себе, погладил между нежными складками приняхался как пес и глаза закатил. Она везде имеет этот особенный наркотический запах, разрывающий грудную клетку самыми разными оттенками эмоций. Я оголодал по этому запаху... запаху моей женщины, и я все еще помню как она любила чтоб я ее ласкал. Осторожно дразня, отыскивая клитор, наклоняясь ниже, всматриваясь в ее лицо. Я ждал, когда эта маска ненавистного равнодушия исчезнет, медленно вводя в нее палец, глубоко и продолжая цеплять большим набухший узелок, выскальзывая наружу и быстро растирая твердеющий бугорок. Вот они изменения, учащающееся дыхание, приоткрывающийся рот. Как же сильно она борется с тем, чтобы не сдаться... а я со злобным триумфом смотрю как ее тело оживает под моими руками, и зверею, когда влага окутывает пальцы и они уже с лёгкостью проникают внутрь. Продолжает смотреть в потолок, а я развернул ее лицо к себе и дыша прямо в рот прохрипел.

— Ты кончишь для меня. А потом я тебя трахну. Слышишь? Ты все равно кончишь.

Молчит, не смотрит на меня и под пальцами твердеет еще больше, становится острее, и я сильнее сжимаю уже двумя. Дернулась словно от удара хлыстом и на руку потекла влага. Вот так. Вот теперь все правильно. Наклонился между ее распахнутых коленей и жадно обхватил мокрую плоть широко раскрытым ртом, ударяя языком по клитору, сильно, ритмично, быстро. Подводя ее к оргазму, оказывается еще такими знакомыми движениями и теряя самого себя от понимания, что она непроизвольно извивается подо мной, впивается пальцами мне в волосы. А когда выгнулась дугой и гортанно застонала, потираясь о мои губы

дергающимся клитором, рванул вверх, сжимая твердый до боли член у основания и силой входя в нее до самого упора с громким стоном, распахивая глаза и тут же смыкая отяжелевшие от кайфа веки. Так глубоко, что у самого искры с глаз посыпались и взревел, когда ее сокращающееся в спазмах оргазма лоно продолжило судорожно стискивать мой член. Я захрипел ослепленный волной такого дьявольского удовольствия, от которого свело судорогой все нервные окончания. Я двигался в ней на такой дикой скорости, что стол под нами ходил ходуном и казалось развалится в щепки. Я кончал под ее затихающие судороги так, как не кончал за все эти годы, я изливался в нее километрами ненависти и похоти от которой разрывало мошонку и распирало член. Мне казалось, что в этот момент меня разнесло на ошметки и я весь дергаюсь в конвульсиях рыча и стискивая ее бедра голодными пальцами. Застонал, в последний раз толкнувшись в неё оставляя внутри семя, как печать того что теперь она принадлежит мне. А когда глаза приоткрыл ...еще раз вздрогнул словно это меня сейчас ударили плетью. Она опять смотрела в потолок и ее щеки так и не высохли от слез.

Тварь! Даже не скрывает, что жалеет! Не скрывает своего отвращения. Кончала со мной и все равно ненавидела. Потому что шлюха. Потому что, как она сказала — ей все равно с кем ради дочки своей. Это мне никогда не было все равно...это я всегда, как псина, любил ее предано. Ну и хрен с ней. Плевать. Я буду ее трахать как хочу и когда хочу. Мы только начали.

Застегнул штаны, поправил все еще полу возбужденный член, заправил рубашку. Уже не глядя на нее сказал:

— Завтра тебе дадут кредитку, оформленную на твое имя, получишь смартфон. Из дома можешь выходить с охраной. Альберту говори куда тебе надо если меня это устроит — поедешь.

Пошел к двери и вдруг услышал.

— Когда мою дочь будут обследовать?

Сука!

— Скоро. Ты все равно здесь надолго.

Глава 12

Знакомая кухня, знакомый узор на стене и такой же знакомы сам себе я, сидящий на полу с бутылкой в руках. Раннее утро. За окном поют какие-то чертовые птицы. Они поют, я пью. Знаю, что она плачет. Уже не в кабинете, а у себя в комнате. Слышал, как вышла и как закрыла осторожно дверь. Я даже мысленно видел ее. Как идет, ссутулившись по коридору и как плечи подрагивают.

На руках и внутри осталось ощущение грязи. Никогда раньше я ТАК к ней не прикасался. Насильно. А перед глазами наш первый раз, когда целовал каждый миллиметр ее тела. Удовольствие сменило разочарование. Сменило и погребло под собой, утянуло на дно. Нет никакого проклятого удовольствия в том, чтобы вот так вот ее. Я по-другому хочу. Мало мне только тела. Сам брал и сам ждал хоть каких-то эмоций, хоть немного. Чтоб оттаяла, что сказала мне, что-то совсем другое не из ее репертуара в стиле «ненавижу».

Невыносимо хочется зайти в ту комнату и прижать ее к себе. Слезы вытирать пальцами, губами собирать. Как когда-то. Не выносил ее слезы. Даже малейший намек на них и мне становилось херово. Я надеялся, что сейчас получу наслаждение от ее боли, но вместо этого я получил троекратную порцию этой самой боли себе. Отзеркалил каждую ее эмоцию.

Отхлебнул еще виски и голову запрокинул, облакачиваясь на стену. Домой не хочется. Никуда не хочется. Даже в офис. У меня интервью, новые партнеры, сделки, а я все. Я в личном увяз. Даже не знаю сейчас хорошо ли мне было без нее или плохо. Но вот так не скручивало. Скорей всего потому что мертвые ничего не чувствуют. Так и я без Ани весь атрофировался.

Вздрагнул всем телом от того что понял — я не один здесь. Не услышал, как она вошла. Маленькая девочка все в той же ночнушке. Ножки худые тростинки, острые коленки. Стоит передо мной. А я вначале не понял кто это, сквозь завесу алкоголя смотрю, голову поднял и увидел, что она в маленькой ручке нож сжимает. Когда только успела схватить. Неужели я настолько в себя ушел, что ничего не заметил. На меня замахивается. И смешно одновременно, и как-то стыдно. Она замахивается, а мне стыдно. Потому что знаю за что. Ничего не говорит только в глаза мне своими огромными зелеными смотрит. И мне сквозь хмель кажется,

что правильно это, если б она меня этим ножом пырнула. Все б на свои места встало. Мертвецы в могилу, живые на волю.

Нож за лезвие перехватил и постарался внятно сказать, так, чтоб по губам прочла.

— Ну что, принцесса — давай, режь? Если нож взяла — режь. Или не бери никогда. Это тебе не игрушка. В куклы играй.

Отобрал и на стол положил. А она все смотрит, смотрит. Потом что-то резко ручками показала и убежала. Черт. Я б многое отдал, чтоб понять, что именно показывала. Не знаю почему, но она мне была интересна. И это не только жалость из-за ее недостатка. Девочка ее не вызывала. А вот интерес и жгучее любопытство — да. Что она знает обо мне? Что ей рассказала Аня? Ведь точно что-то рассказывала раз она говорит мне о ненависти. Я раньше с детьми близко не сталкивался, а после того как выгнал Аню вообще к ним не приближался. С Леной всегда предохранялся без резинки не трахал даже в те редкие разы, когда у меня на нее вставал и рядом не было никакой другой соски. Не хотел я детей. Мне одного раза хватило... А вообще, хотел конечно. Свою девочку хотел из прошлого. Ту, которую качал по ночам. А других не хотел.

Я нож к лицу поднес, покрутил у себя перед носом и встал с пола, поднимая со стула свой пиджак и набирая своего водителя. Пока по коридору шел, ее лицо перед глазами видел. Треугольное, какое-то кошачье. Совсем на Аню вблизи не похожа. Раньше в заблуждение светлые волосы вводили. Но я увидел совсем рядом и не нашел сходства. В отца своего, наверное. Постарался вспомнить лицо того придурка, к которому Аня ездила за моей спиной и не смог.

Только ее мордашку вижу и взгляд совсем не детский. Сколько в нем ненависти, сколько злости. За мать заступается. Отчаянная девчонка, смелая. Только я себя в этот момент, как и тогда, когда она свое «ненавижу» мне губами выговаривала — мразью почувствовал. Остановился напротив распахнутой двери в детскую. Регина поздоровалась, распахивая шторы на окне, а я почему-то на игрушки посмотрел, которые видимо достали из сумки, лежащей на полу. Ни одной куклы. Медведь застиранный, голый пупс и пластмассовая сиамская кошка с закрученным хвостом.

«Это тебе не игрушка. В куклы играй».

Что ж ее папочка ей ни одной не подарил? Подумал зло и в то же время опять тянущее чувство в области груди появилось. Мне казалось, что у маленьких девочек непременно должны быть куклы. Что ж ты, Аня, ни разу денег не попросила раз так хреново вам было, что ребенку куклу купить не могла? Как ты вообще жила все эти годы? Какого черта у меня

тогда не взяла?

Алкоголь еще весь не выветрился, а я в офис помчался сломя голову. Альберт позвонил, что досье на Аню полностью собрано. Каждый шаг законспектирован. Уже у меня на электронке лежит. Мысленно я был готов увидеть что угодно. Мысленно я уже нашел с дюжину ее любовников, перечисленных в досье, и всех подвесил за яйца. Я даже придумал как каждого из них зовут. Чертов маньяк. У меня всегда от нее мозги плавились и думать трезво я никогда не мог.

В офисе меня встретила секретарша с чашкой двойного эспresso. Я на ходу взял кофе, поздоровался и прошел к себе в кабинет. Нет, не читать деловые письма, не просматривать новые контракты, а дрожащими руками вскрыть файл и жадно вычитывать каждую строчку. По мере того, как читал ни черта понять не мог. Все эти пять лет на одной работе. Никаких хахалей. Никаких романов. Или это кто-то отредактировал? Прочел о том, что мать ее умерла год назад. Я ее помнил. Нравилась она мне. Мы сразу поладили. Я ее в машине по городу катал, когда теща сказала, что из-за больных ног на улицу несколько лет не выходила. На кресло денег нет, а на костылях ей уже не спуститься и Анечка слишком хрупкая, чтоб на себе тащить. Мы ее с соседом на стуле из квартиры вынесли, вниз спустили и я давай по городу носится. Она не боится, смеется. Я тогда впервые видел, как человек искренне радуется чему-то совершенно обыденному, чему-то, что у всех есть как само собой разумеющееся. Просто с ней было, легко. Как в гости приду, она чай поставит и блинами угощает. Я никогда не знал такого. У нас кухарка, еда ресторанная, меню заграничное. А я к теще на блины. Это пока к Ане мотался. Потом к себе ее забрал, обещал, что матери квартиру купим рядышком, когда дочка родится...Наврал получается. И тут же сбросил это едкое чувство вины. Ничего я не виноват. Если б ее дочь рога мне наставила, то я бы слово свое сдержал. Нет моей вины ни перед кем. Я как умел любил ее, я ради нее на все был готов. Счастье свое только в ней и видел.

Но вот эта Аня с досье, с той, что мне изменяла с алкашом деревенским как-то вместе не сходились. Я несколько раз перечитал файл, пролистал вдоль и поперек. Позвонил Альберту чтобы убедиться, что там всего хватает. Спросил кто инфу собирал. Тот сказал, что несколько человек задействовал и ничего не пропустили. Даже к врачам ее лечащим сходили и с карточки выписки сделали.

А потом вспомнил, как мать мне позвонила пока я в командировке с отцом был. Позвонила, что она в городе и что ей со мной поговорить надо. И с того момента и начался обратный отсчет от счастливого Гоши Шумного

до Егора Шумакова, который стал совсем другим человеком. Мне вдруг показалось, что где-то вот там между приездом матери и моим последним разговором с Аней, что-то не срастается. Что-то там не так в этом месте. Я после того, как результат анализа увидел на мать глаза поднять, так и не смог. Я ощутил, как во мне поднимается чувство ненависти. Именно к ней. За то, что влезла. За то, что вообще пошла делать какие-то анализы, посмела мою семью развалить.

— И что? Я в это не верю. Что ты мне принесла? Сколько ты заплатила за вот этот бред?

Она смотрит на меня из-под очков. Вся аккуратная, с красиво уложенными волосами, в элегантном платье. Сжимает сумочку наманекюренными пальцами с множеством золотых колец.

— Ты совсем из-за своей деревенщины мозгами поехал! Матери такое говоришь? Ты б рога свои с удовольствием носил и рад бы был что я молчу?

— Не смей о ней такое говорить. Аня не такая! Ты купила всю эту хрень. Сама додумалась или кто надоумил из подружек твоих ведьм?

Мать прищурилась и выпрямила и без того очень ровную спину.

— Я была бы рада если бы это была ложь, сынок. Но это чистая правда. Можешь перепроверить. Твоя Аня изменяла тебе и родила дочь от другого.

— Вранье! Ты ее с первого взгляда возненавидела! А теперь придумала как избавиться. Не могла она! Всегда со мной рядом была! Всегда!

— Так уж и всегда? А в деревню к тетке своей разве не ездила? А потом якобы дом продавать?

У меня от ее уверенности внутри все похолодело и начало казаться, что вокруг началось землетрясение. Постепенно набирает амплитуду и начинает разрушать меня изнутри. Мать сумочку открыла и коверт мне протянула.

— Полюбуйся куда твоя жена ездила и к кому, а потом плюнь мне в лицо если я лгу!

Я руку от конверта одернул как от ядовитой змеи. Не мог открыть. Я по-настоящему боялся. Я не хотел сдохнуть, а там моя смерть спряталась и мне взрослому мужику было невыносимо страшно. Она сама вскрыла конверт и выложила передо мной, как свой долбаный пасьянс, фото за фото. И я смотрел и чувствовал, как у меня внутри жидкий азот по венам растекается, как прорастают ветвистые льдины в кости и крошат их, и я вдохнуть не могу от адской боли. На фото Аня моя с такси выходит возле

дома частного то ли деревня, то ли частный сектор. Оглядывается по сторонам. Калитку открывает. Потом у двери к ней навстречу мужчина вышел. Они смотрят друг на друга, и она ему что-то протягивает. Я было обрадовался. Может это кто-то кому она денег должна или вообще шантажист. У меня за секунду выстроилась цепочка оправданий для нее. А на следующем фото они уже крепко обнимаются. Она даже зажмурилась от удовольствия. И он за руку ее в дом ведет. Потом фото напротив окна как снимает с нее плащ и по животу гладит. Я даже головой тряхнул чтоб развидеть. Чтоб стереть себе возможность смотреть. Взять и ослепнуть прямо сейчас. Но я имел прекрасное зрение. На фото моя жена приехала к какому-то мужику, и он трогал ее живот, в котором ...как я думал...бился мой ребенок, так как будто имел на это все права.

— Она давно туда ездит. Давно обманывает тебя, сын. Я должна была тебе это сказать. Обязана. А ты решай, что с этим делать. Если решишь простить я слова не скажу. Я хочу, чтоб ты был счастлив...Даже перед самыми родами она к нему поехала...роды ее в дороге настигли потому и рожала в том захолустье. А нам сказала, что опять в деревню. Вот тебе и Анечка.

Я знал, что мать права. Знал, что на ее месте поступил бы точно так же и все равно не смог ей простить этого теста и вот этих фото. Я не был благодарен. Она убила меня. Она приставила к моему виску дуло пистолета и спустила курок. Только никто не увидел мозгов, размазанных по стене или развороченной грудной клетки. Только я знал, что все эти раны с жизнью не совместимы. К Ане я тогда поехал не сразу. Мне время нужно было. Осознать. Фото эти раз пятьсот пересмотреть.

Я ноутбук закрыл и позвонил Альберту попросил его купить хризантемы розовые и белые. Впервые за долгое время захотелось съездить к маме в больницу. Да, я соскучился. Несмотря на то, что так и не простил ей. Несправедливо не простил, эгоистично, по-ребячески. Но увидеть ее все же захотелось. Перед тем как с ней удар случился после похорон отца она мне снова звонила. Я тогда говорить с ней не захотел. Ушел весь в себя в горе свое. Телефоны отключил, а потом мне сообщили, что она в реанимации. Больше мы с ней не разговаривали.

Визит в клинику прошел обыденно, как и всегда. Я поговорил с врачом услышал, что никаких новостей нет и изменений в ее состоянии тоже. Поднялся на второй этаж, вошел в стерильно чистую палату. Какое-то время смотрел на приборы, к которым ее подключили потом перевел взгляд на мамино лицо и мне вдруг показалось, что я не видел ее уже много лет. Она стала какой-то худой и совсем маленькой. Настолько маленькой, что я

мог бы легко поднять ее на руки, как ребёнка. Подошел к кровати, потрогал ее холодную руку. Непроизвольно согрел в своих ладонях.

— Прости, что не поговорил тобой, мама. Прости меня. — помолчал некоторое время поглаживая тыльную сторону ладони, — Я снова встретил Аню.

Сам не заметил, как сел рядом на стул, продолжая сжимать маленькую прохладную руку.

— Привез ее в дом деда. Вместе с ее дочкой... Не знаю правильно ли я поступаю. Мне убить ее хочется и в то же время я с ума схожу. Увидел снова и ...как черт в меня вселился. Я насильно их привез к себе. Дочь у нее...глухонемая. Знаешь, мам, а ведь я все еще люблю ее. Аню. Сильно люблю. И что с этим делать не знаю...и я многое бы отдал, чтобы эта девочка моей была.

Приборы несколько раз пискнули, и я поднял голову. Вошла медсестра посмотрела на датчики и отрицательно покачав головой снова вышла.

— Я иногда думаю...а что было бы не сделай ты этот тест. Я жил бы с Аней, у нас бы родились еще дети. Может быть отец не погиб и увидел внуков. Зачем ты решила все это разрушить?....Зачем, мама?

Снова стало больно внутри и я шумно выдохнул и встал со стула. Положил руку мамы на одеяло и вышел из палаты.

Мой сотовый зазвонил, и я тут же ответил на звонок.

— Егор Александрович? Здравствуйте. Это Антонина Алексеевна — сурдолог. Меня попросили с вами связаться насчет девочки с проблемами слуха и речи.

— Да, верно. Спасибо, что позвонили. Мне нужна консультация и осмотр ребенка на дому.

Глава 13

Воспоминания...

Я тогда нашла ее адрес случайно. У мамы в столе. Перебирала документы, папки, наводила порядок и нашла адрес. Никогда раньше я не слышала ни об этом месте, ни об этой женщине. Видимо, она написала маме письмо, но самого письма в конверте не оказалось, а он был потертым, смятым и словно завалился между бумагами нечаянно. Я несколько раз прочла ее имя и фамилию. Затем адрес. Мама рассказывала, что какое-то время она там работала.

Когда-то давно мы с ней договорились, что я не задам ни одного вопроса про своего отца, если она мне расскажет кто он и как я появилась на свет. Мама честно мне поведала всю ее историю ее отношений с папой, которого на самом деле трудно так называть, потому что это была всего лишь физиология. У них случился короткий роман, и мама пошла на него сознательно ради ребенка и когда узнала, что беременна переехала в другой город. Нет, я ее не осуждала и не расспрашивала так как никаких ответов у нее для меня не было. Конечно, меня все годы грызло любопытство, что было бы если бы я нашла отца и он узнал о моем существовании. На что мама честно и даже в какой-то мере жестоко ответила мне, что он был женат и имел своего ребёнка. И ей именно это и подходило. Она специально встречалась именно с ним, чтоб потом не было никаких претензий. О беременности она ему сообщила, как и том что ей от него ничего не нужно. Он пожелал ей удачи, провел на электричку и на этом все и закончилось. Казалось обоим это всецело подходило.

Я пыталась хоть как-то узнать кто этот человек, но мама мне не говорила. Даже имени не называла. И в какой-то момент я смирилась с тем фактом, что его просто нет и никогда не было. А сейчас, найдя этот конверт, меня словно током ударило. У мамы не было таких знакомых, о которых я бы не знала. Я спрятала конверт и ничего ей о нем не сказала. Я струсила... испугалась, что она меня отговорит или не пустит туда. А мне нужно было узнать хоть что-то в тот момент я была готова на что угодно лишь бы мне не помешали встретиться с отцом.

Я поехала в тот город, когда Егор отправился в Европу заключать какой-то контракт. Мы еще не были женаты. Только начали встречаться. Я еще даже не думала к нему переезжать. Я летала в облаках и пребывала в дикой эйфории от того что мы вместе. О своей поездке я никому не сказала.

Обманула что еду к тете.

Тетя...да, я привыкла ее так называть, как и мама, которая считала ее своей сестрой. На самом деле у них просто были одинаковые отчества и фамилии, и они воспитывались в одном детдоме. Тетя была старше мамы на три года и это соответствовало тем данным, которые были записаны у мамы в деле, где говорилось, что у нее была сестра именно такого возраста. Они решили, что они родные и прожили с этой уверенностью всю свою жизнь. Совершенно не желая знать и думать о том, что могло быть иначе. Любили друг друга как настоящие сестры. И для меня не было человека роднее после мамы.

В последние годы жизни тети я проводила в деревне очень много времени. Поэтому никого не удивляло, когда я ездила к ней и оставалась там на несколько дней.

Пока ехала в электричке несколько раз звонил Егор. Сумасшедший. Только отключусь он уже что-то пишет в мессенджере. Первым подарком что он мне сделал был смартфон. И я чуть не швырнула в него коробкой, потому что запретила делать себе подарки. У меня был личный пунктик ничего не брать у мужчин, особенно дорогие вещи. А у него был пунктик заваливать ими чуть ли не каждый день.

Да, мне было приятно. Никто и никогда мне ничего не дарил и точно не в таких количествах, но я стеснялась. Меня так воспитали, что постоянно принимать дары — это неприлично, это делает тебя зависимым и должным. Нет, я не боялась зависимости от Егора... я и так была на нем повернута, я не хотела, чтоб он думал, что может меня купить. Что я такая как его девки готовые за новенький смартфон на что угодно. Но он вынудил меня принять подарок иначе обещал следить за каждым моим шагом и сопровождать везде и всюду. И я не сомневалась, что он именно так и может сделать. Пока я не взяла телефон он именно так и делал. Куда бы я не поехала меня неизменно сопровождал джип. Махал мне рукой в окно автобуса и улыбался... а меня разрывало от счастья, когда я видела его улыбку.

Я приехала по адресу, написанному на конверте, на такси. Машина затормозила возле старого кирпичного здания времен Советского Союза. В этом маленьком городке почти все здания были такими. Словно цивилизация их не коснулась. Поднялась по узкой щербатой лестнице с исписанными матами стенами, с битыми плафонами и выкрученными лампочками, и вонью, которая въедалась в каждую пору. Я снова посмотрела на конверт и поднялась на третий этаж. Позвонила в обшарпанную дверь с заплатками из изоленты и потертой ручкой на

которой как казалось осталось миллион отпечатков грязных и засаленных пальцев. Она была металлической, но совершенно не блестела. Мне не открывали довольно долго. И я уже хотела уйти, как вдруг дверь распахнулась и на пороге показалась женщина. Очень худая, осунувшаяся с короткой стрижкой и темными волосами. Она совершенно недоброжелательно осмотрела меня с ног до головы:

— Вам кого?

— Трофимову Светлану Афанасьевну.

Неаккуратные седоватые брови женщины приподнялись на шустрыми и очень живыми глазами неопределенного цвета.

— Хм. Давно уже к ней никто не приходил. Померла она еще лет пять назад. А вы кем будете?

А кем я буду я не знала. Притом совершенно. И сильно растерялась, не зная, что спросить, но женщина позвала меня в квартиру. Пока я осматривалась по сторонам в нищей обстановке в которой жили эти люди и понимала, что мы с мамой живем в тысячи раз лучше, женщина поставила чайник на маленькую грязную печку и села на табурет.

— Вы родственница?

— Можно сказать и так. А у Светланы Афанасьевны кто-то был из родных?

— А то как же. Антихрист. Сын ее. То еще отродье. Все пропил, все проиграл. Ублюдок. Мать довел до смерти выходками своими.

— А муж? Муж у нее был?

— Был. Как не быть? Его машина сбила очень много лет назад. Молодой еще был. Грузовик на смерть задавил, а потом и по стене размазал. Светлана тогда всех поразила своим равнодушием на похоронах, словно не муж родной умер, а кто-то совершенно ей чужой. Не заплакала даже. А потом сказала, что изменял он ей. С какой-то бабой городской и что та забеременела от него. Что он хотел уйти от Светланы и уехать искать свою городскую мадам, которая в отличии от Светки красавица, умница и квартира своя есть, а не эта дыра.

Пока она говорила у меня сердце дернулось и со всей дури рухнуло в низ живота да так, что все тело скрутило...Она говорила о моем отце. Я даже в этом не сомневалась.

— Но не уехал? — хрипло спросила я.

— А то как не уехал? Уехал мразота такая...тьфу ты плохо о покойниках нельзя, но этот...Светку жалко всегда было. За каждой юбкой волочился тыкал своим ...ну сами понимаете, куда ни попадя. Но его оказывается оттуда в шею вытолкали. Умная женщина попалась не приняла

козла. Он обратно приперся и давай у Светки прощение вымаливать. Та простила. А через полгода он уже с другой шашни крутил.

Теперь я понимала почему мама не рассказывала мне о нем...смысла в этом никакого не было. Этот человек действительно не был мне отцом совершенно. Он вообще не известно кем был.

— А...а вы сказали у него сын был. Где он сейчас?

— Такой же, как и его папаша гавнюк. Домик у него от бабки остался в пригороде. Он как денег задолжает, так и прячется там чтоб не прибили. Но кажется его уже везде находят. Больной человек. Я понимаю водка, а это... от дьявола все игры эти или что он там творит.

— Вы знаете где находится этот домик?

— Конечно знаю. Город маленький у нас, а раньше в пригороде многие жили. У каждого там кто-то из родни. Одна большая деревня. Да и мы со Светланой дружили хорошо. Бывало ездили к матери ее помогать. Я и Феликса паршивца пыталась пристроить как-то и помогать, но куда мне. Пенсии самой не хватает, а он в такие долги влезает, что и меня прибить могут. Кстати, вы с ним похожи...Светка б сейчас в обморок упала...

Я тогда с невероятным волнением ехала в этот пригород. Мне до безумия хотелось увидеть своего брата. Я дико хотела общения, я мечтала иметь родных примерно так же, как и моя мама. И в отличии от нее у меня они были. Родной брат. Но когда я впервые его увидела то даже не поверила, что все сказанное той женщиной было правдой. Феликс совершенно не походил на оборванца, которого мне нарисовало воображение. От него не воняло алкоголем, он был аккуратно и опрятно одет... а еще мы с ним оказались похожи. Неуловимо. Как-то очень отдаленно, но все же, увидев его, я сразу поняла, что это и есть мой брат. Мой брат наркоман и вор, который лишь с виду напоминал человека, а на самом деле наркота уже сожрала в нем личность. Это была лишь оболочка. Я об этом узнаю чуть позже...но в первую же нашу встречу я оставила ему деньги. Потому что он сказал, что его убьют за долги и показал мне жуткие гематомы на ребрах. Я попалась...на своей жалости, на желании иметь семью, на какой-то тут же возникшей патологической привязанности. Я верила, что смогу ему помочь. Что он просто очень одинок и поэтому творит глупости. Ведь если человека никто не любит он перестает любить себя сам. Наше самоуважение всегда отражается в чьих-то глазах, словах и поступках. Одиночество и ненужность плодят психически больных маньяков или вот таких наркоманов как мой брат.

Это стало моей тайной. Я не могла рассказать матери. Боялась ее реакции на мое общение с сыном того, чье имя на мне не говорила. Я не

рассказала даже Егору...Я мечтала, что представлю ему брата, когда тот бросит принимать наркотики, когда устроится на работу. Первое время я велась на все его обещания и привозила деньги. Присылать было нельзя иначе его выследят и отберут прямо на почте или в банке.

Я перестала к нему ездить, когда он опять обманул меня...уже после моих родов и расставания в Егором. Наверное, как и раньше задолжал за дозу и украл. Меня больше не волновали его проблемы. Когда я привезла деньги в последний раз я так и сказала, что больше помощи он от меня не получит пока не начнет сам лечиться.

— Ну и вали отсюда. Чего приперлась? Денег дай. Ломает меня! Ты что думала я тебя тут содержать с твоим выб***ком буду?

Его шатало, и он хохотал как умалишенный.

— Нету денег, Феликс.

— Нету значит убирайся. Думаешь ты мне нужна была? Да по хер мне на тебя всегда было. Ты бабло привозила. Думаешь мне вдруг понадобилась ублюдочная дочь моего папаши к которой он пытался свалить от моей матери?

Да я проклинал тебя с тех пор как узнал о твоём существовании. Это из-за тебя я таким стал. Твоя мать-шлюха всем нам жизнь сломала. Все катись на хер отсюда.

Это был наш последний разговор с ним. Да и не могла я больше помогать — у меня на руках оказалась маленькая Маша, а таскаться с ней к брату наркоману у которого уже отказывали мозги, я не собиралась. Наверное, именно тогда я поняла, что родственные чувства хороши, когда они взаимны, а не когда тебя целиком и полностью используют. Я очень сильно изменилась, оставшись совершенно одна. Я перестала жалеть людей...я жалела теперь только себя и Машу. Больше я не звонила ни ему, ни тете Рите. Я вычеркнула его из своей жизни.

* * *

От воспоминаний отвлек шум внизу. Приехала чья-то машина. Видимо Егор. Вспомнила. Что Маша на улице. Катается там на качелях я поставила чашку с кипятком на стол и подбежала к окну. То, что я увидела заставило меня впасть в ступор. Егор остановился возле Маши, которая смотрела на него снизу-вверх, задрав мордашку так, что капюшон ее куртки свалился на спину и ветер трепал светлые волосы. Он протягивал ей куклу. Большую, огромную куклу с блестящим бантом и в каком-то невероятном платье.

Я не шевелясь смотрела на них обоих. Первым порывом было бросится туда вниз и увести оттуда дочь. Не нужны ей его подарки и его куклы. Ничего нам от него не нужно...я бы нож ему в сердце вонзила и прокрутила там несколько раз после того, как он...взял насильно. И в то же время я сама ему позволила. За это я ненавидела его еще сильнее.

Для меня стерлось каждое его слово, точнее они слились в общую массу, эхом бьющую по нервам. Я смотрела ему в глаза... и не понимала за что любила его. За что до сих пор чувствую это унижительное чувство где-то очень глубоко внутри. Идиотка, которую доламывали уже спустя пять лет в угоду своим личным обидам. Беспочвенным, несправедливым и жестоким. Он даже не понимает, что сделал со мной тогда. Убил меня, превратил в ничто, размазал по стенке в моих же собственных глазах утопил в грязи. И ничего с тех пор не изменилось я такая же ничтожная и глупая, как и много лет назад. Он говорит, наступая на меня, а я смотрю как на его безымянном пальце сверкает обручальное кольцо, смотрю и задыхаюсь от боли. У него ведь все было хорошо, он был счастлив... а я, я продолжала все эти годы ненавидя любить этого палача, осудившего меня на вечное изгнание. Меня и своего собственного ребенка. Я должна помнить об этом и никогда не забывать. Прибить эти воспоминания к своей груди ржавыми гвоздями, чтоб боль всегда напоминала о том, кто он такой мой бывший муж и на что способен. А перед глазами он со своей женой на руках ее фата вьется по ветру, она смеется, и я слышу этот счастливый смех...а меня обливают грязью проезжающие мимо автомобили и грязь смешивается со слезами, текущими по щекам.

Смотрю на него и осознаю все степень лицемерия, на которое способен человек, клявшийся в любви...нет, он меня никогда не любил. Это я любила. Между мной и им не было ничего кроме моей любви и когда он ее убил осталась только черная пустота. И сейчас я снова чувствовала себя грязной, облитой помоями с ног до головы. Как цинично и хладнокровно он окунал меня в болото снова и снова. Переворачивая каждое мое слово, искажая все что было между нами до безобразных и уродливых образов. Больно саднила щека, кровила изнутри. Я провела по ранке языком...Ничто по сравнению с тем, что Егор расковырял в моем сердце. Не верила до последнего, что сможет заставить...я все еще верила, что он другой. Что он такой как раньше. Но от того Егора, который любил меня или по крайней мере притворялся, что любит, ничего не осталось.

Но тело...тело все равно отзывалось и чем податливей оно становилось под его руками и губами, тем сильнее каменела душа. Показывает мне, что я ничтожное и развратное существо та самая шлюха,

которой он меня назвал. Смотреть в потолок и ненавидеть нас обоих за эту страсть, которая не обжигает, а замораживает и душу, и тело. Как же пусто внутри...он рядом, на мне и во мне, а я по-прежнему пустая. Как и все это время без него в моей жизни. Дыхание обжигает мокрое от слез лицо, каждый толчок плоти заставляет кусать губы ло крови, чтобы не стонать для него, чтобы не извиваться под ним.

Ушел поправляя штаны, как уходят от проститутки...которой он меня по сути и сделал, заставив покориться ради лечения НАШЕЙ, БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ ЕГОР, НАШЕЙ! ДОЧЕРИ!

Я еще долго лежала на столе и не могла пошевелиться. У меня болело все тело, и я ненавидела каждую судорогу наслаждения, которые все еще прокатывались по венам. Лучше бы он избивал меня и рвал на части, лучше бы так, чем заставить так унижительно стонать. Разорванное платье и трусики валяются на полу, а искусанные им губы слегка кровят и саднят. Меня шатает от слабости из стороны в сторону пока я подбираю с пола трусики, а по ногам сочится его семя вызывая во мне отвращение и гадливость.

Я до утра просидела в душе отмываясь от каждого прикосновения и ласки. Но они не смывались, они остались где-то глубоко внутри меня навечно. Отголосками презрения к себе и воспоминаниями о том, как впилась в его волосы выгибаясь дугой и кончая...Безвольная, жалкая тряпка. Я могу сколько угодно говорить себе, что все ради Маши...но ведь на самом деле я хотела, чтоб прикоснулся. Хотела его руки и губы...Но не так. Не так.

Тряхнула головой, чтобы отогнать воспоминания, сбросить тяжесть боли...а там внизу он все еще стоит с куклой в руках. Так много иногда проносится перед глазами за несколько секунд. И нет, я не бросилась вниз, чтоб не дать Машу взять куклу...Потому что он ее отец. Потому что он ей нужен. И это только ее выбор.

Где-то внутри все защемило от понимания, что это первая настолько красивая и дорогая игрушка, которую ей купили в магазине и подарили. Она могла о таких только мечтать. И мечтала. Я видела, как она смотрела на нашем старом, тарахтящем, как стиральная машинка, стационарном компьютере, картинке с куклами, игрушками, Нет, она не просила. Только иногда останавливалась у витрин магазинов, а потом смотрела на меня и спрашивала:

«— Мам, а потом, когда-нибудь, когда у тебя появятся деньги, ты купишь мне эту куклу.

— Конечно, милая. Обязательно куплю. Как только появятся я куплю

тебе все что ты захочешь».

Я не знаю говорил ли ей что-то Егор, он присел на корточки, продолжая держать куклу. Маша протянула руку и взяла игрушку. Не знаю, что именно я чувствовала в этот момент. Какая-то часть меня хотела топтать подарок ногами, а другая часть была счастлива, что Маше подарили куклу...Он подарил. Каждая девочка мечтает о куклах и каждая девочка, у которой есть только мама, мечтает, что однажды у нее будет папа. И я не могу из-за своей ненависти к Егору лишить ее мечты.

Но в эту секунду дочка, оттолкнула его одной рукой, а второй швырнула куклу куда-то к забору и развернувшись спиной к Егору побежала к дому. Он так и стоял, глядя ей вслед, а я громко выдохнула. Не ожидала от нее. Все же я не так уж хорошо знаю свою дочь. Со мной она всегда была очень нежной...и я впервые видела в ней столько агрессии. Я медленно спустилась по лестнице, а она через одну ступеньку бежит наверх, сопит, кулачки сжаты. Я поймала ее и заставила посмотреть на себя нет, она не плакала, она злилась.

— Что случилось?

— Ничего.

— Зачем ты меня обманываешь? Кто тебя обидел.

— Никто. Я обидела.

— Кого?

— Его.

— Егора?

Она кивнула и спрятала от меня взгляд, а я взяла ее за аподбородок и заставила на себя посмотреть.

— Как обидела?

— Куклу выкинула. Не хочу я кукол. Я хочу, чтоб он отстал от нас. Он плохой!

— Нееет.

— Да! Ты из-за него плачешь значит он плохой. Я его хотела его убить! Мои глаза округлились, и я от удивления, слегка пошатнулась.

— Как это убить.

— Убить и освободить тебя. Взяла нож и не смогла.

— Что значит нож взяла? Когда?

Она словно давала мне пощечины одна за одной. Я не могла понять откуда вот это все взялось? Что это за злость такая.

— Ночью, когда ты плакала.

Я взяла Машу за руку и потащила к себе в комнату, прикрыла дверь.

— Маша, ты не можешь дальше себя так вести. Я не разрешаю. Ты

меня позоришь, понимаешь? Маме стыдно за тебя!

Надув губы, она смотрела на меня исподлобья.

— Ты ведь не зверек, ты — ребенок.

Но она вдруг отвернулась от меня и демонстративно не смотрела мне в глаза даже когда я пыталась повернуть ее к себе. Упрямо стояла на месте и просто не давала себя ни развернуть, ни сдвинуть с места. А потом резко повернула ко мне лицо.

— Тебе стыдно, что я такая?

Я не сразу ее поняла. Не сразу вспомнила, что именно ей сказала, но в эту секунду говорить о чем-то совершенно перехотелось.

— Конечно нет. Ты что? Нет! Как ты могла такое подумать. Нееет.

Резко привлекла ее к себе, подняла на руки и спрятала ее личико у себя на груди. К черту Егора и куклу эту. Мне наплевать как она с ним себя ведет. Он в любом случае все это заслужил. Я отстранилась от Маши и обхватила ее щеки ладонями.

— Посмотри мне в глаза. Мама тобой гордится и никогда не стыдится тебя. Только некрасивых поступков. Понимаешь?

Она кивнула и снова обняла меня за шею.

В дверь комнаты постучали и тут же вошла Регина. У нее была редкая привычка появляться в самые неподходящие моменты и нагло нарушать мое пространство.

— Добрый день. Меня послали за вами. К девочке приехал врач.

Я вскинула голову и сердце гулко забилося. Я не ослышалась? Врач? Так скоро?

— Идемте она ждет вас внизу в кабинете Егора Александровича.

Глава 14

Она мне понравилась. Врач, которая приехала к Маше. Те врачи, по которым я ходила в свое время...не то что были плохими им было наплевать на нас с Машей, а дать им «на мороженное», чтоб все же они проявили интерес, я не могла.

Эта женщина была совсем другой, словно с мира за экраном телевизора. Таких только там показывают. Она оказалась не только сурдологом, но и психологом. Вначале провела с Машей обычные проверки, спросила есть ли у меня какие-то выписки и документы. Они конечно были, но точно не здесь.

— Тогда мы проведем все обследования заново. Но для начала я хотела бы покопаться в генетике, посмотреть поглубже. Вы говорите, что у вас в семье не было слабослышащих или вам неизвестно?

— Мне не известно. Мама с детского дома, а своего отца я не знала. Есть один единственный родственник — мой сводный брат, но у него со слухом все в порядке.

— А отец Маши? Что с его стороны?

Вот у него и спросите. Хотелось выпалить ей в лицо, но я этого не сделала.

— Не знаю. Те родственники, с которыми я была знакома с ними все в порядке.

— Но отец ребенка...вы с ним контактируете? Можно попросить его сдать анализы?

— Нет. Мы не контактируем.

— Ясно. Значит проведем исследования. Проверим хотя бы вас. Я бы так же хотела, чтоб вы привезли Машеньку ко мне в клинику, и я смогла бы проверить ее на нужной аппаратуре.

И еще... если бы вы не возражали я бы хотела пообщаться с ней наедине, понять степень ее развития, увидеть, как она себя ведет без вашего присутствия.

— Я не возражаю...если она сама будет согласна.

Я недооценила врача. Ей удалось заинтересовать Машу, и та с удовольствием осталась с ней, а я вышла на улицу. Не знаю почему, но я пришла к забору, туда, где валялась та самая кукла, которую купил для нее Егор. Когда-то он мечтал, как будет покупать своей принцессе игрушки, платья, водить в зоопарк. Я помнила это восторженное выражение лица и

то, как блестели его серые глаза. Я с ума сходила от этого блеска и восторга, который он излучал и заражал им даже меня.

Наклонилась и подняла куклу. Увидев вблизи даже вздрогнула. Не поверила своим глазам...Я помнила ее. Именно эту.

* * *

— Анна!

Она всегда называла меня Анной. Не Аней, не дочкой, а именно Анной. И меня это всегда раздражало на каком-то подсознательном уровне. Нет, я пыталась искренне ее полюбить. Пыталась от всей души. Ведь она мама Егора. А все что имело к нему отношение я готова была полюбить абсолютной любовью и просто так. Но с ней не вышло...Это было на уровне эмоций. Увидела ее впервые и поняла, что она сделает все, чтоб мы с Егором не были вместе. Она даже не скрывала. Едва мы вошли в дом она смерила меня взглядом полным презрения с ног до головы и увела Егора в сторону. Не знаю, о чем они говорили я рассматривала дом, приоткрыв рот в удивлении и чувствовала себя дурнушкой, попавшей в сказочный замок к принцу. Наивная идиотка. На самом деле я пропала в ад. Где каждая пылинка мечтала от меня избавиться.

— Да.

— Леночка останется с нами на обед. Иди на кухню и скажи пусть накроют на четверых. Проследи чтоб Леночке положили ее любимый салат без соли и непрожаренный стейк.

Она всегда говорила со мной как с обслуживающим персоналом свысока и в приказном тоне. Леночка...От звука ее имени меня перекашивало и начинало трясти. Потому что от меня никто не скрывал, что раньше они с Егором встречались. В одной из комнат я даже видела его фото рядом с ней на лыжном курорте.

— Хорошо, Валентина Ивановна, я обязательно скажу.

— Что за Валентина Ивановна? Я не понимаю. Сколько времени живешь в этом доме и ни разу матерью не назвала. Я говорила Егору, что это ненормально.

Что если после свадьбы не сказала, то уже не скажет...что за воспитание.

— У меня есть мама и она у меня одна.

Огрызнулась, но очень тихо и пошла на кухню. А когда возвращалась обратно увидела Егора с этой Леной. Они о чем-то говорили на веранде, и я

не слышала ни слова, но видела их и то как Лена повисла у него на руке и демонстративно поправляла его воротник, улыбаясь своими силиконовыми губами, хлопая длинными ресницами. Егор убрал ее руку, и улыбка пропала с ее губ, она нахмурила брови, а потом снова начала улыбаться и класть руку ему на плечо.

Я напряглась, когда она приподнялась на носочки и что-то прошептала ему на ухо, обхватывая его лицо ладонью с длиннющими острыми ногтями. Я не выдержала и открыла дверь на веранду.

— Егор, там уже на стол накрывают. Ты идешь?

Они оба обернулись, а я невольно схватилась за живот, когда Лена опустила на него злобный взгляд и я эту ненависть почувствовала кожей, даже сердце зашлось в какой-то суеверной тревоге.

— Скажи маме, что я не смогу остаться на обед, мне срочно надо уехать. Отец звонил ждет в офисе. Поешьте сами.

Подмигнул мне, а я даже не улыбнулась. Потому что все еще оставался осадок от того как Лена что-то шептала ему на ухо.

— Ой, я тогда тоже не останусь. Подвези меня в город, Гош. А то отец забрал машину, а вторая в ремонте.

— Такси прекрасно вызываются и ездят по адресам.:Есть даже лимузины.

Я не удержалась и тяжело дыша посмотрела на эту сучку, которая даже не скрывала, что флиртует с моим мужем, выставляя меня полной дурой.

— Я подожду снаружи. Если не сможешь отвезти вызову такси.

Хотелось крикнуть ей — ну и вали, такси сразу вызывай. Едва стих звук цокающих каблучков Лены Егор подошел ко мне и привлек к себе.

— Да вы ревнивы, мадам Шумакова.

— Она на тебя вешается! Нагло! При мне! А ты позволяешь!

Обхватил мое лицо руками и заглянул в глаза.

— Я знаю ее с самого детства.

— У вас был роман!

— Не роман, а так проба испортить дружбу.

- На целый год?

— Ты провела расследование?

А сам гладит мой живот очень нежно обеими ладонями, сбивая меня с настроения и заставляя забыть, что я злая. Мешает мне ревновать, настраивает на себя, на свои ласки, на свой запах. Прижался лбом к моему лбу.

— Никакая Лена не сравнится с моей самой красивой девочкой, самой сексуальной, самой вкусной. Я приеду домой и съем тебя по кусочкам. Как там наша малышка? Шевелится?

Накрыла его руки своими и положила голову ему на плечо.

— Шевелится. Она всегда шевелится. Неугомонная.

— Посмотри на меня, Нютка.

Я подняла голову и встретила с серебристым взглядом, заставляющим забыть обо всем. О Лене, о ревности. Обо всем кроме нас двоих и нашего счастья.

— Хватит о Лене и о других. Нет никого. Я тебя люблю как псих конченый. Тебя и нашу принцессу. Я поеду, а ты маму успокой, скажи, что я в офисе поем, ладно?

Я кивнула и поцеловала его в губы, сначала осторожно, а потом он набросился на мой рот жадно целуя и тут же выпустил.

— Вечером я тебя съем.

Но когда зашла в залу свекрови там не было, на стол так и не накрыли. Даже для меня. Так уже бывало. Я пошла на кухню сама и поела там. Мне было даже уютней с кухарками и слугами, чем за тем огромным столом где мне вечно не рады и смотрят на меня как на тварь. Я даже была рада поест вдалеке от нее. Чувствовать на себе этот взгляд и вечные одергивания, причитания о том, что я вилку не так держу и спину не выпрямляю. Или оделась к завтраку как к обеду и что это и то нельзя есть ребенку навредит.

Поднялась к себе в комнату и оторопела — свекровь находилась именно там с двумя служанками, они выпотрошили шкафы и выкинули вещи на постель.

Я переступила порог и замерла.

— А что это здесь происходит?

Свекровь повернулась ко мне, нахмутив брови и сузив глаза, накрашенные уже с утра.

— Что здесь происходит? Я у тебя хочу спросить, что здесь происходит. Что за бардак ты устроила в шкафу? Неряшливая курица!

Это было неожиданно, я даже побледнела, не зная что ей ответить... и еще не понимала за что.

— Какой бардак? — пролепетала невольно, обхватывая живот снова, так как он сильно сжался и стал словно каменным.

— Такой бардак! Как, наверное, устраивают в твоей деревне. Кто так складывает вещи? Ты все смешала, все нашвыряла как попало! Я открыла и...

— Какого черта вы открываете шкафов моей комнате?

— В твоей? — взвизгнула так громко, что у меня резануло уши. — В этом доме нет ничего твоего. Здесь все принадлежит мне и моему сыну, а ты здесь временное недоразумение, сумевшее вовремя залететь, чтоб

женить моего сына!

С ней что-то происходило, не знаю, что именно ее настолько взбесило, но такой я ее никогда не видела.

— Я не была беременна, когда мы поженились.

— Ты постаралась это сделать как можно быстрее, чтоб зацепиться здесь. Все вы деревенские ушлые и хитрые. Быдлу много ума не надо. Ноги раздвинула и уже в дамках!

— Как вы смеете со мной так говорить?

— Как я смею? Как ты смеешь командовать в моем доме и распоряжаться кто будет здесь обедать, а кто нет! Выгонять важных гостей! Отправлять их домой на такси! Ты что о себе возомнила? Вали в свой Урюпинск коровам хвосты крутить! Ты не пара моему сыну!

Я задышалась, мне казалось. Что я не могу не вдохнуть не выдохнуть. Схватила сумочку и размазывая слезы выскочила из дома. Денег с собой не взяла. Брела куда глаза глядят. Уехать сильно хотелось...к маме. Бежать куда глаза глядят. Только ни денег нет, ничего нет. Даже сотовый забыла дома. Нет, не дома, а там в месте этом ужасном, где меня все, кроме него, ненавидят.

Пришла в парк где мы с Егором часто гуляли и на села на лавочку. Так до поздней ночи и просидела пока он меня не нашел.

К себе прижимал, целовал мои волосы, живот гладил.

— Ты что, Нют? Что ты? Ты чего ушла? Из-за мамы. Не обращай внимание...Слышишь не в себе она. Есть у нее проблемы. Мы уедем. Я новый дом куплю только наш с тобой. У озера. Как ты хотела. Не плачь, Нютка. Не плачь, не могу, когда плачешь. Потерпи немного... я поговорю с ней, любимая. Поговорю.

Я кивала и отвечала на его поцелуи, прижималась к нему сама, успокаиваясь.

— А я нашей малышке куклу купил. Не выдержал. Мимо магазина проезжал и ...купил! Смотри какая красивая. Кукла Маша.

Положил мне на колени коробку, и я дрожащими руками сняла крышку....

* * *

...Это была та кукла. Не такая же, а именно та. У нее еще краешек банта распустился. И внутри все сжалось с такой силой, что из глаз слезы покатались. Я вдруг снова стала той Нюткой. Беззащитной, дрожащей от

слез. Той, что готова была простить и все забыть, когда ей положили на колени куклу.

И поразило то, что он ее не выкинул...он хранил ее все эти годы. Только не знаю зачем.

Я снова перечитывал эти тесты. Не помню в какой уже раз. Словно не знал их наизусть. Это уже какая-то фобия. Люди повторяют снова и снова одни и те же действия, а я перечитываю эти проклятые бумажки. Мне кажется, что с ними что-то не так. Со всеми тремя. И в то же время я понимаю, что что-то не так со мной, а с ними все в полнейшем порядке. Не зря эти тесты переделал в разных лабораториях. Все ответы совершенно точные. В одной из лабораторий работала моя знакомая. У меня не было оснований ей не доверять. Хотя, я все равно перепроверил там, где меня никто не знал. Не знаю зачем достал их. Стоял у окна, смотрел как Анна куклу держит перед глазами, и такая тоска взяла дикая. Выть захотелось, орать как умалишенному. Не знаю почему я принес ей эту куклу. Она в ящике стола лежала в моем кабинете вместе с анализами днк. Я специально тогда ее оставил, чтоб каждый раз доставать, смотреть, понимать, что она со мной сделала и ненавидеть ее еще больше. Меня это спасало от адского желания найти ее и увидеть хотя бы один раз. Один единственный, издалека. Я открывал тот ящик смотрел на куклу, перечитывал тесты и меня отпускало. Еще на какое-то время без нее, словно ремиссия в которой я всегда ожидал очередного больного рецидива.

После разговора с Антониной, врачом Маши, меня словно катком еще раз придавило. Каменной плитой.

— Очень умненькая девочка, развита не по годам. Я потом проведу еще несколько тестов. Она совершенно особенная. В ней море талантов. С ее мамой я договорилась о прибытии в клинику через два дня. Она сдаст материал для генетических анализов. Хочу проверить несколько своих предположений.

Конечно, я была бы рада поговорить и с отцом девочки, получить материал для исследования и от него. Анна сказала, что они не общаются и...Может вы знаете кто он и могли бы поговорить с ним? Мне бы это облегчило задачу. Так как проведенные тесты только с матерью...

Этот разговор выбивал меня из равновесия и я грубо ее оборвал.

— Я не знаю кто ее отец. Только матери ребенка и известно и если она по какой-либо причине не хочет этого разглашать, то это ее дело.

Конечно не хочет алкаша своего или нарика светить. Стыдно небось о таком рассказывать, да и понятно откуда генетика настолько паршивая.

— Ясно она говорила о каком-то сводном брате. Можно было бы и его

проверить.

— Каком сводном брате?

— Не знаю. Она упомянула некоего брата в нашем разговоре.

Я отвернулся к окну. Чего я еще не знал о ней? Что она от меня опять скрыла? Какой к дьяволу брат и откуда он взялся если она о своем отце ни черта не знала.

— Так что вы думаете о ее заболевании с ним можно что-то сделать?

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос — вот так сразу. Мне нужно провести полное обследование понять насколько сильна патология и как мне с ней справиться. Это дело ни одного дня и даже не одной недели, а то и месяца. Мне облегчило бы задачу наличие отца ребенка, но будем работать с тем, что имеем.

— Хорошо. Я очень благодарен вам, что вы нашли время и приехали к нам домой.

Я протянул ей конверт, и она не смущаясь взяла его, чтобы положить в сумочку. Люблю профессионалов в своем деле всегда знают себе цену, никогда не ломаются и плату берут с чувством собственного достоинства. Я проводил ее до дверей, а потом, как маньяк достал эти треклятые тесты и перечитал их от корки до корки. Потом фото ее достал. Те самые с ублюдком, который гладил ее живот. Это чтоб тебя, Шумаков, попустило. Чтоб ты от картинки перед глазами избавился. Той самой где она с куклой стоит. Так похожа на себя много лет назад на лавочке в парке.

Я с матерью тогда разругался настолько что она схватилась за сердце. А мне было плевать. Я привык ко всем выходкам, но это было слишком даже для нее.

— Послушай меня внимательно, мама, Аня — моя жена. Я люблю ее. Не заставляй меня выбирать между вами, потому что я не выберу тебя по одной простой причине — ты заставляешь меня делать выбор. Не она, а ты.

— Конечно. Мать больше не нужна появилась малолетняя дрянь и вскружила тебе голову. Я смолчала, когда ты женился, смолчала, когда в дом ее к нам привел. Эту пигалицу, которая вилку в руках держать нормально не умеет. Мне стыдно ее было людям показывать деревенщину твою.

— Замолчи, мама! Ты падаешь в моих глазах все ниже и ниже. Намного ниже самой Ани. Она никогда не опустилась бы до таких слов о тебе.

— Она слишком бесхребетна для этого. Глупа. Невежественна! У нее даже образования нет!

— Она просто хороший человек, в отличии от тебя! Нам не о чем больше говорить. Мы скоро съедем отсюда. Я хочу увезти Аню в другой город. Уже присмотрел жилье.

— Как это в другой город? Что значит в другой город? Она решила отобрать у меня сына?

— Да что ты усложняешь все? Кто может отобрать у матери сына. Я люблю и ее и тебя. И это совершенно разная любовь. Ты сходишь с ума, а я не собираюсь в этом принимать участие!

Мать вдруг прижала руку к груди и облокотилась о стену, но я хорошо знал эти приемчики. Со мной это давно не работало.

— Она тебя недостойна! Слышишь, сын, не достойна.

Нет, я ее не слышал. Я слышал только себя и свое сумасшествие, свое помешательство на этой женщине. Ничто больше меня не волновало. Сложил в стопку тесты и сунул их в дальний ящик стола. Поставил перед собой виски и налил полный бокал. Захотелось напиться до беспамятства. Повертел бокал в руках и залпом осушил. В дверь кабинета постучали, а потом дверь распахнулась и вошла Лена.

— Неужели ты дома? Оооо и уже что-то празднуешь?

Бросила взгляд на виски, а я встал из-за стола, распанул настежь окно и закурил.

— Я ненадолго. Так кое-что посмотреть по работе.

— И снова на эту самую работу?

Я усмехнулся.

— С каких пор ты требуешь от меня отчета? Тебя не касается куда я еду потом.

Лена выглядела взбудораженной и ее глаза странно поблескивали словно она и сама выпила.

— Я твоя жена. Касается.

— Ну это то, чего ты хотела — стать Еленой Шумаковой. Разве нет?

Она подошла ко мне сзади и положила руки мне на плечи. Я был слишком пьян, чтоб сбросить их и послать ее подальше, как обычно.

— Очень хотела, Егор. Твоей стать. Всегда хотела.

— Настолько хотела, что тебя не волновало хочу ли этого я. И твой папочка нашел как договорится с моим, чтоб осуществить твою хрустальную мечту, верно?

— Зачем ты так? Я ведь люблю тебя.

Я все же сбросил ее руки с плеч и снова подошел к столу, чтобы налить себе выпить.

— Сегодня звонили с клиники — есть изменения в самочувствии твоей матери. До тебя они не дозвонились.

Я вскинул на нее взгляд.

— Какие изменения?

— Не знаю. По телефону такой информации мне не дали.

— Ясно. Спасибо что передала.

Подхватил бутылку со стола, пиджак со спинки кресла и направился к выходу из кабинета. Как вдруг она истерически прокричала:

— Считаешь меня душой, да? Думаешь я ничего не знаю? Не знаю, что ты прячешь в ящике стола, не знаю куда ездишь по ночам. Снова с этой тварью, да? Со шлюхой, которая тебя обманула? К ней бежишь? Трахаешь ее? Не брезгуешь после других?

Хотелось дать ей пощечину, чтоб заткнулась, но мараться не стал. Только расхохотался, глядя на ее разукрашенное лицо и откровенное декольте.

— Ну тебя ж трахал после других. Ты такая же шлюха. Так какая разница кого из вас?

Снова пошел к двери, но она вдруг бросилась за мной, схватила меня за руки и вдруг рухнула на колени, цепляясь за мой ремень и лихорадочно его расстегивая.

— Меня...меня трахай если нет разницы. Я же с ума схожу по тебе, люблю тебя, Егор. Больше жизни. Прощу тебя...Егооор. Дай я покажу как сильно я...позволь мне.

Тянет ремень на себя, расстегивает ширинку, а там сюрприз, детка. Там полный облом, потому что не хочу я тебя.

Оттолкнул ее за плечи.

— Не стоит на тебя. Не прешь, не вставляешь. Не выпил столько. Уйди, не унижайся. Я не люблю тебя и не любил никогда, и ты прекрасно об этом знала, но все же полезла в это дерьмо. Вот и жри его. САМА!

Застегнул ширинку и снова направился к двери.

— К твари своей пошёл? На нее стоит? Чем я хуже ее? Я ведь не предавала, не лгала и чужого ублюдка на тебя не вешала.

А я дверью хлопнул и внутри все задрожало от ярости. Да, не предавала. А Нютка предала Нютка за которую мне умереть хотелось, ради которой от матери отказаться мог, ради которой ...Черт!

Вспомнил ее распластанную на столе и мгновенно все затвердело, даже яйца свело от бешеного желания взять. Почувствовать ее снова под собой сучку лживую. Спустился вниз к машине, открыл дверцу и завалился за руль. Я хочу свою часть сделки, хочу свой гребаный секс с этой дрянью.

Сейчас хочу!

Глава 15

Прошлое

Я слышала ее голос, голос Лены в нашем доме, когда собирала сумку для роддома. Единственное, что меня сейчас радовало — это ожидание родов и обещания Егора, что мы очень скоро переедем. Он даже показывал мне тот новый дом, который строится сейчас для нас. Осталось не так уж много и у нас будет свой дом, где я буду хозяйкой. Он принес мне проект и фотографии стройки, когда я в очередной раз плакала в комнате после стычки с его матерью. В этот раз ей не нравилось, что я ем и чем «кормлю» ее внука. Она упорно отрицала, что мы ждем девочку и называла малышку «Ленечка» именем своего деда.

— Мне лучше знать, я по животу вижу — это мальчик. Внушек мой. Шумаковы делают только мальчиков. Девки у слабаков рождаются, а мой Егорка настоящий мужчина.

Она словно назло подначивала меня, словно нарочно провоцировала скандал.

— Но ультразвук не обманывает, и мы уже точно знаем пол ребенка — это девочка.

— Что ты со мной споришь? Взяла моду перечить матери! Я сказала, что я знаю — значит знаю. Но если будет девочка назовете Леночкой. Тоже на Леню похоже.

— Никогда. Мою дочь не будут звать Леной. Отвратительное имя.

Это вырвалось само. Дальше у нас разговор не сложился. Я ушла к себе в комнату и не выходила до самого возвращения Егора домой. Именно тогда он и показал мне, что строится наш дом. Сказал, что это подарок к рождению нашей малышки и он хотел сделать сюрприз... Но не выдержал. От благодарности я тогда разрыдалась еще сильнее и напугала его окончательно. Егор пообещал, что ускорит процесс стройки и мы переедем намного быстрее, чем он даже предполагал. Он был всегда рядом со мной, на моей стороне, прятал за своей спиной. У меня ни разу не возникло ощущения, что для него я чужая. Рядом с ним я чувствовала себя уверенной, никого в этом доме не боялась. Но стоило ему выйти за порог, как я начинала сходить с ума на меня давили стены этого дома, я ощущала присутствие свекрови даже в молекулах воздуха. И не только присутствие, но и ее ненависть ко мне. И она прекрасно поняла, что меня раздражает и

нервирует Лена. С тех пор она стала приглашать ее к нам чуть ли не каждый день. Она звала ее на завтрак, иногда на обед. Но не на ужин. Чаще звала, когда Егора не было дома. И я видела, как они там сидят на веранде с чашками кофе или чая и мило беседуют. Иногда смотрят на меня через стекло и глаза обеих горят ненавистью. Скорей бы мы уже переехали, может быть я из-за гормонов настолько нервная, может быть меня просто преследуют навязчивые мысли, и я сама виновата в этих стычках с Валентиной Ивановной. Может мне стоило бы быть терпимей, спокойней по отношению к ней это все же мама Егора, но я прекрасно понимала, что терпимей со мной никто быть не собирался. Меня ненавидят и даже не скрывают этого.

Голос Лены я услышала, когда складывала полотенце в сумку. Так и застыла с ним. Она же только вчера здесь была. Что за дружба между пожилой женщиной и молодой девушкой, которая им по сути никто? И тут же отвечала сама себе — свекровь нарочно зовёт ее к нам, чтоб я видела разницу, видела кому здесь на самом деле рады, и кто я такая. Кого потерял Егор связавшись со мной. Едва я поставила сумку у стены, как было написано в моей настольной книге по ведению беременности, зазвонил мой сотовый. Это был Толик. Как не кстати звонить мне сюда. Мы договаривались, что я сама ему звоню. Едва я ответила он завопил в трубку:

— Ты должна помочь мне! Мне угрожают, меня хотят убить. Я боюсь мне страшно, Аня. Помоги мне. Пришли мне денег или привези.

— Я не могу, Толь. Мне рожать скоро. Мне уже опасно куда-то ездить и денег у меня нет. Кончились. Я в прошлый раз все тебе отдала.

— Ну мне надоооооо. Слышишь, Аня? Мне надооо. Не смей меня вот так бросать. Убьют меня.

— Не ври. Ты врешь! Это все, — я осмотрелась по сторонам и понизила голос, — это все на наркотики, думаешь я не знаю. Не звони мне больше. Забудь этот номер. Нет у меня денег. Хватит выманивать!

— Не дашь денег я мужу твоему позвоню.

У меня внутри все похолодело. Не хотела я чтоб Егор знал о нем, знал о брате наркомане. Словно это подтверждало слова его матери о том, что у меня ужасная семейка и он сам не знает с кем и чем связался. Я чувствовала себя виноватой, что у меня такой брат и...мне было стыдно. Я уже жалела что нашла его и ввязалась во все это.

— Не смей! Слышишь? Не лезь к моей семье.

— А что такое? Он не знает, что у тебя есть братик? Несчастный всеми брошенный? Может он будет добрее тебя. А его мамочка? Она добрая?

Может мне с ней встретиться? Приехать к твоему дому и попросить помочь брату ее любимой невестки.

От одной мысли о том, что Валентину Ивановну хватает за локоть Толик с ословевшим взглядом, в грязной спортивной кофте, заросший меня начало тошнить.

— Не смей. Я приеду. Привезу тебе деньги. Но это последний раз. Еще раз позвонишь я... я ...

Я набросила кофту и взяла с свою сумочку. Если утром выехать, то к вечеру я уже вернусь. Может быть Егор ничего не заметит. Он сейчас поздно приезжает из офиса.

— Не позвоню. Вези. Какая ты умница. Вези. Я тебя на вокзале встречу.

В эту минуту в комнату постучали, и я тут же отключила звонок. Дверь распахнулась и на пороге стояла свекровь.

— Анна, мне сказали, что ты сегодня не завтракала. Спустись к нам и попей с нами чаю. Для тебя уже заварили твой любимый фруктовый.

Я остолбенела. Это было очень неожиданно. Никогда раньше она не приходила меня звать завтракать. Бросила взгляд на сумочку, которую я перекинула через плечо.

— А ты куда-то уезжаешь?

— Да, хотела с подружкой встретиться, обещала с ней день провести она проездом у нас. Мы давно не виделись.

Тонкие брови вскинулись вверх и изогнулись над стеклами очков.

— Как мило. Я не помню, чтоб ты раньше встречалась с подружками. Но да это нужно. Общение, воспоминания.

Боже, почему из всех дней она выбрала именно этот для попыток общения.

— Спускайся вниз попьем чай, перекусим и поедешь к своей подружке. Как я выпущу тебя из дома голодную.

Я нервничала и ужасно не хотела, чтоб она заметила, а еще я боялась, что Толик перезвонит мне придется ответить и свекровь услышит мужской голос в трубке. Я сунула его в сумочку на самой дно.

— Я сейчас спущусь.

Свекровь улыбнулась мне и кивнула.

— Только быстрее чай стынет.

Фууух, как же это не в тему. Но почему!то на сердце стало тепло. Оказывается, мне ужасно хотелось, чтоб она сделала первый шаг навстречу. Егор был бы так счастлив если бы начали ладить между собой. Я собрала волосы в хвост, покрутилась перед зеркалом, стараясь не думать о

том, что выгляжу как жирная каракатица с опухшими лодыжками, огромным животом и ломкими волосами.

Спустилась по лестнице вниз и ощутила это чувство протеста от мысли, что там находится Лена. Но перспектива наладить отношения с свекровью оказалась сильнее моих отрицательных эмоций от одной мысли о том, что эта сучка была девушкой Егора, а сейчас мечтала отнять у меня мужа. Я зашла на веранду и остановилась в дверях.

— Спасибо за приглашение, но я очень тороплюсь. Боюсь, что подруга заблудится на вокзале у нее нет сотового и...

— Ты ладно, — Леночка закатила глаза — у кого в наше время нет сотового хотя бы допотопного?

— У меня не было. Не все могут себе позволить.

Они со свекровью переглянулись.

— А что за подружка вы учились вместе? Егор ее знает?

Внутри снова все сжалось, и я постаралась как можно спокойней ответить:

— Нет, не знает мы одноклассницы. Она уехала учиться еще до моего знакомства с Егором.

— Ну успеешь встретиться. Хотя бы чаю выпей. С печеньем. Надо что-то в рот закинуть и не морить голодом нашего малыша.

Она подвинула ко мне чашку, и я быстро ее схватила отхлебнула, обожгла язык так что слезы выступили на глазах. Но мужественно сделала несколько глотков.

— Правда очень вкусно. Что это за чай?

— Фруктовый. Какая-то новая серия. В твоём положении надо обязательно пить самое лучшее и с витаминами.

Я кивнула и почувствовала, как вибрирует телефон в сумочке.

— Я уже побегу. Подружка зво...волнуется.

Черт! Я же сказала что у нее нет сотового. Господи! Да что со мной?

— Хорошо вам повеселиться и привет подружке.

Лена сверкнула белыми зубами и закинула ногу на ногу.

— Ты бы допила чай он успокаивает и бодрит.

— Ты водителя попроси он отвезет тебя.

— Нет, нет. Я сама на такси. Зачем человека дергать?

Они снова переглянулись, а я отхлебнула еще глоток и быстро закивала. Потом попрощалась с ними и выбежала во двор. Такси приехало очень быстро, и я перестала трястись лишь тогда, когда мы отъехали от дома. Но волнение не отпускало тревога внутри нарастала, отдавала болью в затылок и какой-то мутностью перед глазами. У меня началась слабость,

словно давление упало. Только этого мне и не хватало. За билетом я стояла у кассы обливаясь холодным потом. Кружилась голова и стало нечем дышать.

Ничего. Сейчас сяду в поезд и полегчает. Попью воды холодной, отдохну. Это все от стресса. Толик сильно меня разнервировал, а потом они.

Но легче не становилось. Начало мутнеть перед глазами. Я купила в киоске воды и сделала несколько глотков, вроде бы полегчало. Несколько раз дернулся ребенок в животе и потянуло вниз. Когда я села в вагон малышка уже во всю вертелась внутри, словно металась там. Когда я присела она вроде бы успокоилась. Потом снова начала биться внутри, а позже внезапно затихла. А у меня слабость не проходит, наваливается все сильнее и в глазах расплывается. Живот начало тянуть вниз, сильно тянуть, словно распирает изнутри, напрягается все, каменеет. На схватки похоже, а у меня сил нет даже встать. Рядом какой-то парень сидит в наушниках, а напротив женщина с ведром картошки. Мне надо поспать. Немножко отдохнуть. Прикрыть глаза и просто потерпеть до станции отдать деньги Толику и сразу обратно.

Я закрыла глаза и...больше они не открывались. Точнее я пыталась их открыть и не могла, только голоса слышала.

— На помощь. Беременной плохо, она сознание потеряла. Помогите!

— Надо вынести ее на ближайшей станции и скорую вызвать.

— Посмотрите хоть кто она может родным позвонить? Божеее у нее воды отошли. Что делать-то?

— Ой. А с ней сумочка была. Черная такая через плечо. Где ж она?

— Господи! Неужели соплук тот с наушниками украл? Он на прошлой станции сошел. Она спала уже. Бедняжка, надо же такое еще и обокрал урод какой-то.

— Ничего она ухоженная и одета хорошо ее искать будут. Оооо к станции приближаемся.

Я слышу их, а глаза открыть не могу и живот болит невыносимо, но нет сил даже об этом сказать.

Глава 16

Да, тяжело ты мне далась, маленькая моя. Но ведь родилась несмотря не на что, солнышко мамино. Я прикрыла Машу одеялом... и так отчего-то захотелось куклу возле подушки посадить. Ту, что Егор покупал для нее когда-то. Я ее к себе в комнату унесла и в шкаф спрятала. Так же, как и свои воспоминания о нем, как свою боль и любовь. Иногда мне казалось, что если не дотрагиваться до этих воспоминаний, не смотреть на них то окажется, что я излечилась и больше его не люблю. Я такая же, как и все остальные люди — свободная и мое сердце больше не болит...Какое-то время это работало, а потом я снова «трогала» их. Я отковыривала их из самого дна, окровавленные, болючие, как оголенные нервы и рассматривала снова и снова, чтобы потом спрятать и какое-то время агонизировать в новых попытках забыть.

Пока Машу спать укладывала после посещения врача, почему-то думала о том, что было бы если бы все сложилось иначе, если бы с Егором дом достроили и переехали. Как бы мы жили сейчас с ним? Я была бы счастлива? И там, в своих собственных мечтах, я точно знала, что да. Ни с кем и никогда я не была бы так счастлива, как с Егором.

Представила себе, как он носит на руках Машу, как катает ее на велосипеде или на роликах, или как мы вместе отдыхаем на море. Наверное, есть люди, которые могут быть счастливы только с одним человеком, а если не с ним, то и ни с кем. За эти годы, что я жила одна, многие ухаживали за мной и даже замуж звали, но я как представляю руки чужие на своем теле, запах другой, голос и мужика чужого ряжом с Машенькой так ничего и не хочется даже ради денег. Тошнить начинает от мысли одной и желудок сводит от гадливости. Не смогу я так, не сцеплю зубы и не вынесу того, кто неприятен.

Плохая из меня мать и жена, наверное, плохая была. Глупая и наивная. Я умом понимаю, что другой надо было быть, но стать иным человеком не могу и не умею. Меня такой мама воспитала, я с такой правдой росла. В людях надо хорошее искать, а если о плохом думать, то оно к тебе и притянется...на самом деле думай или нет плохое и так найдет твой след и сожрет.

Не зубастая я была. Меня и в школе часто обижали, потому что ответить не умела и не хотела. Не могла я человека обидеть, ударить, боль причинить.

Домой прибежала и ревела, а мама говорила, чтоб сдачи давала. Я потом научилась, когда старше стала, но все равно людям верить привыкла.

Пока вдруг не обнаружила себя на обочине жизни с ребенком на руках, а его с другой женщиной...счастливого. Не со мной. Если б не Маша, бросилась бы с моста в реку или лезвием по венам и к маме.

Первые месяцы после ее смерти даже Машенька не спасала от жуткой депрессии. Мне казалось, что я одна осталась в целом свете и не к кому больше прийти и плакать, никто больше не пожалеет, не посоветует, не успокоит.

Помню, как ездила к Егору, чтобы увидеть издалека. Уже после смерти маминой. Не знаю зачем...сказать хотела, что мама умерла и знаю точно, что не сказала бы. Когда мы встречались с Егором она любила его. Приняла в нашем доме, как родного, насмотреться не могла. И он к ней хорошо относился гулять ее вывозил, подарки дарил, конфеты таскал. С офиса бегал к нам домой блинчики ее с вареньем есть.

«Любит он тебя, я сердцем материнским чувствую, что любит». И ошиблась...не любил он меня. Нам всем так казалось, но все же не любил. Что-то иное было между нами может быть оно и стало бы настоящей любовью, но не сложилось...Так бывает. Взаимность слишком большое счастье, чтоб с каждым случаться. Мне не повезло.

Когда я, едва живая, с ребенком к ней приехала она у меня ничего не спросила и слова не сказала. Потом я ей сама все рассказала, но мама ...она была настолько хорошим человеком, настолько светлым, что даже тогда я от нее слова плохого о Егоре не услышала. Только тихое:

«Ничего, он вернется, вернется, когда ты ждать совсем не будешь и тогда поймет, что натворил, а будет поздно...А мы сами справимся. Вырастим Машеньку. Ты только ненавистью не живи она сжигает и силы все отнимает. Тебе есть теперь кого любить и о ком заботиться. В жизни потери страшнее случаются»...Но справляться пришлось мне самой. Ушла моя мамочка. Маше еще и двух месяцев не было. И теперь только сверху на нас смотреть может и ангелом-хранителем нашим быть. Да, в жизни случаются жуткие потери невозполнимые с нескончаемой болью и тоской.

А после того, как на них в свадебных нарядах издалека смотрела, меня накрыло так, что захотелось умереть. Лечь в постель и никогда не просыпаться больше, никого не видеть. Сил бороться не осталось, меня как плитами железнокаменными придавило и комьями земли сверху присыпало. Легла в кровать в потолок смотрю и Маша рядом сопит. А меня в эту секунду даже она не радует. Все кажется бездной мрака и нет из него

выхода. Надорвалась я и сломалась. Глаза закрыла и маму увидела. Как сидит на своей постели красивая такая, моложе, чем в последние годы перед смертью. Улыбается мне. Радостная, веселая. Не болит у нее ничего.

Я руки протянула к ней и в душе такое предвкушение, что сейчас за ладони меня возьмет, сожмет своими пухлыми и мягкими пальцами, а я разрыдаюсь и мне легче станет. Ведь нет ничего нежнее и надежнее маминых объятий.

— Мамочкааа, я так соскучилась. Я так к тебе хочу. Как же я к тебе хочу ты не представляешь.

И тянусь изо всех сил, а она свои резко убрала и за спину спрятала и громко так кричит мне: «НЕТ! У тебя Машенька...нельзя тебе ко мне! Ты нужна ей!». Я на кровати подскочила вся в слезах и в комнате запах мамы витает, словно она здесь рядом со мной. Словно только что мимо прошла. И хочется воздух растопыренными до дикой боли пальцами хватать и кататься по полу захлёбываясь рыданиями от того что все это только кажется, а ее нет рядом и никогда уже не будет.

И тишину нарушил тихий плач ребенка, заставив вскинуться и к коляске наклониться, дочку на руки схватить, укачивая и к груди прижимая, чувствуя, как дикая боль от тоски отступает и сменяется щемящей любовью и нежностью. На кого я мою девочку оставлю. Никому она кроме меня не нужна.

Да, права мамочка, ради Маши надо жить дальше. Ни один подонок не достоин того, чтоб я так убивалась, чтоб о дочери забыла из-за своего горя.

Вот и сейчас смотрю на нее спящую и понимаю, что бороться надо... что есть у меня сейчас шанс. Таких в жизни практически не бывает. Я обязана вцепиться в него зубами и выгрызть с мясом.

Ведь мама была права — он вернулся.

Из комнаты тихонько вышла, дверь прикрыла и прислушалась к тишине в доме. Все спят. И Регина, видимо, тоже. Она меня раздражала вездесущая, любопытная и всезнающая. Словно одновременно находится в разных местах и все видит, все знает. Прошла по коридору и остановилась напротив двери кабинета...вспышками перед глазами как на стол опрокинул, как жадно в губы впивался и одежду сдирал. И сама не знаю, что внутри меня происходит как ураган какой-то закручивается. И стыдно, и мерзко от самой себя и в то же время понимаю, как истосковалась я по нему, как тянет к нему. Пошла дальше по коридору...Регина как-то проболталась, что Егор долгое время здесь жил. Наверное, после нашего развода. Еще одна комната и даже не задумываясь я повернула ручку и приоткрыла дверь, оглядываясь по сторонам, чтобы никто меня не заметил.

Его комната. Постель застелена, но в воздухе витает запах парфюма. Им пахнет. До боли этот запах доводит. Глаза закрыть хочется и полной грудью втянуть. Когда-то я засыпала только с этим запахом, только положив голову к нему на грудь и чувствуя щекой тепло его тела. Зашла и закрыла за собой дверь.

Почему здесь долго жил? Разве у них с женой не было своего дома? Или они вместе здесь были? Нет, Регина жену не упоминала.

Я обошла широкую постель, застеленную атласным покрывалом и непроизвольно подхватила со спинки кресла его рубашку, поднесла к лицу...Боже, за пять лет ничего не изменилось. Все, как и раньше. Я уже так делала...когда скучала брала его вещь и могла по долгу ее нюхать. Швырнула рубашку обратно и подошла к комоду, глядя на собственное отражение в зеркале в полумраке комнаты, где осмелилась включить только ночник, предварительно задернув плотные шторы. И что я здесь делаю? Зачем пришла? Что я ищу или что пытаюсь воскресить? Мертвое все давно. Нас с ним нет больше. Он давно нас закопал живьем.

Отодвинула ящик и застыла...Словно вопреки моим мыслям на меня смотрела моя собственная фотография. Я прекрасно помнила, когда и где он меня фотографировал. До свадьбы в каком-то поле с цветами. Мы ездили за город...а потом в этом поле жадно занимались любовью под раскаты грома, лежа на его куртке. Всю обратную дорогу я выбирала из своих волос травинки и стеснялась поднять на него глаза. Потому что впервые бесстыже скакала сверху и кричала как сумасшедшая от дикого наслаждения, насаживаясь на его плоть и царапая ему плечи и грудь.

Рядом с фото кольца его и мое...валяются без коробки, часы, которые я ему дарила с гравировкой первых букв наших имен. Протянула руку и взяла часы — конечно же стоят. Положила их обратно. Сердце гулко билось в груди я понять не могла зачем он хранил все это здесь? На самом видном месте и фото потертое как будто его сотни тысяч раз в руках держали.

Поздно опомнилась, когда в коридоре шаги раздались. Бросилась к двери и тут же назад от нее потому что она повернулась и дверь распахнулась. Я вдохнула, а выдохнуть уже не могла. Он на пороге стоит, глаза сумасшедшие, пьяные, волосы мокрые взъерошенные. Кажется, под дождь попал. С пиджака вода на пол стекает. И я вижу, что он выпил. Сквозь запах улицы, сигарет пробивается и запах алкоголя. В гробовой тишине слышно, как вода капает и с каждой каплей мне все сильнее хочется бежать прочь.

Егор на меня смотрит так как будто убить готов или сожрать и мне тут же тесно стало, словно стены начали на меня давить. Тяжело дыша

перевела взгляд на дверь. Если постараться, то можно выскочить в коридор и потом бежать к себе, запереться изнутри...

— Я...я комнаты перепутала. Я уже ухожу.

Не отвечает по лицу дорожки мокрые и губы от дождя блестят. Я вначале медленно пошла навстречу, попыталась обойти и броситься к двери, но он схватил меня за локоть и мною же закрыл дверь, впечатав меня в нее спиной. Навис надо мной, упираясь ладонью возле головы и глядя мне в глаза своими темно-серыми, сейчас почти черными в полумраке. Да, он пьян...но меня не отталкивает этот запах, я вообще не знаю, что со мной сейчас происходит.

Ладонью за скулы схватил, вниз сильно повел и обхватил за горло. Не сдавил нет. Пальцы давят, но не яростно, а голодно, дрожат касаясь кожи.

— Чья Маша дочь, Аня? Чья она...отвечай? Просто, скажи чьяяя...она...дочь?

— Твоя, — едва слышно.

— Нет...не моя, — пальцы гладить продолжают шею, они своей жизнью живут, — я три теста сделал. Три. Все отрицательные. Не моя она дочь...хватит лгать, Аняяя. Хватит. Я правду знать хочу...слышишь? Почему они отрицательные?

Выдыхает мне прямо в губы, голос севший, хриплый и я чувствую, как его всего трясет.

— Не знаю...я не знаю, Егор. Твоя она.

Ударил кулаком в стену возле моей головы, а я зажмурилась.

— Не лги! Зачем, мать твою? Ну зачем ты это со мной делаешь? Почему не сказать правду? А?

— Это правда!

— Ты нарочно, да? Нарочно меня с умаводишь, сука ты такая! Я же жить спокойно не могу! Спать не могу! Есть не могу! Правду знать хочу.

— Нет, ты хочешь услышать от меня ложь!

Резко развернул спиной к себе, лицо к двери прижал.

— Ты и так лжешь. Постоянно лжешь. Дрянь! С ума меня уже свела. Я хочу знать с кем...с кем ты трахалась, Аняяя? Кроме того урода в деревне...с кем еще?

— Ни с кем! Чертов ублюдок, ни с кем! Отпусти меня!

— Черта с два...не отпущу. Мы договаривались.

Юбку задрал вверх на поясницу. И стиснула зубы, когда Егор скользнул в меня пальцем, с огромным усилием воли сдержала стон, готовый сорваться с губ. Как же я люто его в этот момент ненавидела, и себя за то, что внизу живота все скрутилось в тугую спираль, появилась

ненужная, унижительная потребность почувствовать не только его пальцы. Разум орет и воет от его слов, а тело дергается в сладком предвкушении... помнит проклятое каково это с ним. И каково это пять лет без него.

— А сегодня мокрая...почему? Что делала здесь? — шепчет в лицо прижимаясь мокрой щекой к моей щеке. Кофта тут же намочила от его мокрой рубашки или пиджака.

— Отпусти, — выдохнула и попыталась освободиться, но он прижал сильнее, выскользнул изнутри, пальцами отыскивая клитор, нажимая на него все сильнее. И меня уже колотит, знобит и лихорадит, я чувствую, как над губой выступили бусинки пота. Облизать их языком и тут же услышать его низкий стон. Удерживает мои ноги раздвинутыми своим коленом.

— И даже это сейчас ложь. Лживая Нюта...как давно ты стала такой лживой, моя девочка? Или ты была такой с самого начала? Что ж я так зверски хочу тебя, а?

Он ускорил движения пальцев, и я закусила губу уже сильнее, почти до крови, до боли. Уперлась ладонью в дверь пытаюсь оттолкнуться от нее, но он сжал мое запястье.

Вдруг вытащил пальцы в тот момент, когда я с мучительной унижительной болью внизу живота ощутила, как он толкает меня к точке невозврата. Как подушки его пальцев безошибочно точно гладят, дразнят, ласкают и сжимают, не давая кончить, останавливаясь в тот момент, когда я уже готова взорваться и всхлипы срываются с губ, несмотря на то что я их яростно сжала, чтоб не произнести ни звука. Но мне хочется заорать, когда убрал руку, невольно выгнулась и потянулась за ней, чтобы тереться ноющей плотью.

Слышу, как расстегивает ширинку, и волна безумного восторга начала подниматься внутри. Грубо сжал грудь проникая за вырез кофты, под лифчик, тут же сдавливая твердый сосок и я застонала вслух, больше не в силах терпеть и притворяться. Сердце больно колотится о ребра поднимаясь прямо к горлу, а от возбуждения в ушах нарастает гул и рев. Я соскучилась по нему. Я ужасно по нему соскучилась. Боже, я должна вырываться, я должна сопротивляться этому подонку изо всех сил...и не могу...Потому что изголодалась по его горячему телу, вжимающемуся в мое, по его наглым и властным рукам, терзающим мою плоть, по каждому вздоху словно кипятик, опаляющему мои щеку.

— Я изголодался по тебе...изголодался...А ты...давай. Сделай вид, что и ты тоже. Притворяйся, Аня! Я хочу, чтоб ты лгала дальше!

Провёл головкой члена по входу в лоно, между набухшими нижними губами вбил на всю длину одним резким движением. Я чуть не

закричала, почувствовав, как растянул меня изнутри грубым толчком.

— Я уже забыл какая ты сладкая...попробуй...сладкая и горькая, как отрав.

Засунул мне в рот пальцы с моим собственным вкусом, и я понимаю, что он пьян...потерял контроль и почему-то меня сейчас это сводит с ума. Его слова. Они такие ...они настоящие. Они причиняют ему боль. А я чувствую ее и испытываю удовольствие.

Выгнулась в пояснице, чтобы принять его ещё глубже. На мгновения становясь той самой Нютой, собой в прошлом когда хотела его до исступления, до безумия.

Егор оттянул мою голову за волосы назад и впился жадными губами мне в шею, засасывая кожу, прикусывая ее, заставляя дрожать всем телом и сжиматься вокруг его плоти.

Извиваясь, позволяя войти глубже, уже не контролируя и себя тоже. Плевать... я буду ненавидеть его позже. Потом. Не сейчас. Я хочу ожить, хочу почувствовать себя живой, настоящей.

— Не так уж плохо быть моей шлюхой, да, Аня? Тебе ведь нравится, когда я тебя трахаю. Ты оказываешься этого хотела.

И вонзился еще глубже уже до боли сильно так что я широко глаза распахнула распятая, распластанная на этой двери. А он словно почувствовал этот момент и сдавил пальцами клитор сильно перекачивая и делая резкие и глубокие толчки, срывая меня в оргазм с хриплым низким стоном:

— Ненавижу тебя, — накрыл мой рот ладонью вбиваясь в меня еще сильнее, не прекращая двигать пальцами, заставляя мычать и конвульсивно дергаться всем телом сжимая его спазмами наслаждения. Меня словно раскромсало на куски, на мельчайшие частички невозможного удовольствия. Такого острого и ненавистного.

Я сжимала его изнутри и содрогалась в его руках, мыча и мотая головой в попытках сбросить его руку, впиваясь в его ладонь зубами и чувствуя, как он все быстрее и быстрее двигается внутри. Рвано. Мощно. Пока не излился в меня, впиваясь зубами мне в затылок. Отпустил, когда дернулся во мне последний раз.

— Хорошая девочка...отработала каждую потраченную копейку. Умница.

Он отошел от меня...и я слышала скрип кровати под его телом. А когда обернулась он уже спал. Вот так полураздетый, в туфлях, мокрым пиджаке и рубашке.

Ублюдок...как же я тебя ненавижу. Никогда тебя не прощу. Никогда.

Глава 17

Не ушла. Не знаю почему. Стояла и смотрела, как он спит... одновременно хотелось и нож ему в сердце вогнать и послать все к черту лечь рядом, голову у него на груди спрятать и глаза закрыть...под стук его сердца уснуть. Сама не поняла, как на край постели села, всматриваясь в черты его лица. Ужасно захотелось дотронуться до него. Слегка. Провести осторожно ладонью, как раньше. Когда-то я «рисовала ему лицо». Он любил, чтобы я повторяла все контура скул, брови, нос и губы. А потом рисовал лицо мне. Это было смешно и щекотно. Особенно когда трогал мои губы ужасно хотелось укусить его за палец. И я мстила — трогала его ресницы. Он щурился, моргал, чесал глаза. А я хохотала над ним.

«— Не честно, Шумаков. Это черная несправедливость у тебя ресницы длиннее, чем у меня. Их надо подрезать ножницами.

— Завидовать плохо, Нюта. Особенно мужчинам.

— Я не завидую...я восхищаюсь. Ты слишком красивый...ты такой красивый, Егор. Смотрю на тебя и хочется сильно-сильно глаза зажмурить, до мушек перед ними.

— Красивый? — хохочет теперь он, — Мне такого никто не говорил. Надо же. И в каком месте я красивый?

— Везде. Ты красивый везде...я всегда думала, что такие, как ты, другие.

— Какие такие?

— Богатенькие мальчики. Что у вас нет души.

— И чем я отличаюсь от небогатеньких? Когда мы приедем ко мне домой ты увидишь, что отличия нет совершенно у меня такая же семья, как и у тебя. Такие же горести и радости. Просто у нас есть деньги, которые мы честно заработали и это совершенно не делает нас другими людьми.

— Я не поеду с ней знакомиться, Егор. Я не могу.

— Что значит не поедешь? Почему?

Он всегда злился, когда я заводила разговор о том, что мы совершенно не пара и я не поеду знакомиться с его матерью. А мне казалось, что я там ужасно позорюсь и та меня никогда не примет, что я не понравлюсь ей. Впрочем, я не ошиблась. Наша неприязнь возникла с первого взгляда.

— Всем. Ты из другой Вселенной. Такие, как я, даже не мечтают о таком парне. Мы слишком разные. У меня свои интересы, а у тебя свои. У моих друзей нет машин, ноутов и дорогих гаджетов. Я не летаю летом на

Мальдивы и не одеваюсь от мировых брендов. Мой курорт — это деревня у тети. Да я представления не имею даже где в городе тусят такие вот...такие как ты... Тебе не подходит такая девушка.

Хмурится, а автоматически разглаживаю указательным пальцем складку у него между бровей. Отбросил мою руку.

— Это мне решать кто подходит, а кто нет. Не пытайся это сделать за меня.

— Я делаю это за себя. Я не мазохистка. Я не хочу сделать себе больно.

— Я тебя не понимаю. При чем здесь больно? Что за бред?

— Я прекрасно знаю, что все это ненадолго.

— Что именно?

— Ну вот это все: цветы, вечеринки, ты в моей жизни. Все это вот-вот закончится. Я не хочу привязываться к тебе. Я боюсь, что ты меня разобьешь вдребезги и я никогда больше не стану собой. Мне страшно упасть, Егор.

Резко перевернул меня на спину и подмял под себя.

— Привязываться значит?

Кивнула и перевела взгляд на его пухлые и чувственные губы. Как же безумно вкусно их целовать, покусывать, проводить по ним языком, как он меня учил сам не зная об этом. Ведь он мой первый во всем даже в поцелуях...

— А я не привязался, Аня. Я люблю тебя. Ты это понимаешь? Я просто повернут на тебе. Я не хочу, чтоб вот это все заканчивалось.

Улыбнуться ему и снова провести по его ресницам кончиками пальцев. Перехватил мои руки и прижал к своим губам.

— Не закончится вот это все, если ты моей женой станешь.

Мне показалось, что я ослышалась. Даже дышать перестала, горло стянуло как обручем и моргнуть не могу в глаза его стальные смотрю. И по телу дрожь волнами проходит. Словно оно уже счастливо, а мозг отрицает и в счастье верить боится.

— Выходи за меня, Нют?

Несколько раз моргнула, тяжело дыша. Мне слышится. Мне сон снится.

— За тебя?

— За меня. Так чтоб навсегда. Чтоб не сомневалась, что скоро кончится все.

Я хотела закричать «да» и не смогла я даже слова сказать не могла, мне казалось, что я онемела. Улыбка с его губ начала пропадать и в глазах

предвкушение сменилось тревогой. Брови медленно нахмурились.

— Это значит нет? Не любишь меня?

И я отрицательно качаю головой. А он меня иначе понимает сильно руками стиснул все тело.

— Почему нет? Есть кто-то другой?

— Даааа!

Резко на руках приподнялся и глаза тут же потемнели зрачки расширились.

— Ктооо? — взревел и впился в меня пальцами, а я с рыданием выдохнула:

— Нет никого и дааа, дааа, выйду за тебя. Люблю тебя, Егор. Я так люблю тебя. Ты даже не знаешь...не знаешь как сильно.

И сама губами к его губам прижалась, обвивая его шею дрожащими руками»

* * *

Картинки перед глазами померкли, когда взгляд напоролся на обручальное кольцо. И резко отрезвела. Глупая дура. С кем уснуть? С кем рядом лечь? Совсем из ума выжила! С тем, кого дома жена ждет? Он ведь ей со мной изменяет. Как мне изменял с ней. Подлец. Каким был подонком таким и остался. Одного только не пойму зачем я ему? Странна месть... непонятная мне теперь, как и все его действия, как и каждое его слово. Как фото мое в камоде, как наши кольца там...Зачем хранит? Почему каждый раз, когда я думаю, что знаю какой ты, ты каждый раз окунаешь меня головой в ледяную правду, показывая совсем другую твою сторону.

И сегодня он был словно и тот же Егор и другой. Сегодня он был похож на себя прежнего. Отчаянного, сумасшедшего. Таким я его полюбила. А сейчас...это не любовь уже. Это болезнь, от которой нужно искать лекарство или бежать как можно дальше...Я привстала на постели, но он вдруг вцепился в мое запястье и медленно открыл глаза. Я, как загипнотизированная, смотрела на его чертовые ресницы и прошлое окутывало меня дымкой, словно запечатывало в кокон невыносимой тоски и голода по нему.

— Не уходи.

Голос глухой, низкий и у меня от него мурашки вдоль позвоночника. Таким настоящим показалось вот это «не уходи», наполненным грустью. И большим пальцем кожу мою гладит, а мне кажется он в ней кружево из

пепла прожигает, потянул к себе, а я вся внутренне сжалась, сопротивляясь.

— Останься со мной. Притворись, — обхватил другой рукой мой затылок очень осторожно, лаская мою шею и щеку. И от удовольствия хочется глаза закатить... «Не останавливайся...Я так соскучилась по тебе...» И глаза его...они совсем иные сейчас. Нет в них того холодного чужого блеска они словно плавают и меня плавают, вызывая саднящую боль в груди. Переплетаются с моими воспоминаниями, протыкают их новыми нитями безумия по этому человеку. Сердцу совершенно все равно, что я решила его ненавидеть, ему наплевать на то что память подкидывает мне картинки, где он вышвыривает меня из дома, ему вообще на все плевать, кроме собственного глухого быстрого стука и болезненной пульсации крови по венам. Оно хочет мимолетного счастья. Хотя бы капельку, немножко. Только сегодня и только сейчас.

— Притворись как когда-то, Нюта. Побудь со мной до утра.

Сбросила его руку с затылка. Очарование начало рассеиваться, как густая дымка.

— Я никогда не притворялась с тобой. Я любила тебя, Егор.

Снова схватил за затылок и резко наклонил к себе.

— Зачем тогда...зачем тогда с другим ...зачем, Нюта? Что ты наделала?

Вцепилась в его руку, пытаюсь снова сбросить, но он не отпускал, притянул к себе еще ближе, почти причиняя боль.

— Не было никого у меня! Не было...тебя я любила. Одного тебя. Как ты мог ...как мог не верить мне? Как ты мог меня так жестоко терзать, Егор? Как ты мог сжигать меня живьем? — вырывалось хриплым рыданием, слезы задушили меня, меня уже нельзя было остановить. Словно вдруг что-то взорвалось внутри, словно меня как огромную реку вынесло из-за берегов. — Как ты посмел? Лучше бы застрелил, удушил, лучше бы ты...лучше бы убил меня тогда.

— Зачем ты...зачем так лгать? Это жестоко, Аня. Не делай этого. Не заставляй ненавидеть тебя еще сильнее.

— Разве я лгу? Посмотри мне в глаза...посмотри в них. Разве в них есть ложь? Когда-то ты знал по моим глазам говорю ли я правду. Мои глаза точно такие же.

— Не знаю...не знаю я! Оказывается...я мог ошибаться.

А он и сейчас в глаза смотрит, и рука дрожит, его сталь окончательно расплавилась и у меня в глазах рябит, словно я смотрю на него сквозь стекло. И я не знаю в чьих зрачках и радужках это стекло — у него или у меня.

- Да! Я лгу! Пусть я лгу! Тебе ведь удобней было считать лгуньей именно меня.

— Я видел...Видел тебя, Аня! Глазами своими вот этими видел!

— Что ты видел? Что ты мог видеть? Я с тобой была всегда. Шагу из дома твоего проклятого не сделала, все ждала, когда ты...когда ты исполнишь обещание и увезешь меня оттуда. Готова была вытерпеть ради тебя что угодно...Она ведь со свету меня сживала...мама твоя. А ты. ты замечать не хотел.

— Я видел, Аня...тебя с другим видел. Он живот твой гладил...Ты ездила к нему. Ты деньги ему возила. Я эти фото наизусть выучил. Я все знаю. ...И я хотел убить тебя! Я мечтал, мать твою об этом. Ты словно мой палец сама на курок поставила и отравила мне душу! Это ты меня живьем сожгла!

Я попыталась отпрянуть, но он держал слишком крепко, впившись взглядом в мои глаза. А я... я поняла, что он видел...О Боже! Я все поняла вдруг и у меня все тело задрожало от напряжения, словно по нервам лезвием провели.

— С кем видел? ...В деревне, да? Это Толик...Это мой брат, Егор. Толик мой брат. Я нашла его...сына своего отца. Помнишь я рассказывала, что не знаю кем был мой отец. Я нашла. Случайно нашла. У него...у него проблемы с наркотиками, и я боялась. Боялась рассказать. Боялась быть недостойной тебя с такой родней меня и так все ненавидели.

Впиалась в его запястье, сжимая со всех сил.

— Боялась, что ты...что разочаруешься во мне. Что я окажусь такой, как говорила твоя мать. Он мой брат, Егор... а больше никогда никого не было.

Отстранился от меня, тяжело дышит и зрачки невероятно расширены. Подался вверх, прижался лбом к моему лбу. А я не пойму у меня в ушах стучит мое сердце в безудержном ритме или это его сердце?... И стены кажется на нас обоих падают как замедленной съемке.

— Почему? — выдохнул мне в лицо, — Почему ты не сказала? Почему, Ньютааа? Почему ни разу не говорила? Зачем скрyla...

Слезы застилают мне глаза, почувствовала его губы на своих и вздрогнула всем телом, замерла, всхлипывая ему в рот, ощущая, как сжимает мое лицо пальцами. А он вдруг отстранился...

— А ДНК? С ним как?...Почему не я? Боже, Аня, я сейчас с ума сойду...я же убью тебя если ты опять лжешь!

Тряхнул изо всех сил и рывком к себе прижал.

— Не знаю...сделай еще одно. Лживое оно. Не настоящее. Подделали.

— Все три? — а сам слезы мои вытирает и прижимается лицом к моим волосам.

— Хоть десять, Егор. Хоть тысячи. Я знаю. Я тебе говорю — твоя Маша. Твояаяая! Слышишь, подонок ты проклятый? Твоя онаааа!

И о со стоном накрыл мои губы своими, и я не поняла сама, как с отчаянным стоном поцеловала его в ответ, выдыхая рыдание ему в рот. В волосы вцепилась,

прижимая к себе, чувствуя вкус своих слез. Оттолкнула, а он снова к себе прижал.

И я с отчаянной пульсацией в груди чувствую, насколько жива сейчас. Именно в эту секунду. Хочется вырваться, сопротивляться, ударить его и в то же время никогда не разжимать рук. Смотрю на его лицо сквозь слезы и мне хочется орать так чтоб горло болело. Пусть этот день сгорит в моей слабости, пусть он потом разъест меня серной кислотой стыда и разочарования, но я не могу больше сопротивляться. Я ... я так ужасно скучала по нему по моему мужчине...по единственному и до безумия любимому. Сегодня гордость пусть корчится в агонии и умирает где-то там в углу отброшенная моими дрожащими пальцами подальше.

А он меня опрокинул навзничь поперек постели, словно не было между нами ничего несколько минут назад. Словно он снова от голода весь трясется. ...Вцепилась ему в плечи, пытаюсь оттолкнуть... и Егор отпрянул, всматриваясь мне в лицо.

— Такое не прощают... — едва слышно сказала и снова почувствовала как слезы из глаз потекли.

— Не прости меня, когда я смогу тебе верить...не прощай меня завтра, Аня, и послезавтра. Я и сам не прощу.

И снова губами к моим прижался.

— Я так соскучился по тебе, девочка моя маленькая...соскучился до безумия.

Стягивает с меня остатки одежды, прижимая всем телом к постели. И мне кажется, что он прав...я не прощу его потом. Позже. Всегда был таким...ненасытным, сумасшедшим любовником. Таким что тело после него ломило и саднило от сладкой боли.

Я забыла каким он был со мной раньше. Успела забыть за эти годы, а он нагло мне напоминал. После утоления первой дикой потребности теперь жадно ласкал мое тело. И я вспоминала каждое наглое прикосновение. Нежное или намеренно властно-грубое. Жадный до безобразия, шепчущий пошлые слова на ухо. Настолько нежно-пошлые, что у меня только от звука его голоса дрожит все тело.

Его губы, язык и пальцы. Они везде, проникая, заставляя извиваться, стонать, выгибаться, широко распахнув ноги, впиваясь в его плечи, пока он вылизывает мою кожу, покрытую бисером мурашек, склоняется там внизу, обхватывает влажную плоть жадным ртом, посасывая чувствительный бугорок, доводя до исступления до хриплых громких стонов, а потом медленно входит в мое тело. Всматриваясь мне в глаза и снова впиваясь мне в губы, так же медленно толкаясь им у меня во рту и сплетая с моим языком.

Пока не закрыла глаза, лежа на нем сверху, дрожащая с кожей покрытой каплями пота и влажными волосами, прилипшими к спине, напивавшись, испачкавшись его телом и его запахом. А он гладит подушечками пальцев мою голую спину, повторяя косточки позвоночника и лопатки. И мне не хочется думать о своей ненависти...сейчас не хочется. Пусть я подумаю об этом завтра. Позже. Я обязательно соберусь и не подпущу его больше к себе.

Но все разрушилось само собой. Зазвонил его сотовый. Он долго игнорировал звонок, перебирая мои волосы, словно мы оба в тот момент понимали, что перемирие сейчас закончится и снова начнется война. Ведь никто и ничего пока не готов никому простить...Только я ни в чем не виновата и ему мне нечего прощать.

Сотовый не смолкал. И Егор, приподнявшись вместе со мной, потянулся к нему, он валялся на полу неподалеку от его штанов. Подхватил сотовый.

— Да, Лена. Я же сказал, что я буду очень занят.

Попытался удержать, когда я вскочила с постели. Мне словно отвесили оплеуху.

Вот он настоящий и сильный удар в солнечное сплетение. От него перед глазами стало темно. Напоминание кто я на самом деле — шлюха, которая сдалась едва к ней прикоснулись и раздвинула перед ним ноги. Озабоченная самка неспособная гордо сдержать свою унижительную страсть...слабая идиотка. Уже давно потерявшая на него все права.

— Не понял...Что?

Голос Егора показался мне странным, он словно сорвался за одно мгновение. Я медленно повернулась к нему и увидела, как смертельно побледнело его лицо, как застыл взгляд.

— Повтори... я не слышу тебя. Это не правда...Ей лучше стало. Лучше.

И продолжает смотреть в никуда.

— Ты ошибаешься...Ошибаешься. Они...они ошиблись номером.

Уронил сотовый и я услышала доносящийся издалека голос Лены.

— Мама умерла, Егор. Твоя мама умерла. Из больницы только что звонили. Что мне делать? Надо туда ехать, слышишь? Ты где? Ты протрезвел? Я могу приехать к тебе...Слышишь, милый? Я могу приехать. Держись...я с тобой.

Да....она с ним. Она имеет на это полное право. Я сделала несколько шагов назад.

— Аня, — поднял на меня дикий, обезумевший от горя взгляд, — мама умерла...

А я выбежала из его комнаты, и сама не поняла, как очутилась в своей и закрыла ее на ключ. Задыхаясь, захлебываясь каждым вздохом. Где он был...где был когда моя мама умерла? Когда я подыхала от боли и отчаяния, где он был...мне даже сказать было не кому, что моя мама... некому!

«Ты где? Ты протрезвел? Я могу приехать к тебе...Слышишь, милый? Я могу приехать. Держись...я с тобой».

Да. Она поддержит...она даже знает, что он был нетрезв. Они до меня были вместе... и она найдет слова, чтобы поддержать его. К шлюхам за утешением не ходят. Да и я утешать не умею. Не для того я здесь. Он тело мое хотел... а душу я не отдам.

Глава 18

В клинику я утром сама поехала. Егора уже не было дома. Я сказала Регине о предстоящих анализах, и она кому-то позвонила, а потом за мной прислали машину с водителем. Какого-то нового типа. Я раньше его не видела. Пока я одевала Машу она все время меня отвлекала и что-то говорила. То ей завтрак не понравился и Регину она не любит, потому что та похожа на ворону, а еще ей надоело находиться в этом доме, и она хочет поехать к нам домой.

— Регина заботится о тебе. Она неплохая.

— Плохая. Она дает мне на завтрак овсяную кашу и заставляет всю ее съесть и только потом разрешает мне взять десерт.

— Овсяная каша очень полезная. Я бы на ее месте делала точно так же.

— А ты не на ее месте. Ты теперь меня ей отдаешь!

— Неправда. Регина просто выполняет свою работу.

— Когда мы отсюда уедем?

— Не знаю. Пока что нам нужно находиться здесь.

— А я не хочу находиться с ним в одном доме. И ты солгала. Он мне не отец. Он даже не знает, что я его дочь.

Я демонстративно посмотрела на часы.

— Мы опаздываем.

— Я никуда не пойду. Ты стала злая. Ты не похожа на себя. Ты как чужая.

Медленно выдохнула и обняла ее ладонями за маленькое личико.

— Маша, я не злая, я просто очень хочу, чтоб у нас все получилось.

— Что получилось?

— Егор обещал помочь тебе. Обещал попробовать тебя вылечить, чтоб ты могла слышать. Понимаешь? Ты ведь хочешь что-то услышать, как другие дети?

Она вдруг замолчала и быстро захлопала длинными ресницами.

— Правда?

— Да, правда. Именно поэтому мы здесь, а сейчас мы едем в клинику к той тете, которая недавно с тобой беседовала.

— Хорошая тетя. Она мне понравилась.

— Ну вот и отлично. Давай я быстро заплету тебе волосы, и мы поедем.

— А почему ты ночью не была у себя в комнате?

— Я читала книгу в библиотеке.

— Здесь нет библиотеки.

В этот момент вошла Регина и я готова была расцеловать ее в обе щеки за то, что так вовремя избавила меня от этого разговора. А еще ужасно нервничала. Мне было очень страшно, что вот эта вот надежда, что вот это предвкушение чего-то чудесного, какого-то волшебства для Маши вдруг окажется лишь ложными иллюзиями. Ведь жить без этой самой надежды было намного легче, а сейчас...сейчас вдруг перед глазами появлялись картинки, где Маша меня слышит и даже говорит. Мне снилось это по ночам, и я со слезами счастья на глазах просыпалась и... чувствовала, как надежда напитывает мое тело дикой энергией и желанием вытерпеть что угодно, лишь бы у Маши появился шанс на нормальное детство и счастливую жизнь.

Но в то же время пугало что вдруг все это напрасно и обследование все же найдет такую патологию, против которой врачи бессильны.

Когда мы приехали в клинику после двухчасовой дороги в машине, нас уже ждала Антонина. Доктор Нина. Так она просила себя называть.

— Идемте. Я отведу вас в палату. Там вы подождете анализов и отдохнете с дороги.

Повернулась к Маше и потрепала ее по щеке.

— Привет, малышка. Боишься?

— Нет.

— Конечно нет. Ведь ты у нас очень смелая мамина защитница.

Мы поднялись на лифте со стеклянными стенами на десятый этаж и нас провели в просторную светлую детскую комнату. Совершенно не похожую на палату в больнице, скорее напоминающую номер в хорошей гостинице.

— С Машей пока проведут разные психологические тесты две мои ассистентки. Попытаются в игре понять степень ее социализации и возможности общения сразу с несколькими собеседниками, мы посмотрим нет ли у нее с этим определенных проблем, которые обычно возникают у таких особенных деток, как она. И если они есть, то будем работать в этом направлении тоже. Егор Александрович хотел, чтоб с девочкой каждый день занимался квалифицированный специалист и я хочу определить с чем именно нам нужно будет работать. Потом у нее возьмут анализ крови. Так же его возьмут и у вас.

Пока она говорила Маша с приоткрытым ртом осматривала красивых новых кукол, сложенный в коробку конструктор, целые ящики мячиков и

самых разных игрушек. Моя маленькая девочка никогда не видела столько всего и чтоб ей позволили все это трогать и брать в руки. Ничего...когда-нибудь у тебя все это будет...или не у тебя, а у твоих деток. Я постараюсь, чтоб было.

— Пока они будут заниматься я хотела бы с вами кое-что обсудить. Наедине.

Я тут же обернулась к Нине и попыталась улыбнуться.

— О чем?

— Об отце Маши.

Улыбка тут же пропала с моего лица и Нина внимательно посмотрела мне в глаза.

— Здесь нас с вами никто не подслушает, а о нашем разговоре никто не узнает. Идемте. Если что-то будет не так вас позовут.

Она увлекла меня за дверь и провела по светлому, широкому коридору в свой кабинет. Открыла его ключом, грациозно толкнула дверь. Мне почему-то за это время стало очень жарко. Пока мы шли какие-то пять минут у меня вспотели ладони. Нина включила кондиционер и прикрыла за нами дверь.

— Присаживайтесь. Здесь нас никто не потревожит.

Я насторожено села в кресло и невольно все же осмотрелась по сторонам.

— Когда мы были у вас дома и я беседовала с Машей...она сказала, что знает кто ее отец и что она его видела. А вы мне сказали, что вы не контактируете.

Я тут же встала с кресла.

— Нет, нет, я здесь не для того чтобы уличить вас во лжи. Ни в коем случае. Нет! Я просто хочу вам помочь. Помочь вашей девочке и для этого мне мало только вашего анализа. Мне нужен и анализ ее отца. Я так поняла, что там вас что-то пугало об этом говорить. Я ведь психолог. Я все замечаю.

Я снова села в кресло.

— Понимаете... у нас очень сложная ситуация и даже если я вам скажу кто отец Маши он все равно ни за что не сдаст анализ.

— Почему? Вы уже просили его об этом? Вы можете мне доверять. Я ваш друг. Я искренне заинтересована вам помочь.

— Я понимаю, но к сожалению, это все что я могу вам сказать. Он не сдаст анализы. Он не считает, что Маша его дочь. И говорить об этом бесполезно.

— Это Егор Александрович?

Я вскинула голову и впилась в молодое лицо доктора удивленным взглядом.

— Это моя профессия все замечать и сопоставлять реакцию и эмоции людей. Так это он?

Я кивнула и стиснула пальцы. Черт, если она скажет Егору что я проболталась как тот отреагирует? Что если он разозлится и откажется помогать ей?

— Теперь я понимаю почему вы не хотели говорить...Конечно это будет весьма сложно, но я придумаю под каким предлогом все же заставить его сдать кровь. Оставьте это мне. Я рада, что вы все же были со мной откровенны. Вы можете пока подождать в холле или попить кофе внизу у нас в кафетерии. Когда тесты с Машей будут окончены, я вас позову для сдачи анализа.

— Я вам очень благодарна за помощь. Вы...очень добрая и. Спасибо вам.

— Это моя работа. Идемте я покажу вам как спустится обратно вниз. Это на другом лифте.

Она провела меня к кабинке и ушла, а я все еще чувствовала, как дрожат мои ноги и перехватывает дыхание. Вот и все. Сказала. Может быть именно эти проверки заставят его поверить, что Маша его. Я подошла к маленькому помещению с надписью «кафетерий» и остановилась у стойки рассматривая булочки и пирожные. В сумочке были деньги...те самые, что мне оставлял Егор. Я еще ни разу их не потратила. В животе тихо заурчало, и я вспомнила, что с утра ничего не ела.

— Какой кофе вам сделать?

— Можно, пожалуйста, капучино и вот эту булочку с яблоками?

— Конечно.

— Булочку вам нагреть?

Я кивнула и посмотрела за какой бы столик сесть.

— Присаживайтесь я вам принесу.

— А мне дайте эспрессо да поживее.

Я резко обернулась и увидела Лену. Она не смотрела на девушку она смотрела на меня. Очень пристально и нагло, а ее ярко-вишневые губы растянулись в ухмылке.

— Что? Не ожидала меня здесь увидеть? Я знаю о каждом твоём шаге...муж мне все рассказывает.

Я не видела его несколько дней. Точнее два дня. Даже не знаю спокойно мне было или наоборот. Скорее странно. И я догадывалась почему его нет. На меня накатывали волны сочувствия. Ненависть и злость

отходили куда-то на второй план. Терялись на фоне понимания его боли и трагедии, когда уже ничего не имеет значения и взято эмоциональное перемирие. Невозможно продолжать ненавидеть человека, когда жизнь его разломала на атомы адской и невыносимой боли и я знала какая она эта боль... и что нет ей конца и края. Теперь она будет в нем жить постоянно. Как и живет во мне.

Конечно, ему есть с кем об этом поговорить и у кого искать утешения. Именно поэтому он не приезжает сюда...Ему сейчас не до нас с Машей. От мыслей о Лене стало тошно и противно внутри. Вспомнила ее вульгарное поведение, ее лицо вызывающее стойкую неприязнь и вздрогнула. Стало интересно от чего эта дрянь не рядом с Егором была и не в трауре, а каталась по городу в своем белом костюмчике и меня искала...Отчего-то мне не верилось, что мой бывший муж рассказывал ей о лечении Маши и о том в какой клинике оно проходит. Я все же немного знала Егора и на него

То не похоже. Тогда кто? Либо кто-то из охраны, либо кто-то из obsługi. Регина больше всего подходила на роль информатора Лены. Я бы не удивилась если бы это оказалась она. Мы с ней так и продолжали держать дистанцию. Больше чем по необходимости не общались. Маше она тоже не нравилась. Но стоит ей отдать должное ее отношение к ребенку было безупречным. Даже больше иногда мне казалось, что она искреннее привязалась к моей дочери. Это было странно, и я даже не хотела в это верить. Но иногда видела, как та заходит в комнату Маши и укрывает ее одеялом или неизменно заботится о том, чтоб не забыли приготовить ее любимые блюда. А еще она запомнила, что у нее аллергия на арахисовое масло и лично проверяла чтоб этого компонента не оказалось в еде. Странная женщина. Молчаливая, замкнутая и при этом обо всем осведомлённая и вездесущая.

Пока Егора не было, я часто думала о нем...понять не могла зачем ему нужны мы. И не находила ответ на этот вопрос. И слов, что говорил мне в ту ночь...они снова и снова всплывали в памяти. Нельзя так притворяться. Да и пьян он был чтоб контролировать себя настолько. Пусть Егор и был манипулятором...но не в таком состоянии и мне почему-то казалось, что ночью он был со мной настоящим. Конечно я понимала, что где-то внутри я начала искать ему оправдания, что проклятое сердце пытается найти для себя хотя бы одну лазейку чтобы иметь право любить его без адских мук и всплесков ненависти к себе за эту любовь и находит, черт его подери, он очень умело находит тысячи лазеек, чтобы снова начать сходить с ума по этому ублюдку, обрекшему меня и свою дочь на жалкое существование. Я не имею никакого морального права его прощать. Из-за Маши. Не из-за

себя. Как бы не хотелось и как бы сильно его не любила я не прощу ему ее детство, которое могло быть намного лучше...И, да, он в этом виноват.

Эти дни Нина выслала нам разные программы для занятий с ребенком. Она выявила у Маши множество психологических проблем, но вместе с этим уверила меня, что это обратимо и при правильном подходе все ее проблемы обязательно исчезнут. Оставалось лишь дожидаться результатов генетических анализов...я с ужасом думала о разговоре Нины с Егором о том, что я назвала его отцом Маши...А что я должна была сделать? Продолжать отрицать? Это единственный шанс моего ребенка к лучшему будущему и мне плевать верит ли он в свое отцовство...самое последнее что я хотела — это заставить его принять Машу насильно. Любовь к ребенку рождается на уровне подсознания и не имеет ни малейшего отношения к тестам днк. Пока тест отрицательный — не люблю, а стал вдруг положительным резко проснулись отцовские чувства. Так не бывает. Они либо есть изначально, либо напрочь отсутствуют. И я больше всего не хотела, чтоб Маша страдала из-за его нелюбви как я в свое время страдала от понимания, что отцу совершенно не нужна и что он не сделал ни одной попытки найти меня...Сейчас, став матерью, я совершенно не понимала, как можно сознательно отказаться от своего ребенка.

В тот день мы говорили с Ниной, и она сказала совершенно непонятную для меня вещь... я даже не смогла ее до конца принять — в некоторых людях отсутствует любовь к своему потомству не возникает она ни при близком контакте, ни при его отсутствии. Их чувства атрофированы и совершенно не просыпаются. А мужчины и вовсе устроены совершенно иначе.

И как бы странно это не звучало иногда готовы любить чужих детей намного сильнее собственных лишь потому что ассоциируют их с любимой женщиной...Но тема отцовства болезненна...Нина много чего говорила о Егоре, а точнее не так о нем, как о ситуации в целом. Я не могу сказать, что мне это помогло его понять...нет, к сожалению, не помогло. Я даже не представляла, как он мог допустить мысль что Маша не его дочь как вообще посмел делать эти мерзкие анализы. Откуда в наших безумных чувствах где каждый был продолжением другого могла появиться вот эта грязь недоверия...а потом вспоминала как он кричал мне о моем брате. О том, что видел нас вместе. Сейчас я могла анализировать и думать об этом снова и снова...кто-то следил за мной и сделал наши снимки...мои с Толиком. И на это был способен лишь один человек — Лена.

Она кого-то наняла, чтоб убрать меня с дороги... и даже это не было ему оправданием. Он поверил. Кому-то. Не мне. Он смог равнодушно

выставить нас на улицу, и я никогда не забуду той отчаянной боли, когда я с младенцем на руках смотрела на закрытые ворота и окна его дома и не знала, что мне теперь делать.

Такое не прощают...да, я все еще люблю его, я все еще хочу его как мужчину, но я не хочу его обратно в свою жизнь. Я никогда не забуду какую боль он мне причинил.

А сама каким-то образом пока думала пришла опять к комнате Егора... не знаю зачем. Наверное, затем чтобы опять посмотреть на тот самый ящик со своим кольцом и фото. Какое-то маниакальное желание думать о том зачем ему все это здесь именно в его логове. Неужели он достает мое фото и смотрит на него?

Открыла ящик и вздрогнула — теперь там лежала еще прозрачная пластиковая папка и сквозь пластик просвечивали какие-то документы. Я взяла ее чуть дрогнувшей рукой и достала оттуда ...те самые проклятые тесты. Словно гадюку ядовитую в руки взяла.

Долго смотрела на заключение, перечитывала медицинские термины, пока не опустила взгляд на число и подпись и это была не подпись Егора. Первый тест на ДНК сделала его мать... и сделала еще тогда, когда я была в роддоме.

А ведь она даже туда не приезжала. Егор сказал, что она приболела и боится заразить меня и ребенка. Два других теста уже делал Егор.

Впрочем, какая разница кто их делал. Все это ложь. Все это суший бред. Маша его дочь и я это знаю так же как, я знаю, что я — это я.

Вспомнила как мучилась, рожая ее, как вырубилась от дикой боли...и как потом проснулась в холодной палате с запахом хлорки и затхлости. Наркоз отходил очень тяжело и меня постоянно рвало с постели встать не могла — мне сделали кесарево. Машу мне принесли лишь на следующий день. Показали и унесли обратно...сказали, что мне восстанавливаться надо, что я слишком ослабла и истощена. Потом врач долго выпрашивала меня что я ела накануне они нашли в моем организме сильную интоксикацию, но так и не смогли определить от чего она. И я не смогла. Я ничего такого не ела и у меня никогда не было пищевой аллергии.

А потом все забылось, когда я взяла на руки свое сокровище и...это была любовь с первого взгляда. Не знаю у кого и когда что-то просыпается мне кажется у меня оно просто жило внутри и едва увидела мою малышку сошла с ума от самой бешеной и невероятной любви в жизни женщины — любви к своему ребенку. Моя врач, которая принимала у меня роды, оказалась невероятно чуткой женщиной она постоянно меня навещала, рассказывала, как кормить Машу. А потом сама же удивлялась как быстро

та набирает вес. К тому моменту в палате я лежала одна...а до этого, когда только пришла в себя рядом со мной не своим голосом орала какая-то совсем молоденькая девчонка. Она требовала что-то ей уколоть, рычала и вопила. А на следующий день куда-то исчезла. Санитарка рассказала, что девчонка совсем юная и судя по всему наркоманка... а у таких нормальные не рождаются. Потом ее в другое отделение. Почему я так и не узнала.

Да и мне было все равно. У меня появился невероятный смысл жизни, я на свое счастье насмотреться не могла. Уже на следующий день ко мне приехал Егор и мы вместе назвали малышку Машей.

Одно только вдруг насторожило...Егор нашел меня не сразу. Ему позвонили, когда я пришла в себя и он приехал только на следующий день...Подумалось вдруг, что о моем местонахождении знали и раньше. Хотя, свекровь вполне могла узнать и уже после этого прислать кого-то взять проклятый анализ, а потом его подделать.

Я положила бумаги обратно в стол и вернулась к себе в комнату. Долго уснуть не могла пока не погрузилась в какой-то тяжелый сон...и впервые увидела во сне свекровь...Она мне что-то показывала, и я не могла понять, что именно, пока не увидела в ее руках сотовый телефон. Проснувшись от какого-то странного ощущения...Заглянула в комнату Маши, но ее там не оказалось. Тут же проснулась и начала осматриваться по сторонам пока не увидела тусклую полоску света с кабинета.

Господи! Неужели она опять роется там в вещах Егора или что-то берет. Что ж это за наказание. Вредность мелкая. Я тихо подошла к двери кабинета и слегка толкнула ее...и замерла. Мне словно дали пинка под дых.

На стуле сидел Егор перед ним фото его матери и свеча зажженная. А напротив него Маша стоит и гладит его по голове...Именно гладит. Волосы его маленькими пальчиками ерошит. А потом медведя своего ему протянула.

Он голову приподнял и посмотрел на нее затуманенным взглядом. Взял игрушку и, тяжело вздохнув, посадил на стол рядом с портретом моей свекрови...а Маша...Маша подтащила стул и уселась рядом с ним, подперла кулачками лицо. Так они и сидели молча и пламя свечи освещало их лица. Странная идилия. Казавшаяся мне совершенно невозможной. Я отпрянула от двери и облокотилась спиной о стену. Не знаю, что я чувствовала в этот момент...но войти и помешать не хотелось.

Как же забавно он не нашел утешения во мне, не нашел его у себя дома, а маленькая глухонемая девочка остро почувствовала его боль и пришла к нему разделить ее. Она такая...она умеет утешать. Подставлять худенькое и хрупкое плечо без лишних слов просто в глаза смотреть и

одного взгляда хватает чтоб понять — это не фальшивое сочувствие.
Другое дело, что он не заслужил ...не заслужил ее поддержки.

Глава 19

Я не знаю, что я чувствовал в тот момент, когда приехал в больницу. Я ощущал, что я это кто-то другой и я вижу этого кого-то со стороны. Он ставит машину на больничной парковке, он быстро взбегают по ступеням, он что-то выслушивает от врачей и даже не отвечает им. А я смотрю на него со стороны и понять не могу откуда у него есть силы двигаться, разговаривать и спрашивать о чем-то. Он же поломан на части и у него все внутри кровоточит. Мне это видно. А никто не замечает этого, хотя и говорят о сочувствии и соболезнуют. Тот другой Егор, у которого есть какие-то странные силы что-то делать, двигаться, разговаривать. Он спускается на лифте в морг.

А я... я ору ему, что это ошибка и моей матери там быть не может. Там холодно и там нет живых...Она в палате. Почему они не отвели меня в палату? Что я делаю здесь в этом жутком месте, от которого кровь стынет в жилах. Мне что-то говорит патологоанатом, отдает бумаги, ведет на опознание. И та холодная женщина очень мало напоминает мою маму, я узнаю ее скорее по волосам, по родинке на руке. Киваю и снова киваю и бумаги в руках дрожат так, что вот-вот выпадут. Я не верю, что ее больше нет. Ведь была надежда, и ей стало лучше врачи давали неплохие прогнозы...

— Егор Александрович, так иногда бывает пациенту становится лучше перед тем, как он умирает. Это называется ложным улучшением. Мне очень жаль. У вас есть ко мне вопросы? Любые? Я с радостью вам на них отвечу. Могу позвать дежурную медсестру она так же все расскажет.

— Ей было больно?

Почему-то меня ужасно сводило с ума, что она могла испытывать боль, а меня не было рядом.

— Скорей всего нет. Мы вливали ей обезболивающее на всякий случай. На внешние раздражители она не реагировала. И ушла очень тихо, во сне. Поэтому я думаю, что она совсем ничего не чувствовала в этот момент.

— Хорошо. Спасибо.

Я собрался выйти, мне срочно нужно было покинуть это место, выскочить оттуда на воздух, я задыхался и не понимал, как дергаю свой галстук ледяными пальцами. Не могу здесь находиться. Жуткий запах словно смерть в самом воздухе летает и ощущение безысходности. Вот

здесь уже ничего исправить нельзя.

— Эльвира Владимировна отдаст вам вещи вашей мамы.

— Да. Хорошо.

Я его плохо слышал, смутно, как в тумане и сквозь бетонные стены. Поднялся наверх, забрал пластиковый пакет с каким-то ужасающим ощущением, что вот и все что от нее осталось. Был человек, жил, дышал. Поступил в больницу со своими личными вещами... и уже не вышел с нее. Только пластиковый пакет. Я вышел на улицу. Нет слез не было. Точнее они были где-то глубоко внутри. Они лились сплошным потоком, топили меня, корёжили мне душу. Мне казалось, что я так ничего и не сказал ей... что даже в нашу последнюю встречу я говорил, о чем угодно только не о любви к ней. Я ее упрекал. Я ее винил. Больше мне было нечего ей сказать. А теперь уже слишком поздно.

И ужасно острое болезненное понимание, что я безумно сильно любил свою мать. Несмотря ни на что. Несмотря на ее тяжелый характер я обожал ее. Только расставание с Аней ей так и не простил. Понимал, что права она, а простить так и не смог.

Подошел к машине, достал сигарету, сунул ее в рот, прикурил, и сильно затянулся. Так сильно, что легкие расперло от дыма. Закашлялся. Дрожащими пальцами открыл пакет, который отдала мне медсестра и горько усмехнулся — мама как всегда в своем репертуаре даже в больницу взяла косметичку. Она всегда любила быть ухоженной и красивой. Отец смотрел на нее с блеском в глазах до самой смерти. И я ни разу не слышал, чтоб у него были интрижки на стороне. Мама была особенной женщиной с железным характером, но он ее очень любил. Я положил на ладонь ее сережки и кольцо обручальное. Стиснул сильно так что золото впилося в кожу. Вот и все...остаются только вещи. Трогать и вспоминать. Вспоминать их на ней. Косметичку к лицу подносить чтоб запах почувствовать. А потом и его не станет.

Внимание привлек ее сотовый. Достал его с пакета и сунул в карман штанов. Положил сережки и кольцо в портмоне, а косметичку аккуратно спрятал в бардачок.

Домой ехать не хотелось...Да и зачем? Видеть лицо, опостылевшей до волчьего воя, Лены? Или смотреть на дом, в котором больше нет родных лиц? Это здание мне больше и домом не кажется. Просто строение душа которого заключалась в населявших его людях. А их там больше не осталось. Мне до дикой боли захотелось к Ане. Улечься где-то там у ее ног и валяться там побитой, раненой псиной только чтоб сейчас не прогоняла, просто рядом побыла. Мне рядом с ней легче станет. Я точно знал. И в то

же время был уверен, что прогонит она меня...не до моих проблем ей ни сейчас, ни вообще. Это я сдыхал без нее все эти годы, а она...она как всегда гордая и независимая. Она и без меня жить научилась. Да и на хер я ей не нужен с болью своей.

За руль сел, а в голове пульсирует, что она мне про брата сказала... Какого черта? Почему я ничего об этом не знал. Мои ведь должны были нарыть. Или плохо рыли или концы в воду хорошо спрятал кто-то. Вспомнил тот день, когда мне фото этого придурка с деревни привезли. Фото где он весь поломанный в траве лежит от боли корчится. Мне тогда этого достаточно было. Если б сам поехал убил бы его. Только пачкаться о такое убожество не хотелось. Ничего я еще с Артема спрошу какого хрена никто не выяснил кто такой этот придурок прежде чем кости ему ломать. Если б тогда узнал, как поступил бы я? Выгнал бы ее...или все же выслушать смог бы. И если это не тот с деревни, то кто тогда? С кем она мне изменила? Чья дочь Маша?! Почему Аня утверждает, что она моя даже сейчас...почему черт возьми. Она ведь понимает, что я могу сделать и четвертый тест и что тогда?

Я не знаю сколько времени наматывал по городу круги. Уже давно стемнело, и я понятия не имел на какой улице нахожусь. Свернул к какому-то магазину с вывеской «круглосуточно» купил бутылку коньяка и сел в машину на переднее сидение. Разрывался мой сотовый. Я на хер выключил его и зашвырнул куда-то в машину. Просидел там несколько часов, глотая коньяк из горлышка, потом сам не понял, как за руль сел и к ней поехал. Руки сами руль крутили. Не важно, что ей плевать. Я просто где-то рядом посижу. Нет у меня сил сейчас ее ненавидеть. Нет сил воевать с ней. Устал я оказывается смертельно. Осточертело все.

Вот сижу за рулем еду куда-то никому на хер не нужный, все это состояние с миллионами, бизнес отца, тачки, акции, сделки. Кому оно все надо? Мне одному? Сказать себе в зеркало «Да, Шумаков, ты крутой чел ты многого добился? Только для чего? В могилу за собой все это унесешь?».

Любые достижения в жизни человек посвящает кому-то. Нет ничего просто так. Нет цели ради цели. Нет усилий ради усилий. Всегда есть та конечная точка, дойдя до которой ты оглянешься посмотреть, кто здесь наверху ряжом с тобой. И вот он я. Вверху. На самом пике своей карьеры, достигший того. Чего не достиг мой отец...стою и смотрю сверху как внизу чья-то жизнь протекает, там люди за руки держатся, там счастье. Смех. Такое обыденное счастье, которое не купить за деньги... а я весь в сундуках золота и совершенно один.

Жена не в счет...одно название. Разведусь с ней. Завтра же позвоню

адвокату. На хер ее из моего дома и из моей жизни. Вспомнился последний разговор с матерью перед тем как ее в больницу увезли...

— Что такое, мама? Ты же мечтала, чтоб я женился на Лене. Ты чуть ли не вместо меня ее под венец вела.

— Ошибалась я...думала ты счастлив будешь. Думала, что пара она тебе.

— А сейчас что изменилось?

Мама взгляд на меня странный подняла я так до сих пор и не знаю что она тогда думала и почему сказала, то, что сказала.

— Я о многом сожалею, сынок. Только есть ошибки, которые очень поздно исправлять. Иногда мы хотим для своих детей самого лучшего, а на самом деле ломаем им судьбы. А Лена...не твоя она женщина. Вижу я как мучаешься с ней. Если решишь развестись, то я не стану возражать. Я больше никогда не буду лезть в твою жизнь.

Но я тогда уже заключил несколько сделок с отцом Лены и развод мне был неинтересен. По крайней мере, не на тот момент. А мама... я просто решил, что она поссорилась с Леной. С ее характером это было вполне возможно. Поднялся по лестнице и ощущение такое...странное ощущение, что мне и правда спокойней здесь. Где я не один. Свет не включил, сотовым себе освещаю, чтоб на ступеньках не растянуться. По коридору крадучись прошел, дверь в ее комнату приоткрыл и остановился на пороге — вместе спят. Она с краю постели, а Маша у стены, голову Ане на грудь положила, руками обняла, волосы разметались по подушке. И все так сжалось внутри...если б тогда не узнал бы...не расстался бы с ней. Спали бы они сейчас в нашем новом доме со мной вместе. Смысл бы был во всем...в том, в чем сейчас его совершенно нет. Я дверь осторожно прикрыл и в кабинет пошел.

Дедовский кабинет какого дерьма эти стены только не видели. Сколько раз я там на полу валялся и в потолок смотрел не счесть. Я зашел внутрь дверь закрыл. Достал свечи, которые еще со смерти деда в ящике валялись. Мамину фотографию со стены снял и на стол поставил. Свечу зажег и с горла коньяка хлебнул. Темень вокруг и только ее лицо. словно мы с ней наедине остались. И столько вопросов у меня к ней...не счесть никто мне теперь не ответит на них.

А я... я мог бы и приехать к ней, узнав, что ей лучше. Как всегда, рукой махнул. Успею еще. Куда она оттуда денется. Состояние одинаковое годами. А она взяла и делась....даже попрощаться не успел. Голову на руки склонил, бутылку на стол поставил. Сна ни в одном глазу, все тело горит, словно температура поднялась и в глаза как песок насыпали.

Не услышал, как девчонка вошла. Как-то тихо она ходит всегда. Или это я отстранен от внешнего мира, не слышу никого и ничего, весь в себе зарылся, ушел внутрь себя, растворился в своих мыслях. Наверное, опять пришла или с ножом, или с вилкой. Проверять не хотелось. Сил не было голову поднять. Да и не хотелось. А потом меня словно током ударило и все внутри перевернулось, почувствовал, как детские пальчики к моим волосам прикоснулись. Взгляд медленно поднял и с глазами ее зелеными взглядом встретился. Я никогда не видел такого взгляда. Бездна. Океан какой-то бескрайний и так смотрит на меня, что душу щемит и реветь хочется, как ребенку. А она словно душу мою сканером считывает и гладит, гладит. Прижаться к ней хочется, тельце сжать и ощутить вот эту волну, исходящую от нее. Словно энергию из себя мне отдает. Такая маленькая, а столько силы в ней. Мишку мне протянула, и я сглотнул горький ком в горле. Глаза защипало. Медведя взял и рядом с портретом посадил, а она стул подтянула и рядом со мной уселась с ногами, ночнушку на острые коленки натянула и голову склонила на них. На портрет смотрит, потом снова на меня... и по руке гладит.

Знаете... я хотел заорать. От боли какой-то невыносимой, от того что изнутри словно разорвало. И стыд...какой-то невероятных масштабов, накрывающий с головой. И я не мог найти ему оправдания и понимания. Стыд от того, что я не такой, как эта девочка... я бы не смог вот так вот врага своего пожалеть. Нет во мне этого великодушия и сочувствие, а в ней есть. Оно в глазах у нее плещется и мне в эти глаза смотреть больно.

Я ее руку своей накрыть хотел, а она вдруг одернула ее и тут же со стула спрыгнула, убежала. Я с мишкой в коридор выскочил, но следом не пошел. К себе медведя этого прижал и сполз по обратной стороне двери на пол.

Вышел на веранду вдаль на рассвет смотреть. Когда-то любил это делать вместе с Аней. Подолгу на балконе стоять сзади, обхватив ее плечи руками и втягивать запах ее волос. А потом уловил, что сзади кто-то стоит и обернуться страшно...потому что знаю, что она пришла. Кожей чувствую и затягиваюсь сильнее сигаретой, чтоб успокоиться, дрожь во всем теле унять. Стою и думаю, что ей сейчас сказать и понимаю, что нечего. Не осталось слов, ненависти, желания раздавить ее... я сам раздавлен. Я уже не знаю, чего хочу. Меня просто накрывает от понимания, что она пришла ко мне сюда сама. Пожалеть пришла? Или спросить, что ее дочь здесь делала. Зачем еще могла прийти. И мысль о том, что из жалости пришла начинает завлакивать меня каким-то туманом безысходности, словно я черном тупике стою и выхода оттуда нет совершенно. Тоска какая-то

ненормальная, что вот в этой бездне ее со мной рядом совершенно нет и возможно не будет никогда. Что я цепляюсь за прошлое, которое скорей всего нужно мне самому. И от неожиданности вздрагиваю потому что чувствую ее руки у себя на плечах. Наверное, в эту секунду я полностью лишаюсь рассудка. Я перестаю быть самим собой. Я опять в нашем прошлом, где нет места ненависти, недоверию, злости и жажде мести.

— Здесь очень холодно, — выдыхает мне сзади в затылок и меня начинает трясти от эмоций сам не понимаю, как отшвыриваю сигарету и резко к ней оборачиваюсь, чтобы неожиданно для нас обоих сгрести ее в объятия и жадно впиться в ее рот. Единственный способ успокоиться, забыться, потеряться от реальности — это раствориться в ней. Позволить себе уплыть в прошлое и завертеться в диком водовороте нескончаемого голода по ней. Аня обескуражена, она не отвечает на поцелуи, а я уже не могу остановиться. Мне это нужно. Мне нужно ее целовать, пить ее дыхание, глотать ее запах и ощущать себя живым. И я стону ей в губы, когда чувствую, как ослабевает сопротивление, как отвечает на мой поцелуй, легонько касаясь языком моего языка.

— Ты мне нужна, Аня....нужна мне сейчас, очень нужнаааа...безумно нужна.

И это правда. Она мне нужна, она мне необходима как воздух. Она и есть мой воздух и только за нее я и могу цепляться скрюченными пальцами, понимая, что вот он мой смысл. Чувствую, как Аня впивается пальцами в мой затылок и льнет ко мне дрожащим телом. Сама льнет. Без того, чтобы я насильно вжимал ее в свое тело, выдирая поцелуи и объятия. И меня ведет от этого, ведет от ее взаимности, сам не свой тяну через голову ее футболку, невольно вздрагивая, когда вижу как всколыхнулась ее полная грудь, округлая, тяжелая со сжатыми в тугие комочки сосками и я со стоном накрываю ее двумя ладонями, чтобы содрогнуться от этого дикого удовольствия сжимать ее и тереть тугие, вытянувшиеся вершинки, а потом хрипло застонать в унисон ее тихому стону. Ей нравится...она отвечает мне. И это сводит с ума...заставляет окончательно потерять голову. Мну ее грудь, то сильно, то чуть слабее, сжимая соски фалангами пальцев и терзая, не переставая ее пухлый рот. Прижал к поручням спиной и ощутил болезненно стоящим членом ее упругий живот. Одной рукой потянул вниз пижамные шорты и тут же сжал ее голые ягодицы.

— Согрею тебя...здесь будет жарко.

И впиваюсь жадно открытым ртом в ее грудь, сильно втягивая сосок и уже заставляя ее громко застонать. Рывком приподнял и усадил на перила, удерживая одной рукой так, чтоб не упала и меня начинает трясти от

неудержимого желания войти в нее прямо сейчас, глубоко, так глубоко, чтоб оба закричали. Только причинять боль уже не хочется...это желание растворилось где-то в прошлом, где-то в нашей с ней ненависти, которая сейчас куда-то исчезла. Скорей всего она вернется, но позже.

Я не хотел с ней воевать. Я устал от войн. Мне нужно было ее присутствие, я хотел вернуться ненадолго в прошлое, где любил ее и так просто получал ее любовь, ощущал ее каждой порой, каждой молекулой. Туда, где я верил ей. Оказывается, это важно верить человеку. Важно, знать, что он тебе не лжет. Ложь разрушила наши жизни.

— Почему пришла? — шепотом в ухо, обводя мочку кончиком языка и сильнее сжимая ее спину, а другой рукой, раздвигая ее колени, чтобы пристроиться между них, чтобы накрыть горячую плоть ладонью.

— Не знаю, — прошептала в ответ и запрокинула голову, когда мои пальцы нежно погладили влажные складки. И меня это возбуждает еще сильнее, если такое возможно, возбуждает вот эта покорность, вот этот изгиб тела, когда она отдает его мне.

— Наверное, потому что я тебя звал...ты слышала, как я тебя звал, Нюта. Девочка моя, как мне тебя не хватало...я так голодал по тебе, по всему этому, нашему.

Сам не узнаю свой голос он срывается на какие-то запредельно низкие ноты, а она трепещет в моих руках от каждого слова и мне не верится, что это происходит на самом деле. Я беру в рот ее сосок, то сильно вытягивая его, то постукивая по нему кончиком языка, а средним пальцем обвожу кругами ее маленький твердеющий клитор. Медленно. Осторожно. Одинаково по кругу и сатанея от ее реакции — уже забытой и все же такой знакомой. Пальцы помнят, как ей нравилось. Аня впивается пальцами в перила и выгибается назад, я сильнее сжимаю ее поясницу и резко вхожу в нее сразу двумя пальцами. Как же сладко она всхлипывает и насаживается на них. Я ощущаю эту пульсацию...она нарастает в глубине ее тела. Моя чувствительная девочка раньше именно так и было...раньше со мной от пары прикосновений и это сводило с ума. Это сносило крышу напрочь. И мне хочется рычать от наслаждения пожирать взглядом ее лицо перед оргазмом, когда удовольствие отобрало у нее контроль и она вся не в себе дрожит всем телом и я жажду чтоб она кончила. Несколько толчков внутри нее, не переставая большим пальцем дразнить ее клитор и почти закричать, когда изогнулась и затряслась, забила всем телом судорожно сжимая мои пальцы, растекаясь влагой по моей ладони и толкаюсь сильнее и быстрее охреневая от этих мокрых звуков внутри ее лона. Мокрая для меня...такая тугая, шелковистая изнутри и так сильно сокращается, что у меня от боли

член разрывает на части.

Подхватил под ягодицы, чуть приподнимая и глядя в затуманенные чуть прикрытые глаза, послушная, вялая...такая вся сейчас моя. Понес обратно в кабинет, опускаясь с ней на пол, опрокидывая ее на ковер и нависая над ней, пытаюсь поймать ее взгляд.

— Ты все еще такая же сладкая, — облизывая пальцы, побывавшие в ней и содрогаясь от адского желания войти. Глубоко. Немедленно. Но мне хочется тонуть в ней...погружаться в нее и забывать о внешнем мире, мне надо видеть ее отдачу, мне это жизненно необходимо. И я расстегиваю штаны продолжая смотреть на нее, мне не хочется ломать... я хочу, чтоб она приняла меня, хочу ощутить ее всю отдающуюся мне. И замираю, понимая, что она сама расстегивает мне ширинку и скользит под боксеры ладонью, сжимает мой член и я невольно скалюсь, запрокинув голову и закатывая глаза. Это невозможно выдержать. Это бя***дь выше человеческих сил. Особенно когда ее горячая ладонь скользит по напряженному до взрыва стволу. Вверх и вниз так что у меня начинает дрожать каждый нерв от перевозбуждения. Я уже успел забыть какой сексуальной она умеет быть для меня. Перехватываю запястье и тяну вперед, чтоб направила меня в себя. Чтоб сама отдалась мне. Развожу в стороны ее колени и чуть подаюсь вперед, накрывая ее рот своим медленно вхожу в нее. Толчок за толчком чувствуя, как вливается ноготками мне в плечи, как сжимает их изо всех сил. Жадно целую ее лицо, кусаю ее шею, плечи, ключицы и все так же медленно в ней. Там скользко, горячо и пульсирует, а меня так ведет, что кажется я сейчас кончу только от этой ее взаимности, от того что сама ко мне пришла. И мне до дикости хочется начать в нее долбиться со всей дури, сжимать ее волосы и рвать ее плоть быстрыми толчками так чтоб кричала до хрипоты.

Выгибается в мои руки и меня срывает к такой-то матери, срывает так, что темнеет перед глазами я набираю темп. Я его не просто набираю я просто терзаю ее тело так, что оно бьется подо мной от силы моих движений, а мне уже по хрен, я в точке невозврата, сжимая ее ягодицы, приподнимая, чтоб проникать сильнее и глубже, слыша ее крики и зверя от них еще больше, глядя остекленевшим взглядом на ее острые соски и на то, как сильно колышется грудь в такт моим диким толчкам, пока не пронизывает острейшим наслаждением от которого кажется разрывает каждую кость на теле, вспарывает позвоночник, заставляя выгнуться, и изливаться в нее с громким стоном. И к ее губам, чтобы выдохнуть ей в рот каждую судорогу.

Потом долго смотреть ей в глаза, убирая слипшиеся пряди волос с ее

лица. Я еще не знаю, что сейчас происходит между нами...Знаю только, что мне с ней хорошо. Так хорошо, что я готов сдохнуть лишь бы вот это не кончалось и снова не погрузиться в свою проклятую тоску.

Мы оба молчим, и я откидываюсь на спину, пытаюсь притянуть ее к себе, но она уворачивается. Встает с пола и идет на балкон за своими вещами.

Одевает шортики, натягивает футболку, а я смотрю на ее красивое гибкое тело и не хочу, чтоб уходила. Встал с пола пошел за ней на балкон, попытка привлечь к себе, но Аня не далась выскользнула из моих рук. Не выдержал и насильно привлек к себе.

— Что такое? Что было не так.

— А что было так, Егор?

Не понимаю. Что она имеет ввиду, смотрю то в один синий омут, то в другой.

— Все было так...или нет.

— Тебе это было нужно, а я дала то, что нужно. Помнишь? Таковы условия сделки. Давать тебе, когда ты хочешь и как хочешь. Притворяться для тебя.

И я похолодел. словно она меня с ведра ледяной водой окатила. Злость накрыла мгновенно вернулась с такой силой, что перед глазами потемнело.

— Дала значит, когда я хочу?

За локоть сдавил и дернул к себе.

— По первому же зову, все как ты хотел. Ты не доволен?

Сучка! Маленькая дрянь. Больно ударила, так больно, что сердце скovyрнуло.

— Притворялась значит?

— Не все время. Я ведь живая женщина, а ты мужчина. В какой-то момент мне даже понравилось.

Оттолкнул от себя с такой силой, что она чуть не упала. Натянул штаны, застегну ширинку.

— Какого черта тогда приперлась? Вроде я не звал и не приказывал.

— Бонусы за лечение моей дочери. А еще я знаю каково это потерять...я пришла тебя утешить.

Не сдержался и вмазал кулаком по стене, развернулся к ней и стиснул челюсти. Такая маленькая, хрупкая в своей дурацкой шелковой пижаме, со все еще стоячими сосками, искусанными мной губами и всклокоченными волосами. Оттраханная мною. Стоит и выдергивает мне ногти щипцами, загоняет под них иглы с какой-то блаженной улыбочкой. И мне захотелось ее придушить.

— Хорошо утешила. Не профессионально. Бывает и лучше. Но весьма неплохо. На пару сотен баксов. Можешь пойти купить себе шмотки. Я разрешаю. А теперь пошла вон. Наутешалась. Хватит.

Она пошла к двери, а я стиснул кулаки с такой силой, что казалось сейчас суставы сломаются. А потом вдруг осознал, что...что меня отпустило. Та тоска дикая и боль они отошли на второй план. Она вышибла из меня все. Только себя одну и оставила. Боль выбивает боль. А еще неожиданно именно от нее... не знал, что она так изысканно умеет вгонять занозы прямо в сердце... А знал ли я ее вообще когда-нибудь?

Утром увидел, как Артем куда-то ее повез. Вначале хотел воспротивиться, а потом вспомнил, что в больницу поехала. К Антонине. Сегодня должны быть готовы результаты ее анализов. Они и мне на мейл пришли, но я и сам не смотрел и ей не сказал. Мне не до этого было.

Сел в кресло, посмотрел на портрет мамы, на догоревшую свечу. Повесил портрет на место, на стену. И снова сел за стол зазвонил мой сотовый и я бросил взгляд на дисплей — Антонина. Она еще вчера хотела со мной поговорить.

— Доброе утро Егор Александрович, не разбудила?

Какое там я и не спал и не хотелось. Словно зомби сна ни в одном глазу.

— Не разбудили.

— Я бы хотела поговорить с вами. Вы бы не могли приехать в мою клинику?

— Я подъеду, когда у меня будет время. Вы можете все говорить матери девочки. Только если это касается расходов — тогда мне.

— Я не о расходах.

— Тогда о чем?

— Об отце ребенка.

Кольнуло где-то в области сердца. А сам невольно провел рукой по лицу, а на пальцах остался ее запах.

— А что с ним? Вы знаете, кто это?

— Вот как раз об этом я и хотела бы с вами поговорить.

Нервно достал пачку сигарет из ящика стола.

— Говорите.

— Мне казалось, что это не телефонный разговор.

— Думаете нас подслушивают?

Она рассмеялась.

— Нет конечно. Просто это...очень щекотливый вопрос. И....я думала удобней обсудить его лично.

— Ну вы и сейчас говорите со мной лично, разве нет?

— Хорошо. Хорошо я скажу по телефону. Мама девочки утверждает, что отец — это вы...

— И что?

— Вы видели результаты ее анализа? Я вам прислала.

— Нет еще не видел. У меня умела мать и мне было не до этого.

Воцарилась тишина.

— Примите мои искренние соболезнования.

— Можете их не произносить. Спасибо. Так что там с анализом? Что-то серьезное?

— Да...Очень серьезное...О Боже! О Господи!

— Что? Что там такое?

В сотовом что-то затрещало, она явно куда-то побежала, бросив его на столе.

— Нина! Нинаааа! Что там такое?

Черт бы ее побрал. Отключил сотовый. И пошел к компьютеру.

Утверждает, что я отец. Все еще утверждает. Только зачем, черт бы ее побрал?! Вот за эту ложь хочется свернуть ей шею. Я сел за компьютер и зашел на свою электронную почту.

В этот момент сотовый затрещал снова.

— Твою ж... ДА! Что такое?

И тут же вскочил в полный рост, чувствуя, как холодеет все тело, как тонкие ледяные иглы прокалывают меня всего с ног до головы. Разрывая на кровавые ошметки мое сердце. С такой силой, что я широко открыв рот пытаюсь сделать вдох и не могу.

— В машину Артема въехал на полной скорости джип. Водитель насмерть!

— А Аня? А Аня, твою мать? Как Аняааа?!

Заорал так, что горло заболело и задребезжали стекла.

— Не знаю. В тяжелом состоянии, еще живая, не понятно ничего. Прямо под окнами больницы въехал в них. Сейчас наши все сюда едут... Я за скорой еду. Ее в областную неотложку везут.

Я уже его не слышал, неся сломя голову по лестнице вниз, и нет я не помертвел, я уже сдох. Меня от паники накрыло чем-то адски болезненным и не отпускало, мне казалось я задыхаюсь и каждый глоток воздуха обжигает мне легкие.

«Еще живая»...только это пульсирует внутри. «Еще живая»...

Глава 20

Я не мог понять, как это произошло. Мне казалось меня окунуло в какой-то кошмарный сон, и я плаваю в студёной воде под толстым слоем льда, бью в него кулаками и ничего не могу сделать. Я жалкий и бессильный. Я не смог обеспечить ей безопасность и теперь меня разрывало на части от осознания собственной вины. Надо было с ней ехать. Хотел ведь.

Черт. С Аней был Артем и второй охранник. Куда уж больше, мать вашу. Куда больше, чем это? Охранник несколько переломов получил, Артем насмерть и Аня с черепно-мозговой. Первые сутки я даже не разбирался. Мне было не до разборок я от волнения с ума сходил и мерил коридоры вдоль и поперек. Подпирал стену возле операционной и снова ходил взад-вперед по коридорам.

Я дергал медсестер, я ломился во все кабинеты, я не давал покоя ее врачу, как и он не давал мне ни одного прогноза после долгой операции. В себя она так и не пришла. Нет, это не была кома, но никто не мог мне сказать, когда она откроет глаза и чем это все может закончиться.

«Нужно время». Очень спокойный и совершенно безэмоциональный хирург повторял мне эти два слова несколько раз. Да, он знал кто я такой. Все они знали.

— Егор Александрович, мы не Боги — мы врачи и мы сделали для нашей пациентки все возможное. Теперь будем ждать. Как только у меня будут для вас новости я обязательно вам их сообщу.

— Она жить будет?

— Будет. Мы все для этого сделали, и операция прошла благополучно. Но вы ведь хотите знать о последствиях, верно? Вот тут я вам пока ответить на ваши вопросы не могу. Набираемся терпения.

— Ну исходя из вашего опыта...

— Исходя из моего опыта — жить будет, как я вам уже сказал.

Сутки я просидел в реанимации, просто смотрел на датчики, слушал их дурацкое пиликанье, смотрел на кривые линии на мониторах. Трогал ее руку, всматривался в бледное до синевы лицо и думал о том, что мне уже не важно, что там было в прошлом. Все это теперь не имеет никакого значения. Я хочу ее в настоящем. Рядом со мной. Хочу начать с ней все сначала. Хочу банального человеческого счастья... я готов дать ей шанс, нам шанс. Попробовать поверить ей. Попробовать допустить в своих

мыслях, что произошла серьезная ошибка и она не виновата. Я хотел так думать. Особенно сейчас, трогая ее тоненькие пальчики, поглаживая каждую фалангу. Можно быть счастливым даже вот так всего лишь прикасаясь к ее шелковистой коже и зная, что она жива.

И больше меня не сжирала проклятая тварь-ненависть вместе с ее гнилой подружкой ревностью. Они скулили где-то на задворках. Голодные, полудохлые и намертво связанные железными канатами. Впускать их обратно я не собирался. Это было так странно видеть ее вблизи, вот так вот. Беспомощной, такой маленькой, хрупкой. С этими бинтами на голове и подбородке и ссадиной на скуле. Когда смотрел на эту ссадину у самого внутри появлялось тысячи таких ссадин, и каждая кровоточила и нарывала. Стало жутко, что мог потерять ее совсем. Что какая-то мразь могла ее у меня отобрать. Я бы не смог смириться с этой потерей. Даже думать об этом не хотел.

Наутро я допрашивал охранника насчет того джипа. Понятно, что менты ни черта за это время не нашли. Да и Петька видел только как тот резко выскочил из-за угла и словно шел на таран. Врезался в них сбоку и впечатал в стену здания, потом резко дал назад и скрылся. Судя по всему, джип был довольно внушительных размеров, возможно даже бронированный. Вряд ли таких могло быть много по городу. Я позвонил своим людям просмотреть все камеры наблюдения. Если они есть на самой улице и возможно наружные камеры в клинике. Найду тварь урою, сам лично живьем закопаю. Авария была спланирована. Кто-то это сделал намерено. Мы с Денисовичем, начальником моей личной охраны, обдумали со всех сторон, что именно могло произойти и пришли к выводу, что кто-то поджидал машину, кто-то точно знал, что наша машина подъедет к зданию, так же знал примерно в какое время.

Вот это и было странным. Никто не знал, что Аня поедет туда. Никто кроме нее самой, врача сурдолога и возможно кого-то из ее персонала. Но кому надо было вредить Ане? Может это личная месть Артему? Что больше похоже на правду. Я дал задание Денисычу пробить все связи и знакомства Артема и второго охранника — Петьки. Хотел поехать снова в больницу как раздался звонок от Регины.

— Я не могу найти девочку. Весь дом обыскала нет ее нигде. Камеры просмотрели — она никуда не выходила. Ворота были постоянно закрыты. Никто не приезжал и не уезжал.

— Сколько времени вы уже не можете ее найти?

— С ночи. Вначале она бегала по дому, заглядывала в глаза охранникам, прибежала ко мне. Есть отказалась. Я ее спать уложить

пыталась, но она просто смотрела в потолок и не реагировала на меня. Я вышла, чтобы принести ей чай с мятой, а когда вошла ее уже в комнате не было. Мы всю ночь ее искали и все утро.

Я поехал домой. Не знаю почему, но внутри все сжалось в какой-то отвратительный узел. Мы ведь совсем о ней забыли о маленькой девочке, которая не может разговаривать, кричать, громко плакать. Никто не сказал ей где ее мать, никто не успокоил ее. Я понятия не имел как сказать ей об аварии. Я вообще не знал, как с ней общаться и что ей говорить. Я никогда раньше не проводил время с детьми. После развода с Аней я вообще их избегал, как только мог.

Когда приехал меня встретила бледная, как стена Регина. Ее лихорадило от волнения и от страха. Она знала, что будет если девочку не найдут. Читала это в моих глазах и нервно кусала губы.

— Я не на минуту ее не оставляла. Вышла только сделать чай.

— Где вы ее искали?

— Везде искали. Весь дом перевернули...но ее ведь трудно найти она...она ведь не слышит нас и кричать, и звать ее бесполезно.

Потом мы искали вместе. И я убедился, что мы действительно перевернули весь дом. Ее не было нигде. В полном смысле этого слова. Ребенок просто растворился в коридорах этого дома.

— Быть такого не может. Если она не выходила отсюда, то она в этом здании. Ищите. Надо будет стены разломаете. Что на камерах? Не снаружи, а внутри вы камеры смотрели?

— Смотрели.

— И?

— То ли что-то зависло там, то ли не знаю. Она из комнаты вышла, а дальше не записано или не видно из-за темноты в коридорах.

Я сдавил пальцами переносицу и напрягся всем телом. Где она могла быть? Куда мог пойти маленький пятилетний ребенок? Что в этом доме могло ее привлечь? И ни одного ответа. Откуда я знаю, что может привлекать детей. Понятия не имею. Я выдохнул и вошел в комнату Ани, прикрыл за собой дверь. Малышка всегда спала именно здесь. Не в своей комнате, а чаще всего с Аней. А Регина пыталась уложить ее именно там. Я заглянул под стол, под кровать, посмотрел за шторами. Наверное, выглядел как полный идиот, но мне казалось, что девочка должна быть именно здесь. Именно в этой спальне. Никуда больше в доме она бы не пошла. Особенно без мамы. Но нет. Ее здесь все же не оказалось. Я обессиленно сел на кровать и закрыл лицо руками. Откинулся на спину и сгреб Анину подушку пятерней и прижал к лицу. Даже наволочки клубникой пахнут. Или у меня

этот запах ассоциируется именно с ней. Закрыв глаза, вспоминая как когда-то по долгу валялись с утра в постели, она у меня на груди, а я гладил ее живот и с ума сходил, когда мне в ладонь толкалась ...наша дочь. Тогда я считал, что это наша дочь. Сейчас кажется, что все это было в прошлой жизни...внезапно откуда-то послышался шорох и я резко открыл глаза. Замер. И снова услышал легкий шорох в шкафу. Осторожно встал с постели и подошел к нему. Какое-то время постоял и потом резко распахнул дверцы.

Она сидела внизу, обняв Анину кофту и обхватив колени тонкими руками. Сидела и смотрела на меня своими невыносимыми глазами полными слез. Заплаканная, несчастная и такая...такая маленькая. Сам не знаю как протянул руки и вытащив ее оттуда прижал к себе, поднял на руки. Она начала вырываться, упираясь кулачками мне в грудь, а я не мог ее выпустить. Не знаю почему. От нее пахло Аней. От нее пахло тем самым прошлым. Я уселся вместе с ней на край постели и посадил ее к себе на колени, заставил смотреть себе в глаза.

— Успокойся. Слышишь? Я тебя не собираюсь обижать и никогда не обижу.

Она вроде затихла и вдруг снова попыталась вырваться, а когда я удержал укусила меня за руку. Больно. Вот жеж маленькая ведьмочка...но я руки так и не разжал. Снова повернул ее к себе.

— Твоя мама в больнице. Попала в аварию на машине.

Маша тут же затихла и ее глаза широко распахнулись, а губы побелели.

— Она живая. С ней будет все хорошо. Врачи ее лечат.

По бледным щекам снова потекли слезы и я... я просто не мог на них смотреть. Со мной творилось что-то ужасное и совершенно мне непонятное.

— Неее. Не плачь. Все и правда хорошо.

Она отрицательно покачала головой.

— Ты мне не веришь?

Нет, не верит.

— Я завтра возьму тебя с собой в больницу, и ты увидишь, что с ней все хорошо, договорились?

Вот теперь неуверенно кивнула слегка, прижимая к себе кофту еще сильнее. И это выглядело так трогательно, так щемяще, что мне, взрослому мужику было не по себе.

— Давай я сейчас отведу тебя к Регине. Ты умоешься, причешешься и сядешь обедать. А завтра мы поедем в больницу вместе.

Отскочила в сторону и вжалась спиной в шкаф. Отрицательно опять головой качает. От бессилия хочется постучать головой о стену.

— Что? Умываться не хочешь? Расчесываться? Или к Регине?

Она не хотела к Регине... и я не знал, что мне с этим делать. Совершенно не знал. Но решил попробовать по-другому.

— Ладно. А если я тебя умою или ты умоешься сама, а я тебя подержу над раковиной? А потом ты пойдёшь обедать со мной?

Надо купить какой-то табурет или подставку, чтоб она сама доставала. Слишком высоко подняты раковины. Я посмотрел в заплаканные глаза, ожидая ответа. Но его не последовало. Кажется, ни одно из моих предложений ее не устроило. А я не знаю, что еще можно предложить. Я вообще ничего не знаю. И этот ребенок вышибает меня из состояния равновесия. Я рядом с ней сам не свой.

— Тогда я пошел к себе мне самому надо умыться и переодеться, а к тебе сейчас придет Регина и вы сами разберетесь.

Я вышел из комнаты и, пройдя мимо ошарашенной Регины и двух тупых охранников (надо их на хер уволить идиотов) пошел к себе.

Сбросил провевявшийся больницей пиджак на кресло и пошел в ванную. На лице словно осели все эти часы ожидания и волнений, а во рту привкус сигарет и нескончаемых чашек кофе. Сплошная горечь. Я плеснул в лицо холодной водой, протер глаза, а когда открыл их вздрогнул от неожиданности из зеркала на меня смотрела маленькая физиономия с огромными глазами. Пришла чертовка. Надо же... все-таки пришла. Обернулся к ней, а она вытянула руки вверх. И я без слов понял, что это означает "подними меня, чтоб я умылась сама".

Это были самые странные ощущения и самые странные дни в моей жизни. Я словно узнавал себя заново. Знакомился с каким-то совершенно другим человеком. Точнее она меня с ним знакомила. Маленькая девочка, которая не произнесла ни единого слова, а кажется, что мы с ней говорим двадцать четыре часа в сутки обо всем на свете. Никогда не считал, что с детьми может быть интересно. Они были для меня объектами из другой вселенной с которыми надо стараться ладить, кормить вкусно и покупать игрушки, возить на прогулки в парки и смотреть как они катаются на качелях. Но с Машей все было по-другому. Или она была не такая, или я понятия не имел что значит на самом деле заботиться о ребенке. Когда мы вместе поехали к Ане в больницу, и она села рядом со мной это было очень странное ощущение. Точнее понимание, что вот сейчас этот ребенок всецело на мне и больше никому о ней заботиться. А еще какое-то

невероятное понимание, что она мне доверилась. Мне. Человеку, который знать не хотел о ее существовании и можно сказать ее ненавидел, как результат измены ее матери.

В машине я смотрел на нее пока она прилипла к окну и с любопытством разглядывала дорожки от дождя на стекле, а я ее. Красивая девочка какая-то маленькая-взрослая. Это необъяснимо. Вроде понимаешь, что это ребенок, но в то же время важно видеть ее реакцию. Одобрение, например.

На высоких ступенях больницы она дала мне взять себя за руку. И я разнервничался, сжав ее теплую ладошку. Почему-то вспомнилось как еще совсем недавно она сказала мне, что ненавидит и даже замахивалась на меня ножом. Мы шли по больничному коридору, и девочка сжала мою руку сильнее, а я в ответ пожал ее пальчики. Черт, это все же адски трудно не иметь возможности ничего сказать. Потом мы вошли в палату Ани и я ожидал чего угодно истерики, неадекватного поведения, слез. Но меня снова удивили. Девочка просто села на стул возле постели и долго смотрела на Аню. Потом сплела свои пальчики с ее пальцами и прижала ладонь матери к щеке. У меня засадило в груди и начало жечь глаза. Я бы вышел в коридор, но это было бы странным поступком. Трусливым. Поэтому просто старался взять себя в руки и этот паршивый стыд вернулся...ужасно сильно. Рядом с ней он появлялся все чаще. Накрыл с головой. Не знаю сколько времени она сидела вот так, а я стоял у стены и просто смотрел на них. Мне до сумасшествия хотелось, чтоб Аня прямо сейчас открыла глаза, проснулась и увидела рядом с собой дочь, но чуда не произошло. Мне все еще говорили ожидать. Нужно время. И я не знаю, как бы я смог ожидать если бы не Маша.

И сейчас, глядя на них со стороны я ощущал себя совершенно лишним им было хорошо вдвоем. Маша как будто говорила с Аней на каком-то ментальном уровне, не слышимом человеку. Потом она сама встала со стула, поправила одеяло и подошла ко мне. Я автоматически присел на корточки и посмотрел ей в глаза.

И неожиданно сам для себя сказал, словно точно знал, что она хотела спросить.

— Она поправится. Доктор сказал, что обязательно поправится. Надо немного потерпеть. Мы будем приходить каждый день, она поймет, что ты ждешь ее и обязательно откроет глаза. Вот увидишь.

Маша ткнула в меня пальцем и вопросительно посмотрела мне в глаза.

— Я?

Кивнула.

— Да. Я тоже ее жду. — судорожно сглотнул и проклял все на свете, проклял свою ненависть и жажду мести. Сейчас я действительно ждал, чтоб она вернулась и...мне больше ничего не нужно, — Очень жду.

А Маша вдруг достала из своего потрепанного джинсового рюкзака книгу и протянула мне. Сказки Андерсена. Я понятия не имел, что она от меня хочет и что мне делать с этой книгой, но она сунула ее мне в руки и кивнула на Аню.

— Мама подарила тебе книгу?

Отрицательно качнула головой, взяла у меня сказки, открыла и снова дала мне.

— Читать?

Кивнула. И я вдруг вспомнил, что Аня говорила, что читает ей сказки и поет песни. Тогда я совершенно не понял зачем это делать с глухонемым ребенком... а сейчас не мог понять зачем читать книгу кому-то, кто лежит без сознания и ничего не слышит.

— Я... я не знаю. У меня ужасный голос. Да и зачем? Твоя мама меня сейчас не...

Маша не дала мне договорить. В ее глазах блеснули упрямые слезы. Она стукнула меня по рукам и снова показала на Аню.

Ладно. Окей, маленький деспот. Я это сделаю. Да, я это сделаю потому что от меня ничего не отвалится, а подружиться нам с тобой придется. Иначе я ума не приложу что мне с тобой делать.

Я сел возле кровати на стул, а она притащила второй и уселась рядом. Как всегда, вместе с ногами, подперла голову кулачками. И я читал. Сказку, которую знал еще с детства... и мне в этот момент было так легко. Мне вдруг показалось, что я стал моложе лет на сто, а те камни, которыми меня завалило в эти года постепенно кто-то снимает и отбрасывает в сторону.

А потом были похороны мамы...они снова вернули меня обратно в яму, засыпанную камнями и сколько я не пытался сбросить хоть один так и не смог. Для меня эта церемония ничего не значила. Я не с ней попрощался задолго до нее и меня раздражали пафосные речи гостей, поминки с обжорством и выпивкой, пьяные, которые к кончу вечера забыли где они находятся и по какому поводу пили. И Лена. Вездесущая Лена в черном платье с траурной миной, пытающаяся повиснуть у меня на шее и жалеть. От чего еще сильнее хочется сдохнуть.

Приехал после церемонии домой и как всегда уселся с бутылкой в кабинете. Но одному мне остаться не дали. В этот раз я ее прекрасно услышал. Она нагло открыла дверь, вошла, отобрала у меня бутылку и поставила обратно в шкаф. Первым порывом было выставить ее к чертовой матери, запереться изнутри и вылакать все спиртное в доме, но она вдруг схватила меня за руку и потащила за собой. Когда пришли в ее комнату девчонка включила телевизор и усадила меня на свою кровать.

Откуда-то из недр шкафа притащила две пачки чипсов...И я... а я остался там вместе с ней. Мы смотрели мультики. И она беззвучно смеялась... а я понять не мог как у этого крошечного существа есть столько энергии жить. Ведь она даже не слышит, что говорят герои мультфильма, она не слышит музыку...но ведь радуется, смеется и хлопает в ладоши. Я не заметил, как умял пачку какой-то гадости, которую так любят дети, не заметил, что мы смотрим уже третий по счёту мультик... а потом она уснула. И я укрыл ее одеялом, выключил телевизор и ощутил странную тоску. Мне не хотелось возвращаться к себе. В свой кабинет, в свою комнату. Мне было хорошо рядом с ней.

Но я все же ушел, не уснул конечно сразу. Но и пить не стал. Под утро задремал на диване, а потом уехал в офис. Едва переступил порог, как позвонила Регина — Маша снова спряталась в шкаф и не хочет оттуда выходить, отказывается есть.

Вначале я решил махнуть на это рукой и продолжить встречу с партнерами, но все время пока передо мной чертили новые перспективы строительства в трех городах и показывали интересные проекты я думал о том, что она там одна в этом темном шкафу сидит. И так худющая и прозрачная. Если не будет есть, то что от нее останется. Потом представил себе, что она там плачет и послал к дьяволу встречу, поручил ее своему заместителю. Только вначале дал распоряжение снести к такой-то матери торговый комплекс своего конкурента. Выкупить контрольный пакет и расчистить место под строительство нашего центра.

— Ты с ума сошел, Гоша? Это же двоюродный брат Арсения Федоровича.

Я пожал плечами, собирая бумаги в папку и не глядя на Костика — моего верного советника и заместителя. По-хорошему было б называть его дядя Костя так как он был возраста моего отца и взял его на работу еще он, но Костик терпеть не мог вот этого пафоса и имен отчеств и поэтому отзывался только на имя.

— И что теперь? Он может считать, что он схватил черта за яйца?

— Нет, но у тебя есть еще около пяти проектов с твоим тестем. Если вы сейчас испортите отношения ты можешь потерять в деньгах.

— Я хочу построить детский комплекс именно в этом городе и именно здесь. Это удобное место и все вот эти кафешки, игровые заведения и ночные бары здесь не в тему. Пусть переносит их в промышленную зону.

— Ты просто сейчас начинаешь войну с Авериным.

— И что? Мне надо бояться его гнева?

— Я думаю тебе надо просто быть осторожным, и ты женат на его дочери не забывай.

— Это ненадолго.

Я сунул папку в ящик стола и поднял взгляд на Костика. Он смотрел пристально мне в глаза своими небольшими светлыми глазами под блестящими стеклами тонких очков.

— Я буду подавать на развод.

— То есть все реально серьезно, да? И слухи о том, что в доме твоего покойного деда сейчас живет твоя бывшая это все же правда.

— Я пока что не хочу это обсуждать даже с тобой. Займись кузеном Аверина. Предложи ему сделку еще раз. Откажется — сотри его в порошок. Я хочу на следующей неделе утвердить проект центра. Мне плевать на Аверина и его семейство.

— Как знаешь мое дело было предупредить. Ты вернешься в офис?

— Да. Кое-кого заберу и приеду.

Оказывается, я принял решение еще до того, как приехал домой. Сам от себя не ожидал. А потом смотрел, как она лихорадочно одевается, как довольная носится по комнате, как подставляет голову Регине, чтоб та заплела ей волосы и... все. И я растекся в вязкую лужу где-то у ног этой маленькой красотки, которая кажется начала мною вертеть как ей хочется. Я привез ее в офис. Под удивленными взглядами работников и совершенно ошарашенным взглядом Костика, который тем не менее нашел где-то пачку новых фломастеров и притащил листы для принтера. Я снова вернулся к партнерам, а сам ловил себя на том, что поглядываю через стекло на то как Маша рисует, она забралась с ногами на стол и усердно что-то вырисовывала на листике. И мне стало ужасно интересно что она там выводит, прикусив маленький язычок...и какие-то дикое сожаление появляется — а ведь будь она моей дочкой, все эти годы я мог провести рядом с ней. И возможно она не была бы глухонемой.

Когда я уже собирался домой она спрятала рисунок в свой рюкзак. Мне так и не показала, а я не просил. Мы снова поехали вместе к Ане, и я опять читал ей одну из сказок, а Маша сидела на стуле и почти не моргая

смотрела на свою мать, опять прижималась щекой к ее ладони. Когда мы приехали домой, и я вручил ее Регине, а сам собрался идти в кабинет и тихонько достать из шкафа бутылку Маша протянула мне свой рисунок и я ... я рассмеялся она нарисовала меня сидящего на полу с бутылкой в руках. Смотрелся я там ужасно и скорее был похож на бомжа на улице где-то в подворотне.

— Та ладно! Я не такой!

Она кивает, распахнув широко глаза и наморщив лоб. Словно говорит мне «такой-такой». А потом тянет к себе опять смотреть телевизор. У нее в шкафу спрятаны еще две пачки чипсов и мне уже становится интересно где она их берет. Я уснул у нее в комнате сидя на полу. Просто отрубился под какой-то очередной диснеевский мульт, открыв для себя, что они чертовски интересные и как я мог не смотреть их раньше. Я вообще не помнил, когда включал телевизор последний раз.

Утром она уже ждала меня совершенно одетая со своим рюкзаком за плечами. Она собралась со мной на работу...Несколько секунд я смотрел на нее такую смешную и мелкую с двумя хвостами по бокам и снова со своим старым рюкзаком.

— А ты поела?

Кивнула и чуть склонила голову на бок. Просит взять с собой.

— Ладно поехали. Только мне не мешать.

Захлопала в ладоши. Я обернулся к Регине и удивленно заметил, что та улыбается. Едва я на нее посмотрел, как улыбка пропала с ее губ, и она снова стала привычной не улыбающейся Региной. Кажется, я знаю кто носит маленькой ведьмочке чипсы.

Протянул руку Маше, и та схватилась за нее, а потом сплела свои пальцы с моими. И мне вдруг стало так тепло. Я внутренне начал согреваться. Как никогда и ни с кем.

Пиликнул мой сотовый — пришла смска от Антонины.

«Я прислала вам уроки по языку жестов для начинающих. Если что-то будет непонятно звоните обязательно. И не забудьте про анализы и нашу встречу завтра. Это важно. Мне нужно закончить обследование».

Да, я решил научиться говорить с ней. Я захотел ее понимать.

Глава 21

Я открыл анализ, который прислала мне Антонина и так ни черта в нем и не понял. Там говорилось о каких-то патологиях, куча терминов совершенно мне не знакомых, но ничего настолько важного, как говорила мне сурдолог я там не увидел. Надо будет к ней приехать и пусть объяснит, что за чертовщина с этими проверками...а еще я решил, что все же сделаю тест и сам. Да, я сделаю этот проклятый тест. Я пройду через это еще раз. Последняя проверка. Последний шанс себе, что мог ошибаться. Хотя, это было бы из области фантастики. Но я помнил выражение глаз Ани. Помнил их, наполненные слезами и таким яростным упреком...что я начинал сомневаться в собственной адекватности и трезвости ума. Или же она была настолько хорошей актрисой, что снова смогла водить меня за нос...но я больше не мог об этом думать. Я не хотел снова в ту самую яму.

Я набрал Антонину, но она была вне зоны доступа автоответчик ее голосом сообщил, что ей пришлось уехать в срочную поездку на несколько дней и она будет на связи едва появится возможность. Я пожал плечами и пошел в комнату к Маше.

Она лежала животом на ковре и опять что-то рисовала. Меня заметила почти сразу, подняла голову и перевернула лист. А я ей «сказал» первую выученную наизусть фразу, чуть-чуть сбился и пальцы запутались, но у меня получилось:

— Как дела?

Ее глаза округлились, и она...она мне улыбнулась. Мне ужасно нравилась ее улыбка искренняя с ямочками на щеках. Почему-то захотелось пристрелить каждого, кто ее обидит. Вот такое ощущение возникло, что я способен убить любого, кто заставит ее расплакаться.

Маша показала мне загнутый кверху палец, но тут же поникла и тяжело вздохнула. По Ане скучает. Я уселся на пол рядом с ней и щелкнул пультом от телевизора. Оказывается, и я по ней скучал. И я понятия не имел, что буду делать, когда она откроет глаза. Как-то все изменилось и перевернулось внутри. Я больше не хотел держать ее здесь насильно, но самое страшное я боялся, что как только ее отпущу она сразу же сбежит. Не захочет быть со мной и я ничего не смогу с этим сделать. От этих мыслей свело желудок и вывернуло кишки. Паршивое ощущение собственного бессилия.

Повернулся к Маше и невольно усмехнулся, ноги скрестила и

размахивает ими, лежа на животе. Волосы все еще в хвосты собраны с какими-то кружевными резинками. Наверное, опять не далась Регине, чтоб та ее расчесала. Вредная девчонка. Я смотрел на эти хвостики, а потом дернул ее за один из них. Она обернулась вначале удивленная, а потом свела брови на переносице и запустила в меня подушкой. Через пару минут мы превратили ее комнату в поле боя, мы умудрились разодрать несчастные подушки, выпотрошить наполнитель, разбросать его по всей комнате. И конечно она победила, завалила меня на пол и придавила подушкой. Глаза блестят, щеки покраснелись. Точно пристрелю каждого паршивца, кто посмеет ее обидеть.

— Все-все. Я сдаюсь. А вот ты завтра со мной на работу не поедешь.

Склонила голову к плечу и жестами что-то спросила. Я скорее догадался, чем понял.

— Потому что ты обещала слушаться Регину, а сама опять не расчесалась. Завтра твои волосы спутаются, и ты будешь реветь, и я уйду без тебя. Да-да не надо на меня так смотреть ты нарушила условия.

Маша слезла с меня и насупившись села рядом, а я уставился в экран телевизора. Там беспрерывно шел какой-то сериальный мультик, и я сделал вид, что мне невероятно интересно. Потом по-идиотски засмотрелся и уже через пару минут увлекся происходящим на экране. Рядом с этой девочкой мне было настолько легко, что я сам себя не узнавал. Я становился сам собой без брони, без кожуры и защитных реакций. От нее не надо было. Она возвращала меня туда, где нет лицемерия и дурацких игр. В каждом человеке живет ребенок во мне он был не то что похоронен, во мне он был сожжен дотла. Притом еще в детстве. У меня его особо и не было. От меня всегда требовали слишком много, так много, что я просто вырывался из-под контроля и рвал все цепи, которые набрасывали на меня отец и мать. Задумался и почему-то не смог вспомнить ни одного момента, когда я был счастлив будучи ребенком, а ведь у меня все было в отличии от этой девочки. Мне ни в чем не отказывали и в то же время я никогда не был настолько безмятежен, настолько открыт. Я не валялся на ковре с фломастерами. Моя мать бы этого не поняла. Я должен был сидеть за столом с ровной спиной, ходить на музыку и учиться на отлично. Моим развлечением были поездки в загородный дом. Но даже там меня контролировали. Пока мне не остохерела вся эта опека и я не сбросил ошейник, послав все к такой-то бабушке и свалив из дома в пятнадцать лет, чтоб жить с другом в палатках на берегу речки-вонючки. Меня конечно же нашли в этот же день, точнее вечер. Меня не били, не ругали. Просто закрыли в комнате и не выпускали неделю из дома, а когда выпустили я

снова сбежал и украл в магазине бутылку водки и колбасу. Я напился и бродил по улицам города пока меня не поймали менты....

Погрузился в воспоминания и вздрогнул, когда мне под нос подсунули расческу. Ну вот приехали. Я посмотрел на Машу, а та тыкнула меня в грудь расческой еще раз и показала на свои волосы.

Впервые в жизни я снимал резинки с девчачьих волос, боясь причинить ей боль. Вырвал пару волосков, чуть не получил разрыв сердца и сто раз заглядывал ей в лицо, чтоб убедиться, что она не плачет. Я б, наверное, удавился, если б плакала. Потом я ее расчесывал. И мне это нравилось. Водить расческой по длинным светлым кудряшкам. Они блестели и закручивались в тугие локоны. Она так и уснула, положив голову мне на колени, а я сидел с этой расческой и боялся пошевелиться, чтоб не разбудить. Потом все же перенес Машу на кровать и перед тем, как выйти из комнаты обратил внимание на рисунок, который она рисовала. Наклонился, поднял его с пола и застыл — она нарисовала Аню, меня и себя. Мы втроем держались за руки. И подписала корявым почерком. «Мама, папа, я». Я положил рисунок обратно на ковер и ...вдруг почувствовал, что мне насрать на тест ДНК. Мне плевать каким будет результат. Это уже не имеет никакого значения и ничего не изменит для меня. Я его сделаю...ради ее анализов и лечения, но это уже лично для меня не имеет никакого смысла. Я хочу заботиться об этом ребенке и не важно чья она дочь.

Вышел из детской, прикрыл дверь. Снова набрал Нину, но опять сработал автоответчик. В эту ночь я впервые нормально уснул. Без спиртного, без ворочанья с боку на бок до утра. Отключился и все.

* * *

Перед поездкой в корпорацию я заехал в клинику и сдал анализ крови. Мне пообещали, что результат будет готов в течении восьми часов. То есть к вечеру будет ответ. Волнение захлестнуло новой волной, проползло по коже ледяными мурашками и отступило, когда я сел в машине рядом с Машей и она мне улыбнулась и подмигнула. Я подмигнул ей в ответ и дернул ее за косичку. В ответ она пнула меня кулачком под ребра. Довольно ощутимо. Надо отдать ее на какой-то вид женской борьбы, чтоб могла надрать задницу любому ублюдку, который посмеет на нее не так посмотреть...это в том случае если я не надеру.

В офисе уже так бурно не реагировали на то, что я приезжаю с Машей.

Теперь у нее имелся свой угол Костик организовал для нее стол и стул, ноутбук и стеллаж с книжками и игрушками. Первая реакция на этот угол была весьма своеобразная она обошла его со всех сторон. Потом на меня посмотрела и снова обошла. С опаской поставила на стул свой рюкзак, потрогала плюшевых зайца и медведя, но в руки не взяла. Достала с рюкзака своего обтрепанного медведя и посадила на полку. Потом села за стол и по-деловому, откинув косички назад, открыла крышку ноутбука.

— Эй...можно подумать, что ты влюбился в ребенка. Харе так пялиться на нее.

Я повернулся к Костику и усмехнулся.

— А в нее разве можно не влюбиться?

— В офисе уже все на ушах стоят гадают, что это за девочка.

— Пусть гадают.

— Скоро пронюхают журналисты.

— Они уже пронюхали. Нас на входе отщелкали еще вчера.

Зазвонил мой соиовый и я выхватил его из кармана от досады чуть не застонал вслух.

— Да, Лена. Что ты хотела?

— Поговорить хотела, Гоша!

— О чем? Я на работе, и я занят.

— Неужели? А я вот стою под твоим офисом и требую, чтоб меня пустили поговорить с тобой, но твоя охрана не пускает без твоего указания.

И правильно делает. Я распорядился, чтоб ее не пускали без моего ведома. Сюрпризы не люблю. А она любит их устраивать.

— Я не уйду отсюда пока ты не поговоришь со мной. Надо будет проторчу здесь до вечера!

Я шумно выдохнул и бросил взгляд на Костика, потом снова приложил сотовый к уху.

— Оставайся там я скоро спущусь.

* * *

Лена была в траурной одежде, а меня почему-то передернуло от того, что она напялила на себя платье с просвечивающей ажурной сеткой на груди. Не так думала о трауре, как о том, чтоб было видно ее торчащие груди. Едва я подошел к ней она стиснула губы в тонкую линию.

— А что ж ты ее не взял с собой?

— Кого ее?

— Дочь твоей первой потаскушки! Что ты не притащил эту глухонемую оборванку, которую усадили к тебе на шею... алименты еще не просили или уже?

Я схватил ее за локоть и дернул к себе.

— Об этом ты пришла поговорить?

— Да! Об этом. Ты позоришь меня перед всеми этими выходками. Таскаешься с этой девкой, живешь с любовницей! Ты думаешь я буду на все закрывать глаза?

— Не думаю, потому что я с тобой разведусь!

Ее глаза округлились и рот приоткрылся.

— Чтооо?!

— Документы от моего адвоката получишь завтра. Пометишь там чего ты хочешь и все и пора заканчивать этот спектакль.

— Спектакль? Ты называешь наш брак спектаклем? Ты совсем ополоумел? Мой отец столько помогал тебе, у вас совместные проекты, а ты... ты нас из-за своей шлюхи и чужого ублюдочного ребенка?!

— Рот закрой, не то я тебе его закрою!

Оттолкнул ее от себя.

— Уезжай домой, Лена.

— Домой? Это не дом. Это склеп. Тебя в нем никогда нет.

— И не будет. Смирись. Мы разводимся. Подумай что ты хочешь получить.

— Сволочь! Какой же ты подонок! Отец... отец лишит тебя всего!

— Ну пусть попробует. Пообщаемся через адвокатов, Лена.

Я снял обручалку и демонстративно сунул при ней в карман.

— Ты ...ты подонок!

— Подонок. И ты прекрасно знала, что рано или поздно все именно так и окончится.

Я развернулся чтобы уйти, но она вдруг вцепилась в мою руку.

— Слушай, не надо так. Егор. Не надо. Какая разница кто там есть у тебя. У многих есть любовницы. Я молчать буду. Я глаза на все закрою. Только не уходи от меня. Все у нас хорошо будет.

На какое-то мгновение жалко ее стало... словно отражение свое увидел. Я, наверное, вот так же жалко рядом с Аней смотрюсь. Помешанный на ней и такой же нелюбимый.

— Не люблю я тебя, Лена. Не люблю, понимаешь? Не будет ничего у нас хорошо. Никогда не будет потому что мне с тобой до тошноты плохо.

И пошел прочь к лестнице, а она вслед орет мне:

— А с ней хорошо? Ничего она опять тебе рога наставит...она никогда не полюбит тебя так, как я тебя люблю.

Возможно и не полюбит...зато ее люблю я.

* * *

К вечеру я уже забыл про тест. Мы с Машей снова поехали к Ане. Малышка заранее выбрала какую сказку будем читать. И я читал, уже мне это не казалось чем-то странным, не казалось, что я похож на идиота, который распинаятся перед теми, кто его не слышит. Я читал и посматривал на лицо Ани...ничего не изменилось за эти дни. Она так и не приходила в себя. Меня начинало это пугать...словно дежа вю. Совсем недавно я так же приезжал к своей матери и вначале мне тоже обещали, что вот-вот и очень скоро, но ничего не происходило, пока однажды не сказали, что уже и не произойдет.

Пока читал пришло сообщение из лаборатории. Анализ был уже готов. Я сжал пальцы в кулак и дочитал сказку, лишь потом я вышел в коридор и открыл на электронной почте результаты теста. Пол слегка покачнулся под ногами — нет, я не ее отец. Резко выдохнул и хотел уже сунуть сотовый в карман, как он вдруг зазвонил у меня в руках. Я поднес его к уху, стараясь собраться, прийти в себя, чтоб Маша не увидела, что я расстроен.

— Егор Александрович, это Нина. Я с другого номера. Выехала в Словакию срочно нужно было. Вы получили результаты ваших анализов?

— Да. Получил.

— А результаты анализов Анны получили.

— Да. Только там ничего не понятно.

— Как не понятно...Аааах, наверное, вам послали генетический тест.

— Я сделал как вы просили и сдал анализ. К сожалению, я не могу быть ничем полезен ребенку. Я не ее отец.

— Знаю...но у меня очень большая проблема не только из-за вас — Анна не ее мать.

У меня рука с сотовым резко опустилась вниз. Я с трудом смог поднять ее обратно. Она весила с тонну и пальцы окаменели.

— Вы меня слышите, Егор Александрович? Анна не является биологической матерью Маши.

— Да. Я вас слышу.

Поднял голову и посмотрел через стекло на девочку, она сжимала руку Ани, поднесла ее как всегда к лицу.

— Я хотела поговорить с вами об этом не по телефону...но вы сдали анализ, и я решила вам позвонить.

— Спасибо.

Я отвечал ей как робот и у меня дрожали руки. Вдруг Маша вся встrepенулась и выскочила ко мне. Схватила меня за рукав и потащила в палату.

— Нам нужны хоть какие-то данные Маши. Может быть вы знаете, в каком роддоме она родилась. Может там можно что-то узнать?

Маша подтащила меня к кровати и показала на руку Ани — она слегка пошевелила пальцами, а малышка радостно подпрыгнула и обняла меня за ноги. Я опустил руку на ее голову машинально перебирая косички дрожащими ледяными пальцами и чувствуя, как у меня дерет глотку от желания заорать.

— Егор Александрович...

Я отключил звонок и сунул сотовый в карман, глядя остекленевшим взглядом на шевелящиеся пальцы Ани.

Маргарита Сергеевна Немцова работала в областном роддоме столько сколько себя помнила. Вначале сестрой-акушеркой на побегушках у бывшего главврача, после того как ту уволили и осудили за взятки не без помощи Немцовой, Маргарита Сергеевна начала быстро подниматься вверх по карьерной лестнице. Настолько стремительно, что уже через несколько лет была заместителем главврача, а позже и сама получила столь желанную должность.

Когда Светлана Юрьевна Герасимова уходила на пенсию она сказала Маргарите, что лучшего акушера-гинеколога данному роддому не найти, как, впрочем, и самого мерзостного и отвратительного человека, коим являлась Немцова, которая и здесь приложила руку, чтобы заветное кресло освободилось побыстрее. Маргарита особо не расстроилась провела с почестями свою предшественницу и занялась переустройством роддома, постепенно превращая его в коммерческую клинику. Теперь она и сама не гнушалась взятками, личными одолжениями и другими перспективами, которые открывала перед ней ее должность. Сменила коллектив, окружила себя верными фанатами и подхалимами. Бизнес в роддоме кипел на полную катушку, цены были назначены за все вплоть до предметов первой необходимости. Внегласный преискурant выдавался роженице или больной и у нее не оставалось выбора: либо плати, либо лечись на улице или поезжай в соседний город. А до соседнего города десять километров на машине.

Мэр поселка городского типа Владислав Инокентич Галкин всячески

опекал роддом особенно после того как там родила двойню его драгоценная доченька. Если отбросить меркантильность и жадность, а также подлость, Немцова действительно была врачом от Бога. Она принимала роды у самых «тяжелых» рожениц, вытаскивала с того света младенцев. На нее молились и точно так же ее боялись. Зато она не боялась никого. Ну почти. Больше всего Немцова переживала за свое место и за благополучие своей семьи, которая состояла из мужа врача-кардиолога и трех собак пекинесов. Детей у нее не было. В свое время Немцова наделала кучу аборт, посвящая себя учёбе и работе, прекрасно осознавая риск бесплодия. Но ее это сильно не удручало. Одинокой она себя никогда не чувствовала в свои сорок девять всегда подтянутая, с идеальным макияжем на аристократическом лице, с высокой прической, уложенной из длинных каштановых волос и строгим взглядом из-под дорогих тоненьких очков. Она создавала внешнее впечатление благополучия всего роддома в целом.

Когда к ней в кабинет постучались и сообщили, что ее хочет видеть посетитель, видимо договориться о родах или госпитализации, Немцова велела ждать под дверью. Она была занята. Выбирала очередного пекинеса себе в подарок. Рассматривала мордочки новорожденных щенят и умилительно склоняла голову на один бок, затем на другой. Ее прием на сегодня был окончен, а через несколько часов ее ждало плановое кесарево сечение у жены владельца трех супермаркетов в их областном центре. Она планировала к Новому Году заказать у него красную икру разумеется в подарок за удачные роды. Посетители сейчас не входили в ее планы. Она собиралась продержаться его за дверью, а потом царственно выплыть на операцию, заставив ждать еще или назначив ему на понедельник. Возмнили что у нее здесь поликлиника и сидят по лавкам ждут. Даже в поликлинике приходят по записи.

Когда дверь резко распахнулась, Немцова вскинула голову и в негодовании сжала и без того тонкие губы.

— Что такое? Как вы....

И тут же осеклась на полуслове. Она его узнала. Да и как было не узнать? Телевизор она смотрит, новости читает, в интернет заглядывает... Но узнала она его не только поэтому...была еще одна причина и эта причина заставила Немцову стать цвета стенки и чуть пошатнуться в кресле. У нее тут же подскочило давление и запульсировало в висках. Ужасно захотелось взять таблетку валидола под язык.

Шумаков Егор Александрович прошёл через весь просторный кабинет к окну и не здороваясь с Немцовой открыл окно на распашку.

— У вас здесь очень душно.

Сказал он и подошел к столу.

— Добрый день, Маргарита Сергеевна. Прошу прощения, что помешал вам в важных делах, — бросил взгляд на монитор ноутбука с открытой страницей сайта по продаже домашних животных и Немцова тут же захлопнула крышку, — но мое дело не менее важное. Если позволите... — отодвинул стул, главврач заторможено кивнула и нервно поправила очки на переносице.

— Добрый день...

— Шумаков Егор Александрович, но я вижу вы меня узнали и это весьма лестно.

— Ддда, узнала. Чем обязана вашему визиту да в наши края.

Она постепенно старалась взять себя в руки. Но у нее плохо получалось. Шумаков пугал ее, и не только потому что она была наслышана и о его семейке, и жестком характере молодого бизнесмена, о котором только и пестрели заголовки газет, как он перешел кому-то дорогу или подмял под себя очередного конкурента, или, например, добился сноса гостиницы, в которой ему не так подали завтрак. Шумаков пугал ее тем, что мог узнать... и скорей всего узнал, что здесь произошло пять лет назад. Иначе зачем он здесь...а если узнал, то Немцовой не только светит увольнение и лишение должности, а может светить нечто похуже и Инокентич ее не спасет...так как Шумаков имеет намного больше денег и власти. Трусливый Галкин даже не заступится.

— Я думаю вы знаете чем обязаны моему визиту.

— Нет, — она мило улыбнулась, — даже не представляю, но я очень рада такому гостю.

Шумаков продолжал улыбаться. У него была красивая улыбка, очень заразительная и взгляд цепких серых глаз не отпускал собеседника.

— Вы сейчас представите и не только цель моего визита, но и чем он может закончиться для вас и для вот этого, — он обвел кабинет взглядом, — коммерческого гадюшника.

Немцова застыла и ее тонкие губы приобрели синеватый оттенок.

— я думаю Галкин бы одобрил, если бы я решил построить на этом месте санаторий. Неподалеку пруд, березовая роща...Как считаете? Эта местность подходит для санатория? Вас бы я туда взял главной медсестрой...а может и не взял бы, а может сделал бы так, что вас не взяли бы даже санитаркой...хотя, может быть вы бы устроились врачом на зону.

На лице Немцовой выступила испарина и пот потек по спине.

— Выпейте воды, Маргарита Сергеевна, успокойтесь и начинайте рассказывать мне правду. И ничего кроме правды и возможно, для вас все

останется по-прежнему.

Она послушалась, выпила один стакан воды, затем другой. Ее пальцы дрожали, а стекло стучало о зубы. Она подняла голову и медленно выдохнула.

— Ее привезли к нам в тяжелом состоянии, без сознания и в родах. Не было ни времени разбираться что с ней, ни времени на какие-то обдуманные решения. Только операционная. Она бредила, звала вас, маму, плакала в те короткие промежутки, что приходила в себя. — Немцова резко встала и пошла налила себе коньяк, который был спрятан в закрытом на ключ шкафу, выпила залпом четверть стакана и продолжила, — у нас тогда дела обстояли иначе аппарат УЗИ допотопный, специалистов мало, лаборатории нет, только в городе отправляли анализы за десять километров. Я пока дождалась бы ее результатов она бы..., - Немцова нервно сглотнула, а Шумаков стиснул челюсти и чуть подался вперед.

— Я послушала сердце плода доплером, но оно не прослушивалось. Времени везти к аппарату ультразвука не было у нее шли сильные схватки. Я надеялась, что младенец просто развернулся так, что нам было не слышно.

Она снова замолчала и налила себе коньяк, на Шумакова не смотрела. Ей было страшно.

— Когда прокесарили ребеночек не дышал. Мы пытались реанимировать...но...Мне очень жаль. Мне безумно жаль. Мы делали что могли... и у нас не вышло.

Шумаков резко вскочил со стула и отошел к окну, вцепился в подоконник и шумно вдыхал прохладный воздух.

— Это был второй случай в моей практике. Я не знала, что делать. Мы все растерялись для нас это была личная потеря. Роженица чувствовала себя неплохо, потом мы нашли следы интоксикации организма, но предположить отчего она произошли не могли, а она...она не помнила ничего.

Немцова судорожно сжала стакан и с ужасом вспомнила ту ночь. Тогда еще она была заместителем главврача и Светлана Юрьевна, едва услышав о происшествии, а потом узнав кто роженица чуть инсульт не получила.

— Ты представляешь, что теперь будет? Представляешь, как набросятся на наш роддом да здесь камня на камне не оставят. Все разнесут к такой-то матери. А мы с тобой сядем и это лучшее, что с нами произойдет. Ты вообще знаешь про Шумаковых кто они такие? Понятие хоть какое-то имеешь?

Тогда она не имела, но ей было до дикости страшно от реакции начальницы. В эту же секунду в кабинет влетела медсестра.

— Там девчонку привезли молодую совсем. Несовершеннолетнюю. Орет, матерится. Проклинает и больницу, и ребенка. Не в себе девка. Мы ее пока с той...ну с той знаменитой уложили. Плод ногами вниз, не разродится она без вас, Маргарита Сергеевна, тут или ваши ручки нужны или кесарево.

— Иди роды принимай, потом решим, что делать.

А решение пришло само собой. Оно орало, выгибалось и грязно поливало отборным матом все отделение, у него под ногтями вились черные полоски, от одежды воняло потом и дешевыми духами. Оно разродилось и тут же заявило, чтоб младенца придушили или вышвырнули в окно иначе она сама это сделает.

А малышка в руках Немцовой не кричала. Звука не издала, но была жива, пусть и не девточка по Апгару, синеватенькая, обвитая пуповинкой и недоношенная, но живая и пищала тихо и очень жалобно. Немцова кивнула медсестре и они унесли младенца в процедурную, а Маргарита Сергеевна, зашивая роженицу, которая все же с ее помощью разродилась сама, тихо сказала.

— А не надо душить и выбрасывать. Мертвая твоя дочь родилась. Ты своими мыслями ее у себя в утробе удавила.

Дальше все было весьма просто, зарегистрировали смерть, живую девочку записали как Шумакову, а мертвую отправили в морг с диагнозом гипоксия и остановка сердца еще в утробе. Немцова тогда хоть и боялась безумно содеянного все же в какой-то мере решила, что сейчас ее руками вершилась судьба человека и дочка оборванки и малолетней шлюшки обретет богатую, обеспеченную семью, молодая женщина, потерявшая явно желанного ребенка познает счастье материнства, а гулящая малолетка получила по заслугам. Все равно от девочки отказалась.

Шумаковой сказали, что ее соседка малолетняя наркоманка и что пришлось перевести в другую палату, а потом и младенца ей принесли. Когда увидела глаза молодой женщины, светящиеся любовью, поняла, что решение было правильным. И ни о чем не жалела...До определенного момента, когда Немцова чуть разрыв сердца от ужаса не получила. В роддом приехала сама Шумакова. Она потребовала предоставить ей генетический материал ребенка. Они приготовились к самому худшему, и главврач и Немцова уже мысленно сидели на скамье подсудимых, но как ни странно нечётно не произошло. Никто за ними не пришел, никто даже с ними не разговаривал.

Только за малолеткой мать приехала. На вид приличная не то что ее ободранка. Выслушала заключение врачей, бледнела до синевы, руки на коленях складывала и пальцы сжимала так что суставы трещали. Они уехали, а Немцова наконец-то спокойно вздохнула полной грудью. Все обошлось....

— Отчего умер младенец? — раздался глухой голос Шумакова и Маргарита Сергеевна вздрогнула.

— Мы не знаем. Тело на экспертизу никто не отправлял и причину я вам сказала. Но... при всем моем опыте у меня есть подозрения, что ваша жена....она что-то приняла. Какое-то лекарство или препарат, или что-то съела. Что-то спровоцировавшее смерть плода и сильное отравление у матери. Но я даже предположить не могу что именно. Существует множество препаратов, которые могут вызвать подобную реакцию организма.

Она затихла с ужасом заламывая пальцы и ожидая приговора. Ей вообще показалось со стороны, что от Шумакова, который вошел в этот кабинет ничего не осталось возле окна стоял совсем другой человек. По нему словно проехался грузовик, и он выглядел поломанным на куски, осунувшимся и немного не в себе.

— И... и что теперь будет? — хрипло спросила она.

— Ничего не будет. Забудьте об этом. И держите рот на замке.

Вернулся к столу и сел напротив снова.

— Та девчонка...вы что-то о ней знаете?

— Да, знаю. Она погибла от передозировки...спустя три года. Это было крупное дело для нашего района. Об этом на местном канале говорили и...нашли целую банду ублюдков, которые по школам наркотики продавали.

Шумаков выдохнул и резко встал с кресла.

— Ясно. Вы правильно поступили, Маргарита Сергеевна, пожалуй, это один единственный правильный поступок в вашей жизни. И если вы будете о нем молчать ничего плохого с вами не случится. Я обещаю.

Когда он ушел Немцова налила себе полный стакан коньяка и выпила его залпом.

Глава 22

Я смотрел просто в одну точку мне казалось у меня не шевелятся руки, ноги и даже сердце не бьется. Я, наверное, умер. Не знаю, как люди впадают в кому и что они при этом испытывают, я внутренне омертвел. И если раньше мне казалось, что я присыпан камнями и толстым слоем земли, то сейчас у меня создавалось впечатление, что я полностью без кожного покрова привязан где-то цепями и насажен на острые крючья, они продрали мне сердце и легкие и я бл***дь задыхаюсь, истекаю кровью, булькая в агонии, но и сдохнуть права не имею. Я вообще не на что не имею прав.

Снова включаю запись голоса матери и меня трясет, когда я слышу все, что она говорит. Холодный пот катится градом, пропитывает мою рубашку, течет по вискам и по скулам. Мне кажется я погрузился в сплошной кошмар и это все бред сумасшедшего психопата, это все какая-то долбаная игра. И ее голос вспарывает нервы, пилит их на куски...Она не могла так поступить. Не могла со мной вот так...

«Я надеюсь, что ты никогда этого не услышишь... и в то же время я все же хочу, чтобы ты все узнал и если этому суждено случиться, то ты рано или поздно найдешь эту запись, а если нет, то так тому и быть. Ты мой любимый ребенок и пусть я и была строга к тебе таковыми были мои представления о воспитании сына, но я никогда и никого не любила так как тебя. И как любая мать я мечтала о самом лучшем для тебя. Да, я ее невзлюбила. Она не нравилась мне с самой первой минуты. Она была тебя недостойна. Ни одного волоска на твоей голове. Неотёсанная безвкусная деревенщина, которая мечтала о прописке и свадьбе с богатым и чистеньким мальчиком. Мне не нравилось в ней все начиная с ее имени и заканчивая ее запахом, который поселился в нашем доме и не выветривался, забивался мне в ноздри и преследовал на каждом шагу. Она заменила тебе меня, везде и всюду была она. В твоём сотовом, в твоём портмоне, в твоей комнате, в твоей голове и в твоём сердце. Я задыхалась с этим осознанием потери, что она забрала тебя у меня.

Я ослепла, оглохла, я мечтала, чтоб она исчезла. Я знала, что ты не любишь Лену и именно поэтому хотела чтоб она стала твоей женой. Она бы обожала тебя, а ты по-прежнему оставался со мной и был только моим. Эгоистичное гипертрофированное материнское чувство. Я тогда даже трезво думать не могла. Лена стала частым гостем в нашем доме. Мне нравилось

злить Анну. Нравилось видеть, как она бледнеет. Я мечтала, что она родит мне внука и ты с ней разведешься, отберешь у нее ребенка и мы проживем без нее, как раньше.

А когда ты кричал на меня, ссорился со мной из-за нее, я ненавидела ее еще больше. Когда Лена привезла этот чай...ее мать занимается травами и гомеопатическими лекарствами...она привезла этот чай и попросила меня помочь ей. Сделать так, чтоб ...О, Господи, прости меня! Сделать так чтоб твоя жена с расстройством желудка легла в больницу, беременных на таких сроках обязательно кладут, а у нее было время оказаться с тобой наедине. Всего-то расстройство желудка. В меня черт вселился, я даже ничего не заподозрила, я была ослеплена своей ненавистью, ревностью и я... я позвала Анну и предложила этот чай. Клянусь, я клянусь тобой и всем самым дорогим что у меня есть и было когда-либо я не хотела того что произошло. Это была мелкая пакость недостойная взрослой женщины. Но я и думать не могла, что дальше произойдет такое горе... и что Лена... Лена исчадие ада, Егор. Она не такая как все мы думаем, она либо сумасшедшая, либо такая тварь каких поискать. Но тогда она казалась мне влюбленной в тебя и самой достойной. Твой отец дружил с ее отцом, а я тесно общалась с ее матерью. Что может быть идеальней чем свадьба наших детей.

Но я даже не подозревала в какой кошмар втяну всех нас и тебя прежде всего. Мне позвонили из больницы...сказали, что она рождает где-то там в каком-то захолустье. У меня уже были эти снимки от фотографа, которого нашла Лена, были подозрения, что Анна тебе изменяет и я была этому рада, я вцепилась в эту возможность мертвой хваткой. Те две курицы с роддома...они не учли, что деньги развязывают языки всем, что нет никакой информации, которую нельзя было бы раздобыть с помощью денег. И я...я получила такой удар от которого не оправляются. Санитарка рассказала мне, что моя внучка... что она. Прости, не могу наворсить, мне кажется у меня все внутри серной кислотой разъело...Она сказала, что девочка умерла, что тот ребенок, который записан на тебя, что это чужая... Лена приехала следом за мной. Буквально через полчаса она уже придавила меня к стенке и рыдала, что ничего не знала, что может перепутала препараты, что это не ее вина...Но я не могла поверить, что передо мной стоит такое чудовище, такое истинное зло во плоти. Я сказала, что ты обязан об этом узнать и тогда она изменилась. Из несчастной овечки превратилась в опасную тварь. Она сказала, что это я виновата, что на чашке мои отпечатки пальцев, что это я предлагала Анне чай. И это я ее ненавидела и всячески унижала, что никто мне не поверит, что ты меня

возненавидишь и засунешь в психушку, где мне и место. Она все знала... знала, что я лежала в больнице с нервными срывами. И я... я испугалась. Я сделала как она хотела. Тест ДНК отдала тебе. Какое-то время я стала считать, что все к лучшему, что действительно никто не знал, верить, что Лена ошиблась. Но меня надолго не хватило. Она начала мне сниться...моя внучка. Каждую ночь она плакала и кричала, мне снился младенец, которого уносят врачи, снились гробики и кресты, снилась анна твоя, как она кричит, что я убийца.

Я должна была рассказать тебе. Должна...и не могла. Я боялась, что ты меня возненавидишь, боялась, что запрешь меня в психушку, как говорила Лена...А потом Бог все же меня наказал и я потеряла все... все, кроме тебя. Я так испугалась, что следующим будешь ты. И приняла решение...когда-то мать Лены давала мне лекарство сильное снотворное. Я приняла его полчаса назад. У меня уже онемели пальцы и мне не хватает воздуха. Я скоро умру, сынок...Но прежде, чем это случится я хочу попросить у тебя прощения. Прости меня, прости мне все, что я тебе причинила, я просто до безумия любила тебя... и если когда-нибудь ты увидишь Анну скажи, что я каждую ночь становилась на колени перед образами и умоляла ее простить меня. Скажи ей это. Хотя такое никто не прощает. И я себя никогда не прощу. Прощай, сынок. Я надеюсь ты будешь счастлив, когда меня не станет...и догадаешься сам какая гадюка живет в нашем доме».

Я сунул сотовый в ящик стола и обхватил голову дрожащими руками. Я пока не знал, что мне делать дальше. Не знал потому что был слишком раздавлен, меня размазало и раздробило мне все кости, и я еще не мог собрать себя по кусочкам. Я разберусь с этим чуть позже. Я должен вначале попытаться встать на ноги и сделать первый вздох. Потом я решу, как казнь Лену...какой будет ее смерть. Встал из-за стола и вышел из кабинета...Сам не понял, как пошел к Маше. А перед глазами лицо Ани стоит, как плачет, как руки заламывает и клянется, что девочка моя, что никогда и н с кем, а я...я ничем не лучше своей матери. Жестокий конченный эгоист, не видящий дальше своего носа, ослепленный ревностью и ненавистью.

Маша спала в кровати с зажжённым ночником. На какое-то мгновение я отвлекся от своих мыслей и невольно застыл на месте. Рядом с девочкой сидела та самая кукла, которую она вышвырнула когда-то. И тут же лезвием по нервам... а ведь я ее покупал другому ребенку. Тому, которого уничтожили моя мать и Лена.

Я прилег рядом с девочкой и закрыл глаза, нет, сон ко мне не шел, меня колотило ознобом, меня по-прежнему швыряло в ледяной пот.

Хотелось орать и крушить стены, разбить на хрен все руки в кровь. Но вместо этого я смотрел в потолок и прислушивался к дыханию Маши. Для меня после всего что я узнал ничего не изменилось...она водралась в мое сердце и осталась там, в те лохмотья, которые от него остались. И я не знал, что будет дальше, что будет завтра, когда я приеду к Ане и посмотрю ей в лицо...смогу ли вообще смотреть. Сесть за руль, разогнаться до бешеной скорости и...в стену. А потом мысли о том, что так поступил бы последний трус и слабак. Я должен зжить с этим. Это мое личное проклятие, и я этого заслужил. Я позволил, что с моей маленькой девочкой все это произошло. Я слишком верил своей матери и я... я изначально не был достоин Ани. Никогда не был... я знал это с самого начала, что она слишком святая, чтоб быть со мной, а потом эта святость вдруг покрылась грязью и я не смог этого вынести. Я лежал рядом с Машей и ощущал, как вместо крови по венам течет серная кислота, она медленно, но верно сжигает меня, я даже чувствую запах горелой плоти.

Нет, я не винил себя это было бы как-то по-детски. Испытать чувство вины за какие-то ошибки, за какие-то неверные шаги. То, что я сделал ошибкой назвать нельзя — это непоправимое уродство. Я изуродовал свою жизнь, ее жизнь, я отказался от нее...и бросил один на один с этим кошмаром. Виноват ли я? Конечно нет. Я не виноват. Я уже казнен. Вчера меня приговорили и расстреляли. Только не до конца. Оставили корчиться в агонии, извиваться и орать от боли.

Я не знал, как буду просить у нее прощения. Она мне сказала, что такое не прощают и она права. И у меня, наверное, язык не повернется просить это самое прощение. Не стоило впускать ее в свою жизнь много лет назад...стоило дать ей сбежать от меня без оглядки. Не охотится на нее зверем, не ставить ловушки. Н я бы не смог я и сейчас не смогу ее отпустить. Не смогу дать уйти. Буду побитой псиной шлаться где-то рядом и рычать на каждого кто посмеет подойти.

Но я лучше перегрызу себе вены чем опять причину ей боль. Среди ночи проснулась Маша. Поднялась, посмотрела на меня сонными глазами, а потом перебралась мне на грудь и обняла за шею. И дрожь начала отступать...сердце не так сильно скручивало в камень. Она несколько минут лежала на мне, а потом вдруг приподняла голову и снова на меня посмотрела. Тыкнула мне в грудь пальчиком, потом себе в грудь и губами сказала «папа».

Я усмехнулся, а в глазах что-то запекло, начало жечь так что стало плохо видно ее сонное личико. Она не ложилась, словно чего-то от меня ждала, и я вдруг неожиданно сам для себя сказал:

— Да, я твой папа.

А утром мне позвонили, что Аня пришла в себя...Ад только начинался.

Глава 23

Спустя месяц...

Меня уже выписали, оставалось забрать некоторые бумаги, и я до дрожи в руках ждала этого момента. Бежать отсюда. Бежать куда глаза глядят. Так далеко, чтоб даже запахи стали другими, чтобы воздух вибрировал иначе и солнце светило с другой стороны. Хотя, на самом деле мне бы хватило просто вернуться домой. В свой город. Мне было тошно здесь оставаться после всего что произошло и после всего что я узнала.

Это как вынырнуть из кошмара в кошмар, закрыть глаза потому что ужас и боль обрушились на все тело и открыть их, чтобы задохнуться от той же боли, увидев ЕГО рядом...Его и Машу. Пока я была без сознания, а точнее они все считали, что я без сознания, я слышала его голос. Слышала, как он читает мне что-то. Я не могла разобрать слов, не понимала смысла, но мне хватало этого тембра. Он выдергивал меня из темноты, из бессвязных ужасных снов в которых я искала своего ребенка и не могла найти. Я цеплялась за этот голос и шла к свету, держась за стены. Там, в своем беспмятстве я любила его абсолютно и безоговорочно и мне было не за что прощать. Там мы с ним были счастливы. Между нами не было дикой пропасти...И лучше бы я оставалась в этой бездне своих иллюзий, мечт и фантазий, потому что реальность оказалась страшнее любого дикого бреда. Потому что я разбилась о нее и раздробила себе кости. Иногда жизнь бывает страшнее самого извращенного фильма ужасов...потому что в ней все по-настоящему.

Моя реальность начиналась с той палаты в которой я лежала, как растение, продолжилась с приездом Антонины и больше не заканчивалась. Моя больная реальность, в которую было невыносимо поверить, но все же она была похожа на правду и наконец-то сложила весь пазл в чудовищную, уродливую картинку от которой затряслись руки и ноги и помертвело внутри. Последний раз я так мертвела, когда умерла моя мама. Последний раз я испытала эту нечеловеческую боль именно тогда и надеялась, что больше ничто не сможет меня убить снова...И ошиблась.

Мой бывший муж и все что его окружало, воздух, которым он дышал, все что было им всегда причиняло мне боль. Даже мысли о нем заставляли задерживать дыхание от ломоты в груди и каменеющего сердца.

Я не помню, как проходило мое выздоровление. Оно слилось в череду

однотонных серых дней с моим маниакальным стремлением как можно быстрее уехать. Как можно быстрее оставить это место, уйти, спрятаться подальше от того, кто разрушил и разорвал мою душу и в то же время я не понимала, как можно безумно любить своего палача. Вопреки всему, что он сделал со мной там, в глубине души до сумасшествия обожать все что является им. Даже имя его произносить и дрожать от страсти и от отчаяния, потому что никогда ей не сбыться. Нельзя прощать...я предам и себя и Машу.

Тогда... в моей палате, когда я полностью пришла в себя я поняла, что не смогу его простить. Не смогу и не хочу. Я не готова. Я не стану терять себя снова. И даже его голос для меня мучителен, как адская пытка. Все в нем слишком любимо, так любимо, что ненависть из-за этой любви превращалась в чудовищную тьму, которая застилала мне глаза, когда я чувствовала, как болит по нему сердце. Как он весь живет внутри меня и не собирается умирать, как бы жестоко я его не травила, как бы не вырезала из своего сердца он воскресает там снова и снова.

Егор молча сидел рядом с постелью. Совсем другой, изменившийся, осунувшийся с длинной щетиной на лице. Словно прошло не несколько дней, а целое десятилетие и за это время Шумаков успел постареть. Никогда не думала, что люди умеют стареть так быстро. Да, смерть матери — это невыносимое горе и с ним тяжело смириться...когда я проводила свою мамочку я стала старше на две жизни.

Он протянул руку, чтобы накрыть ею мою, но я одернула пальцы. Одернула так быстро, что даже больно стало сведенным мышцам. Мы молчали. Долго молчали. Потом он ушел, а я повернула голову к окну. Пусть уходит. Так лучше. Чем меньше я вижу его рядом, тем легче попытаться снова выдрать его из своей души.

Нет, у времени все же нет способности лечить раны на сердце и дарить возможность прощать. Моя душа не была готова к прощению в тот момент. Я не могла даже думать о нем спокойно. Каждая мысль вызывала в моей душе болезненную судорогу. Какая-то часть меня осталась в прошлом и проживала тот момент на обочине, по щиколотку в грязной воде, с младенцем на руках снова и снова. И я не могла выйти из этого дня сурка ни на мгновение. И память не стирается, и нет излечения, нет никакого света в конце тоннеля. Мне все так же нестерпимо больно.

Егор привозил ко мне Машу и оставался за дверью палаты. И мне казалось, что эти дни изменили и моего ребенка тоже. Она стала другой. Мне это нравилось и не нравилось. Она постоянно говорила о нем. Восторженно вздохнула. И ...называла его папой. Я кивала, слушала и

чувствовала, как мне хочется заорать, что не папа он ей, что это лишь название и что за несколько дней папой стать невозможно. Что нет у нее никакого папы, есть только я, а он...он от нас отказался, выгнал нас, отрекся, вышвырнул...да что угодно сделал, чтобы не быть с нами.

И молчала. Я не смела разрушить ее счастье, ее радость, ее восторг. Никогда раньше я не видела Машу такой счастливой. И мне от этого становилось одновременно и больно, и радостно.

— Мам, а ты все еще на него злишься? А мы приезжали папа сказки тебе читал.

Я кивала и улыбалась, она переставала смеяться и внимательно смотрела мне в глаза.

— Ты его ненавидишь да?

— Нет. Просто ...просто мы много ссорились и мне надо время. А я рада, что папа общается с тобой.

Хотелось попросить ее не говорить о нем, не сиять, когда он входил в палату, чтобы забрать ее, не кидаться ему на шею. Но я не просила, только стискивала челюсти все сильнее и руки в кулаки. Я не имею права лишить Машу радости...но я бы лишила этой радости его! Он не заслужил, чтоб она его любила. Ни одной ее улыбки не заслужил.

Но меня ждал еще один удар, тот после которого я уже никогда не стану прежней. Иногда бывают такие удары от судьбы, что человек душевно умирает, а когда воскресает он уже не находит себя нигде.

Я позвонила Антонине. Хотела узнать, как продвигается лечение Маши. Едва смогла встать с постели и мне отдали мой сотовый я набрала ее. Вначале она говорила мне что-то пространственное, о лечении, о том, что анализы все еще не готовы и о сложностях с их трактовкой, но мне показалось, что она лжет.

— Вы мне лжете. Анализ ДНК, который вы проводили должен был быть готов менее чем за сутки. Я хочу знать правду. Что вы там увидели? Машу нельзя вылечить? Там что-то серьезное, страшное? Говорите! Я уже ничего не боюсь.

— Нет...не страшное. Аня, вы ведь понимаете, что я... я обыкновенный врач и у меня есть семья, есть любимая работа. Я не хочу всего этого лишиться.

— Почему вы должны всего этого лишиться?

Я села на кровати, чувствуя легкое головокружение.

— Потому что ...

И я догадалась сама.

— Он запретил вам говорить со мной, да? Запретил рассказывать мне

правду? Хорошо. Я вас поняла. Спасибо вам и за это. Только у вас есть семья, а у меня кроме Маши никого нет, и вы были моей единственной надеждой. Я имею право знать все. Неужели в этом мире правит только страх, только проклятые деньги? Вы же врач! Вы клятву Гиппократы давали! Вы детей лечите.

У меня началась истерика, я сорвалась на ней, впервые сорвалась на ком-то за всю свою жизнь...и под конец нашего разговора услышала:

— Я приеду и расскажу...Я приеду к вам.

Она приехала вечером. После того как Егор и Маша ушли. Точнее, Маша. Я не впускала его в свою палату. Когда он входил я отворачивалась к окну и молчала. Он молчал так же, как и я. Давил на меня своим присутствием, своими посещениями, давил тем, что постоянно держал Машу за руку. Вот так все просто. Пару дней и он получил дочь, которую не желал знать пять лет.

А потом иная боль вытеснила из моей груди ту прежнюю, на меня обрушился шквал, торнадо, адские тучи, закрученные черными клубнями, с ураганскими вихрями понеслись прямо на меня, чтобы погresti под грязью и обломками стихии.

Антонина прикрыла за собой дверь и едва я ее увидела мне стало страшно, что с Машей что-то не так. У меня от волнения пот градом по спине покатился.

— Вот ваши анализы. Даже не знаю стоит ли вас волновать, когда вы только оправились после травмы.

Я взяла у нее бумаги и тихо спросила:

— Егор Александрович сдавал кровь на тест?

— Сдавал...

На секунду у меня захватило дыхание, и я глубоко втянула воздух, чувствуя, как покалывает болью виски.

— Тест отрицательный. Он не является отцом девочки.

Кровь отхлынула у меня от лица, я ощутила это физически, как бледнею.

— И вы тоже.

— Что?

— Вы тоже не являетесь ее матерью. Вы с Егором Александровичем не биологические родители Маши. Именно поэтому я не могу провести обследование до конца. Мне нужно найти ее родственников...хоть каких-то.

Я смотрела в одну точку и меня начало колотить крупной дрожью, так

словно везде открыли окна, а на улице минус тридцать градусов мороза. Какие-то обрывочные мысли...тот день, когда я потеряла сознание в электричке, роддом, лица врачей.

— Я думаю, что ребенка подменили в роддоме. Там, где вы рожали. Вы помните тот день?

Нет, я его почти не помнила...Я пыталась вспомнить. Лихорадочно трясла свое подсознание. Даже потом, когда Антонина ушла я смотрела перед собой остекленевшим взглядом и прокручивала тот день. Обрывки реальности были настолько неясными, настолько размытыми, что я не знала верить им или нет.

«Не дышит...запиши время...давай я попробую еще раз...да она умерла еще в утробе...давай еще раз...нет, не выходит....о Господи».

Тогда я думала, что они говорят не обо мне...тогда я предпочла об этом забыть ведь мне на руки дали мою девочку, мою Машеньку и она затмила собой любой бред и любое воспоминание. Хотя... я помню мне приснился сон. Приснилось, как из меня вытаскивают другого ребенка, и я рыдаю, что это не правда, что моя дочь жива. Я помню рассказывала этот сон маме, и она меня успокоила, сказала, что это всего лишь мои страхи.

А это были не страхи...это были воспоминания.

Я позвала Егора сама. Набралась смелости и позвонила, чтобы он пришел. Мне уже было нечего бояться... в ту ночь я многое поняла. Я собрала свою жизнь по осколкам и склеила в изуродованную, прошитую ржавыми нитками, растрескавшуюся картину. Перед его приходом я встала с постели и долго смотрела на себя в зеркало...Едва отросшие волосы, худое лицо, глаза с огромными синяками под ними и бледные губы. Тело превратилось в кости, обтянутые кожей, спрятанные под больничной пижамой. Вот и хорошо. Сегодня мне нравится быть страшной, быть уродливой и наконец-то поставить все точки над и. Я не хочу больше бояться, прятаться, скрываться. Я хочу жить. БЕЗ НЕГО. Без его тени, преследующей меня по пятам.

Егор прикрыл за собой дверь палаты, он пришел с цветами. Я усмехнулась. Как вовремя. Цветы, извинения, давление на тех, кто знает правду. Как это похоже на его прошлые приемчики. Только я уже не та Аня. Не сработает как когда-то, когда он открыл на меня сезон охоты и добивался так, что у меня не оставалось ни малейшего шанса.

— Завтра меня выписывают.

— Да, я знаю. Дома все готово к твоему приезду...., - выдержал паузу, Здравствуй, Нюта.

— Я не поеду к тебе домой.

Подняла взгляд и посмотрела на него через зеркало. Больно смотреть. Особенно когда приняла решение, что готова на что угодно только не оставаться рядом с ним.

— Почему?

Спросил так обыденно будто мы все еще женаты, и я вдруг решила покапризничать.

— Как все просто у тебя. Почему? Потому что я больше не намерена выполнять условия твоей сделки. Да и смысла в ней больше никакого нет. Тебе больше не чем меня держать и пугать, Шумаков. Ни одного козыря. Теперь только связать и держать силой. Станешь?

Улыбка пропала с его губ, она исчезла мгновенно и уголки опустились, взгляд стал болезненно тяжелым.

— Кто рассказал?

— Какая разница кто. Это теперь не имеет ни малейшего значения. Ты разве не это пытался мне доказать? Что Маша не твоя дочь? Так и есть. Ты был прав. ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ТВОЯ! — сама не поняла, как сорвалась на крик, — И мне больше нечего делать в твоём доме. Я больше не желаю никакого лечения и никаких операций. Мы и так справимся. Жили без тебя раньше и сейчас проживем!

Сделал несколько шагов ко мне и мне захотелось войти в зеркало, чтобы спрятаться от него там. Чтоб не приближался. Чем дальше он стоит тем уверенней я себя чувствую.

— Для этого ты позвала меня сюда? Сказать, что больше не боишься? Я думал мы поговорим о нас...

— Да, только для этого. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, Егор. Меня и МОЮ дочь. Перестал играть с ней в отца и вернулся к своей прежней интересной жизни без нас. Нас уже давно нет. Нас ты убил еще пять лет назад. Сам. Собственноручно. И ты знаешь...ты оказался прав... твои проклятые тесты были настоящими. Только тебе даже в голову не пришло, что я не виновата...ты так сильно меня любил, что тебе было легче казнить меня, чем постараться поверить.

Сделал еще несколько шагов ко мне, швырнул цветы на тумбочку.

— Думаешь моя жизнь без тебя была действительно интересной? Думаешь мне было легко тебя казнить? Думаешь я не горел живьем в аду все эти годы?

— Я не думаю. Я знаю. Ничего ты не горел. Ты жил счастливо со своей женой. Или ты предлагаешь мне пожалеть палача, который вырезал мне сердце без единого сожаления? И вообще я больше не хочу о тебе думать, Егор. Теперь я имею на это полное право.

— Имеешь.

Ответил как-то обреченно и даже не поверила своим ушам, что слышу его голос именно вот так. Как эхо того бывшего уверенного в себе, дерзкого.

— Только давай сначала поговорим. За все эти годы. За все пять лет давай хотя бы один раз с тобой поговорим, маленькая моя. Просто выслушай...просто дай мне сказать.

«Маленькая моя». Нет-нет-нет. Только не это. Не нужно снова меня затягивать в это болото, ловить на эти старые уловки. Я выросла из них, у меня больше нет на них сил.

— Если ты пообещаешь, что потом уйдешь мы поговорим.

Снова посмотрела на него через зеркало и увидела, как он стиснул челюсти, отвернулся в сторону, кусая нижнюю губу. На лбу слева пульсирует вена, как бывало всегда если он сильно нервничал. Ладонь непроизвольно защекотало от тактильных воспоминаний, как гладила его волосы, когда он нервничал.

— Конечно я потом уйду. Послушай...Нюта...

— Аня. Называй меня Аней. Или Анной, как..., - осеклась, не смогла ударить настолько больно.

— Нюта. Для меня ты Нюта. Так вот послушай меня внимательно...я знаю, что сейчас на тебя обрушилась эта правда и выбила у тебя землю из-под ног. На меня она обрушилась чуть раньше, и я уже пытаюсь стоять твердо хоть это и плохо мне дается...

Я подняла руку вверх.

— Пожалуйста, не надо, Егор. Я знаю твои ораторские способности, но я не хочу сейчас слушать это все. У меня нет сил. Я устала. Я хочу уехать в свой город и больше никогда тебя не видеть. Пойми, ни одно твое слово ничего не изменит.

Он побледнел или это освещение в палате исказилось, или у меня в глазах что-то не так.

— Допустим ты уедешь...допустим я тебя отпущу и все будет как ты захочешь.

От его «допустим» меня начало тошнить. Он как всегда уверен, что может вершить мою судьбу как ему вздумается.

— Как ты будешь жить? На что ты будешь растить ребенка?

Я рассмеялась. Не смогла не рассмеяться.

— Все пять лет тебя это нисколько не волновало, а сейчас вдруг стало важно? Все пять проклятых лет я еле сводила концы с концами, а сейчас ...сейчас ты вдруг подумал об этом?

Егор в несколько шагов преодолел расстояние между нами и стал

позади меня возле зеркала. Такой огромный, сильный...такой родной и в то же время до боли чужой. А я была слишком самоуверенной, чтобы думать, что его близость не начнет сводить меня с ума, как и всегда.

— Я думал об этом всегда...ты не взяла у меня ни копейки. А потом я...я делал ошибку за ошибкой. Черт, Аня... я не знаю, что сказать, я не знаю какие слова найти, как ...у меня их нет. Я бы сказал, что я сожалею... но это не сожаление. Я с ума схожу, зная о том, какую боль тебе причинил. Я хочу все исправить, я хочу хотя бы попытаться...мне все равно что показал тест. Мне все равно наша дочь Маша или нет...биологически. Это не имеет значения. Я...Нютааа, прости меня.

Положил руки мне на плечи, и я захотела заорать от бессильной ярости от отчаянного желания, чтоб не прикасаясь, передернула плечами, сбросила его ладони.

— Не надо! Не прикасайся ко мне!

Поднял ладони вверх.

— Не прикоснись пока не позволишь. Позволь мне помочь...позволь мне заботиться о тебе.

Наклонился к моему затылку и провел по нему пальцами.

— Я мог бы...Я мог бы так много дать вам обеим....

— Нет! Не мог бы! Нам это не нужно. Не нужна твоя забота.

Резко повернулась к нему, ощущая как заливают очередной волной той самой черной ненависти от которой по коже бегут мурашки и дрожит каждый мускул.

— А ведь ты не меняешься. Ты каким был лжецом таким и остался. Ты ведь собрался солгать мне. Ты собрался ничего не говорить. Как всегда, твоя стратегия вечная грязная ложь. Вот почему ты считаешь других такими же лжецами. Не смей говорить, что ты мог...ты ничего не смог. Ты смог лишь вышвырнуть меня, поверить в ложь... а потом смог мстить мне за свои же ошибки.

Он вздрагивал от каждого слова, словно я его била наотмашь по лицу. На какие-то доли секунд я увидела в его серых глазах вспышку ярости, едкую, острую и мне стало страшно. Ведь он в любую минуту может снова начать меня ломать, сделать что угодно, чтобы заставить быть с ним. Ему нельзя доверять. И никогда не смогу больше, да и не хочу.

— Да... я совершил много ошибок...очень много. Так много что я в них тону и захлебываюсь. Но самой огромной моей ошибкой было то, что я вообразил, что смогу жить без тебя.

Неужели он говорит мне это? Говорит мне эти слова чуть охрипшим голосом? Или это иная стратегия, иной способ заставить меня сдаться? Как

же я боюсь тебя, Егор, как же я не доверяю нам обоим. Нет. Мне будет лучше вдали от тебя. Я должна выдержать и бежать...вытерпеть этот разговор до самого конца и не прогнуться под тебя.

— Позволь нам с Машей жить без тебя. Мы точно сможем, если ты не станешь мешать... А если станешь я буду воевать с тобой даже если у меня нет столько сил и власти. Я не позволю тебе себя ломать. Хватит!

— Мешать и ломать? Вот как ты называешь то, что я хочу заботиться о вас? Я люблю тебя, Аня! Все эти годы я любил тебя...безумно любил и ненавидел!

Стиснул кулаки, и я невольно отпрянула назад, а черты его лица тут же разгладились.

— Нюта, девочка моя, родная....я не могу отпустить тебя, прости меня. Слышишь? Постарайся...

Внезапно привлек к себе, сжал мои плечи и уткнулся губами мне в шею, вызывая дрожь по всему телу.

— Нютааа, сил нет никаких, я без тебя сдохну. Давай попробуем еще раз...сначала. С чистого листа. Один шанс. Дай нам...прошу тебя, девочка моя, любимая, пожалуйста. Не могло ведь все исчезнуть... я ведь чувствую тебя ты помнишь?

Я глотала воздух пересохшими губами ловила его и это было невыносимо, у меня больно билось сердце где-то в гортани. Егор никогда не говорил мне такие слова...никогда не говорил этим голосом полным боли и отчаяния. И мне казалось, что я опять начинаю гореть в адском пламени, опять полыхаю этой болезненной страстью к нему и мне до безумия хочется вскинуть руки и обнять его за шею заорать — даааа, давай начнем сначала...Только что тогда останется от меня. Кем стану я? Растоптанной у его ног... Той самой жалкой дурой, о которую можно вытирать ноги, а потом жениться на другой.

— Он не нужен мне этот шанс. Слишком поздно, Егор. Отпустиии...

Уперлась руками ему в грудь, стараясь оттолкнуть, освободиться из этого плена, из сумасшествия в которое он пытался меня утянуть. Жестоко, безжалостно и опять наплевав на то что чувствую и говорю ему я. Он ведь гордый. Пусть уйдет. Пусть разозлится и оставит меня в покое.

— Не могу отпустить, Нюта...

— Один раз смог сможешь еще раз.

Оторвался от моей шеи и смотрит в глаза. То в один, то в другой, руками скулы мои сжимает и гладит большими пальцами.

— Бьешь? Ну бей. Сильнее бей. Бей так, чтоб легче стало...ты ведь хочешь, чтоб мне было больно...

— Нет, нет, Егор. Я не хочу, чтоб было больно мне и моей дочке... Просто отпусти нас, забудь, дай мне жить, дышать без тебя. Нет смысла больше ненавидеть и преследовать. Дурная ошибка...стечение обстоятельств...Горе. Но так было суждено. Мы не должны быть вместе.

Ударил двумя руками по тумбочке, и я зажмурилась.

— Хорошо...хорошо, я тебя отпущу. Только скажи мне, честно скажи...

Сдавил пальцами переносицу, словно собираясь с мыслями, а у меня от слабости голова кружится и зарыдать хочется. О том, что поздно уже, что он раньше должен был вот так...раньше.

— Не любишь меня больше, Ньюта? — резко привлек к себе, сжал затылок двумя руками всматриваясь мне в глаза. — За эти годы разлюбила?

— Ты не оставил мне выбора.

Руки разжались, и он меня отпустил, сделал несколько шагов назад, челюсти сжаты, смотрит исподлобья и с такой болью, что она мне резонансом в сердце отдает.

— Позволь мне..., -осекся и голос сорвался, сдавил виски пальцами одной руки, словно пытаюсь прийти в себя, — позволь мне хотя бы заботиться о вас. Видеться с Машей.

— Не нужно. Зачем она тебе? Поиграть в отца? Заставить ее страдать, когда тебе надоест? Мы тебе не родные. Впрочем, ты это понял задолго до всех подтверждений. Уходи, Егор.

Развернулся и пошел к двери, а я пальцы за спиной стиснула так стиснула, что ногти ладони прокололи, и губы до крови закусила, чтоб не заорать, не позвать его обратно. Мой бывший муж остановился у двери, достал сотовый из кармана и положил на столик у стены.

— Включи здесь диктофон послушай...ты должна это знать.

Глава 24

Мы ехали с Машей на поезде. Она свернулась калачиком на своей полке, а я смотрела в окно на моросящий дождь, на то как бьются и стекают капли по стеклу. Я все еще слышала в ушах жуткий голос этой женщины...нет, я ее не ненавидела. Я просто не представляла, как такой человек вообще звался матерью...не представляла, как Егор жил с ней. Мы с ним больше не виделись после встречи в больнице. Мне привезли мои вещи, и водитель ждал меня внизу. Не Артем. Совсем другой парень. Впрочем, какая мне разница кто. Я их больше не увижу. Искренне надеюсь, что никогда не увижу. Водитель передал мне конверт с деньгами. Я посмотрела внутрь и вначале хотела швырнуть ему обратно, но передумала. Я потом верну. Устроюсь на работу да хоть кем и верну. А пока они нам с Машей нужны...

Я лежала на своей полке в купе, которое полностью выкупил Егор. Под мерный шум колес и под сопение моей девочки я смотрела в окно на пролетающие мимо деревья и осенние пейзажи и думала о том, что для меня ничего не изменилось. Да, внутри образовался незаживающий рубец, дикое осознание страшной потери, но я бы солгала прежде всего самой себе, если бы сказала, что эта потеря свела меня с ума...Она бы свела если бы не моя Маша, если бы не мой маленький ангел, которого мне послали сами небеса, чтобы я не наложила на себя руки иначе я бы не выдержала. Я не плакала по ней...по моей нерожденной малышке. Я скорбела, я испытывала невыносимую горечь, но не страдания...я ее не знала. Не видела. Не держала на руках. Для меня моим ребенком с первых же секунд была Маша...Я представляла себе, чтобы я сделала если бы оказалось, что она жива и воспитывается у кого-то, чтоб я сделала? И у меня не было четкого ответа. Я знала лишь одно, что, если бы что-то случилось с моей Машенькой я бы умерла, я бы не прожила без нее и дня. Она для меня самая родная. Роднее всех родных. Пусть простит меня мой нерожденный ангелок...пусть простит, что не уберегла и что полюбила другого ребенка.

Сейчас, когда боль потихоньку отступала я могла думать, могла анализировать что именно произошло. Если вообще после всего случившегося можно что-то анализировать. Я начала понимать почему все так произошло и вместе со жгучей ненавистью к Лене я чувствовала, что готова принять поступки Егора. Нет, не простить...пока только начать их понимать и осознавать вместе с жуткими поступками его жены и его

матери. Сомнений уже не осталось. Я теперь знала почему он выглядел на десять лет старше — его разломало то что он узнал..., наверное, ненавидеть чужих легче чем ненавидеть собственную мать после ее смерти и жить с этим. Она украла у него жизнь, дочь и счастье.

А я... Простила ли я ее? Не знаю. Пока что я даже думать о ней не могу спокойно. Но мне искренне жаль, что Егору она причинила столько боли. Жаль, но где-то со стороны. Я буду привыкать снова жить без него. Привыкать к своей тоске по нему, и я знаю, что она будет невыносимой. Ведь ничего не изменилось в моих чувствах к нему. Я снова буду плакать по ночам, но теперь чтоб не увидела Маша. Я бужу мысленно возвращаться в наше прошлое, где от звука его голоса мне будет казаться, что я самая счастливая на свете. А потом по утрам буду отходить от этой агонии, когда каждая клеточка души болит по нему, недостойному и жестокому. Я знала, что буду заходится от тоски потому что попробовала его снова, потому что ощутила на себе его голод, его руки, его тело. Иссохлась по нему как пересохшая губка.

Маша притихла и почти со мной не говорила. Я знала почему, но обсуждать с ней это не собиралась. Потом, когда-нибудь я все ей расскажу, и она сама решит, чего она хочет. А сейчас нам придется перетерпеть... только упрек в ее глазах видеть невыносимо. Она искренне не понимает почему я забрала ее от отца, которого она только что обрела, о котором так мечтала. А я бы не смогла ей сейчас рассказать о том, что пять лет назад он ее бросил. Это было бы подло. Но мне хотелось. Очень хотелось.

Мы сошли с поезда в родном городе, и я вдохнула полной грудью. Ну наконец-то мы домааа. Пусть мне придется снимать жилье и искать новую работу, но я свободна и принадлежу сама себе. Я позвонила тете Соне с вокзала и она расплакалась когда услышала мой голос. А я вместе с ней, как идиотка сжала ручку Маши и стою реву.

— Мы так разволновались, так разнервничались. Ты раздевайся, проходи, — пальто у меня забрала и Машеньку к себе прижала, расцеловывая между словами, — Позавчера те...что вселились в твою квартиру выехали, а вчера там такое творилось. Люди туда-сюда сновали, что-то таскали, шумели-гудели. Думала опять продали квартиру или те за долги ее отдали. Боже худая какая. Что там творили с тобой. А волосы все где? Зачем состригла?

— В аварию попала травма была вот и состригли, ничего отрастут.

— Как травма, а сейчас как? О Боже! С ума сойти уехала всего на месяц, а уже аварии какие-то. Мы так нервничали-переживали. Татьяна заявление написала, а там с казали, что нашлась, что с бывшим мужем ты.

Я вроде как успокоилась, а Татьяна места себе не находила.

— Теть, Сонь, приютите меня на пару дней. Я пока квартиру поищу. Деньги есть.

— Так подожди я ж про твою не договорила. Вообще возились они там до полуночи, а сегодня рано утром какой-то бугай ко мне пришел. Морда о какая, кирпича просит, плечи в шкаф точено не влезут. Он мне ключи отдал и бумаги какие-то. Сказал, чтоб я тебе передала... а ты ж еще даже не звонила я сижу и думаю...кто они и зачем. Ты уж не сердчай, я в бумаги те свои нос любопытный засунула, а там все на тебя переписано. Квартира эта. Выкуплена как будто тобой.

Я ее слушала и ушам своим не верила, понять не могла что она говорит такое непонятное и странное. А потом ключи в руку взяла и как под гипнозом пошла по лестничной клетке к двери, открыла, повернула ручку и замерла на пороге. Слезы градом из глаз покатались, ручьями. Все как при маме было. Почти все. Всю мебель вернули, все поставили. То ли ту же самую, то ли похожую. А на столе шкатулку ее увидела и зарыдала уже в голос.

Схватила к себе прижала и на полу сижу раскачиваюсь, словно прорвало меня и остановиться не могу, шатает из стороны в сторону, Маша обнимает, жалеет, а я крышку откинула, на фото мамы смотрю и успокоиться не могу...Словно не было у меня ничего дороже шкатулки этой с ее вещами.

А ночью укладывала Машу и смотрела в окно...знала, что это он сделал. Он все вернул. Только кто мне вернет мое сердце, кто мне там все зашьет, заштопает, залатает. Кто мне даст возможность забыть, как он меня...и до боли хочется схватить сотовый и набрать его номер и в тот же момент не хочется. Ломка какая-то адская, и я ничего с ней сделать не могу. Уснула только под утро, обняв Машу, прижав ее тельце к себе и уткнувшись носом ей в шею.

А когда проснулись вместе, завтракать к тете Соне пошли, Танька как раз с ночной пришла и чуть не задавила меня в объятиях. Чуть кости мне все не переломала.

— Тссс, ты ж с меня душу выдавишь.

— Так и выдавила б. Ты чего уехала и мне ничего не сказала?

— Меня уехали. Взяли в машину посадили и уехали.

Чуть ножом не порезалась, и Танька его у меня отобрала.

— Бывший твой подонок, да?

— Да...

Я пока не готова была рассказывать, что именно там произошло, а она

не настаивала.

— Я Машу хотела у вас оставить и пойти работу искать.

— Ань, тут такое дело...мы с мамой сами на работу устроились. Она за ребенком присматривает на соседней улице иногда и ночами, а я на завод...новый же комбинат открыли у нас набор был. Вот и работаю. Ты...ты прости. Я в выходные могу и когда не на смене.

Я видела, как ей неловко и нет, не обижалась я все понимаю им тоже работать надо. Решила вместе с Машей идти работу искать. А что делать? Пусть видят, что у меня ребенок возьмут значит возьмут. А нет — буду дальше искать.

Я взяла у тети Сони газету, обвела объявления, обзвонила и поехала на собеседования. В первом месте, где требовалась уборщица в магазин и раскладчица меня не взяли сразу из-за ребенка. Второе место оказалось ночным клубом, третье ларьком круглосуточным...там вроде как были согласны взять меня с ребенком. Только места практически нет. Маше придется двенадцать часов на табуретке высиживать. Дальше была парикмахерская там тоже уборка и тоже без детей, ветеринарная клиника, где тут же отказали я им не подошла без какой-либо причины. Обратно мы шли удрученные я молчала и Маша листья ногами пинала.

А потом меня кто-то догнал и схватил за руку, от неожиданности я чуть не закричала, а когда увидела кто это застыла на месте. Передо мной стояла Регина

В длинном пальто и в сиреновом берете. Она смотрела на меня и кусала губы...

— Что вы здесь делаете? Вы следили за мной? Это он вам приказал? Убирайтесь немедленно и не смейте за мной ходить.

— Анна...Аня, я сама приехала. Мне поговорить с вами нужно.

— Нам не о чем говорить. Я совсем не понимаю зачем вы меня преследуете. Вас он подослал?

— Кто? Егор Александрович? Нет. Он меня уволил, когда вы уехали. Я сама вас искала.

— Зачем?

Стиснула ручку Маши пристально вглядываясь в зеленые глаза Регины.

— Я хотела бы продолжить ухаживать и смотреть за Машей.

Я ее не понимала совершенно. Точнее понимала, но мне это как-то странно выглядело.

— У меня нет денег оплачивать няню.

— Я не возьму денег.

— Тогда я не понимаю. Зачем вам это все? Какой смысл?

— Маша...Маша моя внучка.

Если бы сейчас подо мной разверзлась бездна я бы не так испугалась как в эту секунду. Я ей даже не ответила. Стиснула руку дочери и буквально побежала прочь от этой женщины. А она за мной.

— Аня...Аня, постойте. У меня нет злых намерений, Анечка, я вас прошу подождите. Я просто помочь хочу... пожалуйста. Остановитесь. Аня... у меня больше ничего и никого осталось. Я вас умоляю. Я только смотреть, только помогать...ни претендовать, молчать. У меня дочь два года назад умерла...Больше нет никого. Я сирота сама.

Сама не поняла, как остановилась и медленно к ней обернулась....

* * *

Я налила ей чай с крепкой заваркой, заглянула в спальню — Маша расположилась на коврик и что-то рисовала. Как ни странно, она обрадовалась Регине. Я всегда считала, что она ее ненавидит... а оказывается все наоборот было.

Регина отпила кипятка из чашки, ее руки дрожали и голос срывался по мере того как она говорила.

— Лилечка была красивой девочкой, одаренной. В художественную школу ходила, на музыку, училась хорошо. Пока с эти не познакомилась. Знаете, как бывает я вся в работе еле концы с концами сводили, а я и учителем и вечером репетиторство. Все деньги-деньги для нее все. Когда поняла, что упустила ее поздно уже было. Она и музыкальную школу бросила и художественную только гульки ее интересовали. Потом наркотики у нее нашла. Отругала в комнате закрыла. Так она через окно удрала. Месяц домой не возвращалась. Меня в полицию вызвали ее пьяную где-то на вокзале задержали. Телом торговала. За дозу. Пока я искала ее, фото развешивала она...она себя продавала.

Регина лицо руками закрыла, а я ее плечо стиснула и еще чаю подлила.

— Пытались лечить ее. В клиники вожила. Квартиру продала, на три работы устроилась. А она из клиники сбежала и все. И больше никто найти не мог. Нашлась только когда уже с пузом была приходила ко мне за деньгами. На себя уже не похожая. Понимаете, был ребенок и не стало его. Улица отобрала. Какие-то пару месяцев и все. И время было упущено. Она в ту ночь спать у меня осталась я ее выкупала, расчесала. Сказала, чтоб она оставалась вырастит ребеночка, справимся. Обещала остаться...я уснула, а

утром ни ее, ни денег. Все украла до последней копейки. Даже колечко мое и крести вынесла. Потом уже в роддоме ее нашла...У меня там подруга работала медсестрой. Она мне потом все про ребенка и рассказала...только не сразу, а после смерти Вали моей. Я тогда жить не хотела, веревку на батарею повесила и...она с утра пришла как раз и буквально с петли достала. Тогда мне про подмену и рассказала и кому отдали.

Я вас много лет искала...

Мы просидели до самого утра. Другой она мне теперь казалась. Личное горе меняет человека. Когда он о нем рассказывает. Теперь она мне больше не казалась вороной в черном...она мне казалась истощенной, несчастной женщиной, потерявшей дочь и внучку. Она мне даже чем-то напомнила мою маму.

— У меня остались кое-какие сбережения. Я все эти годы ничего не тратила работала с проживанием. А мне одной много и не надо. Вы мне позвольте за внучкой присматривать. Я буду заботливой и внимательной. Мне ничего не нужно. Только помогать и быть рядом. Пожалуйста... заклинаю вас всем чем только можно, позвольте. Это смысл моей жизни. Я ничего ей не скажу. Я обещаю. Пока вы сами не решите, она ничего не узнает от меня.

Я медленно выдохнула, а потом сжала ее руку.

— Присматривайте. На самом деле мне не кому...а работать нужно.

— Я буду приходить во сколько скажете и уходить и...

— Оставайтесь. Здесь две комнаты. Места всем хватит.

Регина вдруг схватила меня за запястье и прижала мою руку к своим губам.

— Вы святая женщина...святая. Таких не бывает. Вы даже не представляете, что сейчас сделали для меня. Вы вернули меня к жизни.

* * *

Моя жизнь вливалась в русло постепенно, но очень уверенно, когда живешь ради кого-то. Я посвятила всю себя Маше. Я даже начала смеяться и чувствовать себя живым человеком. И не вспоминать о той части себя которая так и осталась омертвевшей. Я даже научилась почти не плакать о нем. Справляться с приступами острой тоски. То услышав нашу музыку, то пройдя по улице где вместе бывали когда-то. Вначале захлестывало, а потом отпускало. И я ждала, когда это пройдет.

Но пока не слышу, не вижу так легче. Словно выстраивать между нами

стену через которую ему не перебраться и тут же смеяться над собой, истерически хохотать. Он не переберется? Да надо будет из-под земли достанет. Только я хотела, чтоб он меня забыл. Просто оставил в покое... какая-то часть меня мечтала об этом, а какая-то захлебывалась в агонии от мысли что так и будет. И ненавизела себя за то, что все равно думаю о нем, за то что все чаще возвращаюсь в прошлое, где девочка в белых носочках влюбилась в мальчика из совершенно другого мира и поверила в свое счастье...самое страшное, что эта девочка все еще жива внутри меня и что она точно знает. Что больше никогда и ни с кем не будет так счастлива. Даже если это счастье принесло столько невыносимых страданий...

Я устроилась работать в частную стоматологическую клинику и в магазин одежды. Конечно же на уборку. Но платить обещали хорошо. И там, и там. Первое время уставала как собака, приходила и валилась с ног. Не знаю, если бы не Регина я бы, наверное, сошла с ума и не смогла заботиться о Маше. Но эта женщина была каким-то даром небес. Ничего подобного я не замечала в ней раньше, в доме Егора. Она там, словно, играла какую-то роль. А здесь и успевала убрать, и с Машей погулять и обед сварить. Через какое-то время я уже не представляла, как жила без нее раньше. Она еще умудрялась мне денег занимать и конечно же не брать, когда я возвращала.

— Когда я жила у Егора Александровича Машу возили в какую-то клинику...Я так понимаю там ничего не вышло?

— Тогда я не знала, что Маша не моя биологическая дочь, а для назначения лечения нужны были генетические проверки. Я понятия не имела где искать ее родственников. Да и денег таких у меня нет...А Егор Александрович не ее отец и оплачивать нам лечение не обязан, да и я б не взяла.

— Я понимаю....

— А если бы все же он помог вам с лечением и...

— Нет. Я не хочу. Я попробую обратиться в фонды, собрать что-то сама.

— Но ведь это здоровье Маши, Анечка, тут можно гордость немного убрать.

— Я опаздываю на работу. Мы еще поговорим об этом, хорошо? Вы помните у Маши сегодня рисование.

— Да, конечно помню. А вы допоздна там не убирайте, ведра старайтесь ногой двигать не то спину надорвете.

Я не сразу заметила, что за мной едет машина. Не сразу обратила внимание потому что бежала к остановке, попала под дождь и махала отчаянно руками, когда маршрутка уехала у меня из-под носа. Выругалась топая ногами и подула на замерзшие ладони. Перчатки дома забыла или потеряла в магазине. Уф. Теперь минут сорок тут стоять. Холод собачий и дождь мерзкий, колющий поздне-осенний.

Переминаясь с ноги на ногу, дую на руки, как вдруг вижу напротив остановки джип тормозит. Стекло опускается и у меня все внутри тоже опускается. Радость мгновенная, глупая, запредельная потому что лицо ЕГО увидела. И тут же схлынула и меня захлестнуло до бледноты и мороза по всей коже. Зачем он здесь...как ножом полоснуло предчувствием боли. Потому что с ним только она...только все ее оттенки. И время словно застыло вокруг нас, воздух перестал двигаться, а у меня все закрутилось внутри, завертелось... я не могла перестать смотреть в его светло-серые глаза и ощущать, как начинает печь в горле, как больно глазам его видеть снова. Сердце то билось, то снова замирало. Оно было радо видеть его снова, пожирать его лицо...и наслаждаться каждой секундой позабыв на мгновения о ненависти. Егор смотрел на меня очень долго, пока вдруг тихо не сказал:

— Здравствуй, Нюта.

А я вздрогнула, потому что даже звук его голоса-боль.

— Привет.

— Остановка знакомая.

— Нет, это не та остановка.

— Какая разница та или нет...разве не похоже.

— Нет не похоже.

А у самой сердце о ребра колотится с такой силой, что кажется я сейчас в обморок упаду.

— Давай домой отвезу.

— Скоро автобус приедет.

— Через тридцать пять минут. — он посмотрел на часы и улыбнулся мне...как тогда много лет назад.

— Ты выучил расписание автобусов?

— Да. Выучил. Если каждый день ездить по одному и тому же маршруту то и не такое выучить можно.

— В смысле ездить по одному и тому же маршруту?

— Провожать тебя домой, например, или на работу.

Я перестала переминаясь с ноги на ногу и посмотрела ему в лицо.

— Ты шутишь? Издеваешься надо мной?

— Нет, не шучу.

И внутри становится одновременно и жарко и холодно.

— Зачем? Чего ты хочешь, Егор? Мне не нужны эти жертвы, вот это все мне не нужно.

— Я знаю, это было нужно мне.

Я усмехнулась.

— Кто бы сомневался, что ты в чем-то себе откажешь.

— Регина нашла тебя, да? Знаешь кто она?

— Знаю. Она хороший человек и помогает мне с Машей.

— Она ее родственница и носительница генетического материала нужного для обследования. Садись, я отвезу тебя домой и поговорим... Не бойся. Я правда отвезу тебя домой.

Я посмотрела на небо, затянутое сплошными тучами, на лужи с пупырышками затяжного дождя, на свои красные руки и решительно сделала шаг вперед. Егор открыл передо мной машину. Я юркнула на переднее сидение и чуть не застонала от блаженного тепла, которое разлилось по моему телу.

— Антонина нашла клинику в Италии, где недавно появились новые разработки. Там работает ее знакомый, точнее лучший друг ее отца. Он готов прооперировать Машу, вживить ей слуховой аппарат, потом можно будет научить ее разговаривать. Антонина рассказала мне о перспективах, она нарисовала для меня целую схему, разные исходы операции. Там больше 99 % успеха. Притом можно закончить все исследования так как есть бабушка Маши.

Он говорил так горячо с таким искренним запалом, а я не верила, что мы вот так сидим рядом и Егор...этот циничный, холодный и властный человек сейчас рассказывает мне о лечении моей дочери. Рассказывает так, словно для него это действительно важно.

— Я ... я все уже оформил, Нют...я билеты купил и загранпаспорта вам сделал.

— Останови машину.

— Ей нужна эта операция как ты не понимаешь? Какая разница что это я. Пусть ты меня ненавидишь, пусть никогда не простишь, но при чем тут она?

— И что я должна буду дать тебе взамен? Отрезать себе руку, выколоть глаз или опять раздвигать ноги молча и покорно.

И он действительно остановил машину. Ударил кулаками по рулю. Несколько секунд мы молчали.

— Мне ничего от тебя не нужно. Я хочу, чтоб Маша жила полноценной жизнью.

— Какое тебе до нее дело. Она не твоя дочь. Мы тебе не родные.

Резко вскинул голову и посмотрел на меня глазами полными яростного отчаяния.

— Я возвращаю долги....

— Думаешь можешь расплатиться?

— Нет, думаю, что просто могу помочь.

— Мне не нужна твоя помощь. Я прекрасно справляюсь без тебя.

— Научилась больно бить, маленькая? Наслаждаешься? Бей...Только ребенок здесь не при чем. Это только наша война, а у нее пусть будет право на счастье.

Он протянул мне папку и конверт.

— Здесь приглашение, все документы и билеты.

Я долго смотрела ему в глаза, а потом тихо сказала:

— Только обещай, что ты с нами не полетишь и преследовать нас не будешь. Обещай, что мне не придется до конца дней расплачиваться за твою милость. Ни мне, ни МОЕЙ дочери.

Он бросил папку мне на колени и открыл дверь с моей стороны.

— Счастливой дороги, Аня. С вами поедет другой человек, он будет вас везде сопровождать. Передай Маше...

И показал жестами «я соскучился». Джип сорвался с места, а я так и стояла под навесом подъезда с бумагами в руках, а по щекам слезы покатались. Едва увижу его так и выворачивает душу, так и хочется взвыть от тоски заорать, забиться в истерике. Закричать вслед машине, чтобы вернулся...Ничего...ведь когда-нибудь станет легче. Наступит тот день, когда я смогу его разлюбить.

Глава 25

Это была страшная ночь. Ночь после операции Маши. Этот липкий и совершенно неконтролируемый страх потерять. Да, вот так просто потерять своего ребенка ведь риски есть всегда и меня поймет любая мать, которая отдавала свое дитя в операционную, прощалась, целовала, успокаивала, а у самой где-то там внутри дикий панический, первобытный ужас — а вдруг что-то пойдет не так? А вдруг не надо было соглашаться, не надо было рисковать.

И часы ожидания в коридоре...долгие, бесконечные, монотонно-липкие. И страшно одной. Даже поговорить не с кем. Бывали моменты, когда позвонить ему хотела, просто набрать номер и услышать, как он раньше мне говорил: «Все будет хорошо, маленькая, вот увидишь. Не бойся я ведь с тобой». Но сейчас это было бы не в тему...я прогнала его и вряд ли он будет пытаться еще раз. Егор гордый, после всего что я наговорила пути обратно точно нет и это хорошо. Этого я и хотела.

Пришла медсестра принесла мне чашку чая и какие-то сладости, присыпанные орехами.

— Есть газеты и журналы на русском языке хотите принесу?

Я кивнула и тяжело вздохнула, бросила взгляд на часы — время не сдвинулось ни на минуту.

— Сколько еще будет идти операция.

— Не знаю. Давайте подождем. Все будет хорошо. Я и мужчине внизу сказала, чтоб не переживал. Это ваш муж, да?

— Какому мужчине?

— Там внизу мужчина в холле сидит наверх подниматься не захотел, но спрашивал о вас, когда я вам чай несла. Спрашивал, как вы себя чувствуете и все ли нормально. Подсказал сколько сахара положить. Заботливый.

Она улыбнулась очень мило, но мне было не до ее улыбок. Я поставила чашку обратно на столик и поднялась с кресла.

— И давно он здесь?

— Давно. Раньше вас приехал. С доктором долго говорил потом уходил и вот снова вернулся. Что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке.

Не в порядке! Совсем не в порядке меня в лихорадку швырнуло и сердце не просто забилося, а задрожало внутри. Приехал? Несмотря на мой

запрет приехал. И не знаю то ли радоваться, то ли злиться за то, что опять по-своему поступил. Прошла по ковру к перилам и склонилась так, что видно стало нижний этаж. Егор сидел внизу на диване возле аппарата с кофе и сладостями. Сидел неподвижно, обхватив голову одной рукой, а второй выстукивая на столе какой-то ритм известный только ему одному. Мне вдруг показалось что я не видела его несколько столетий. Нескончаемо долго не видела настолько долго, что мне до боли захотелось сбежать вниз и жадно всматриваться в его лицо. Но вместо этого я даже с места не сдвинулась...хоть и не могла отвести взгляд. Какой он издали не приступный, холодный, дерзкий. Смотришь и сразу весь подбираешься, потому что исходит от него эта неуловимая волна силы и уверенности в себе. Меня всегда это поражало. То как он держался перед другими этот шарм и ощущение силы. Но только я видела этот надлом...он был замечен даже издали опущенные кончики рта, чуть поникшие плечи, слегка подрагивающие пальцы, когда поправил волосы назад. Нервное движение головы и непрерывное постукивание. Нервничает, трясется от нетерпения.

Неужели приехал не для того чтобы на меня давить, а чтоб Машу увидеть? И с одной стороны от этого сердце защемило, а с другой стало прохладно в груди — может устал, надоело ему, как я и думала, не нужна больше...Взгляд на палец бросила — без кольца. Я часто за это время задавала себе вопрос что будет с его женой. Он ни разу о ней не упомянул...а после того как я прослушала диктофон и поняла, что она сделала...Он ведь тоже знает. Что с ней? Спущено с рук и забыто? Где она сейчас? Кто накажет ее за смерть нашей девочки и две искалеченные жизни? Но я оставила эту войну ему, на его совести и в его руках. Да, я хотела знать, но запретила себе думать об этом иначе ненависть сведет меня с ума, а мне нужно думать о Маше, у меня больше нет сил и времени на ненависть. Егор резко встал с дивана, и я отпрянула назад, чтоб он меня не заметил, проследила за ним взглядом, за тем, как вышел в стеклянные двери. Метнулась к окну — наверняка во двор. Через несколько минут он вышел из здания и закурил. Долго ходил под окнами, с кем-то говорил по сотовому, снова курил. А я просто смотрела. Оказывается, мне было необходимо его увидеть. Оказывается, я остро в этом нуждалась и сейчас жадно впитывала каждое его движение, словно запоминала на долгое время вперед.

— Анна...

Резко обернулась и дух захватило от страха — напротив меня стояла медсестра вместе с врачом. Я ощутила, как мгновенно пересохло в горле и с ужасом посмотрела в светлые глаза врача, которые казались мне очень

усталыми, но в тоже время добрыми. Он ободряюще мне улыбнулся.

— Доктор Балотелли просит сказать, что операция окончена, прошла она весьма успешно, девочка чувствует себя хорошо и сейчас находится в послеоперационном отделении интенсивной терапии. Скоро вы сможете ее увидеть.

Я ничего не ответила, а расплакалась как идиотка.

— Простите...извините...

Врач снова улыбнулся, похлопал меня по плечу и что-то сказал по-итальянски.

— Доктор говорит, что таким красивым мамам плакать строго запрещается.

Я кивала и не могла удержаться, большими глотками допила свой остывший кофе и про себя сказала спасибо Богу и своей мамочке. Когда наши родители умирают, то на небе появляется еще один ангел, который будет охранять нас вечно, и я точно знала, что моя мама меня оберегает и что я могу молить ее о чем угодно она всегда услышит мои молитвы.

* * *

К Маше меня впустили, когда она полностью пришла в себя. Я не помнила, что говорила ей от счастья, как целовала ее ручки, личико, как смеялась и плакала. Мне почему-то в этот момент стало все равно будет ли она слышать и говорить мне было важно, что она живая и с ней все хорошо. Когда я села рядом с ней на стул она вдруг подняла свои тонкие ручки и спросила меня:

— А где папа? Он здесь?

Это было неожиданно. Каждый раз все ее вопросы о Егоре были для меня неожиданные. Я не могла привыкнуть, что Маша относится к нему совсем по-другому.

— Почему ты молчишь? Папа здесь?

Я кивнула.

— Пусть он придет ко мне...ты ведь егопустишь?

И мне стало до безумия стыдно потому что она все поняла. Как всегда остро почувствовала меня и мои поступки. Не важно родная кровь или нет, главное, чтоб сердцем была родная и душой. Маша меня улавливала как маленький приемник, настроенный всегда на нужные волны.

— Конечно впусти.

Он ждал на улице. Ходил там взад и вперед под окнами. То смотрел

наверх, то снова ходил и курил. Я вначале хотела ему позвонить, а потом почему-то передумала спустилась вниз на лифте и вышла на улицу. Едва Егор меня увидел, как тут же застыл, глядя мне в лицо.

— Маша хочет тебя видеть.

Это было мгновенное преобразование, у него расширились глаза и даже дрогнуло все тело. Выкинул сигарету дрожащими пальцами и бросился мимо меня в здание. Я смотрела ему вслед нахмутив брови...так нельзя притворяться. Так не бывает. Человек ведь не может лгать взглядом, движением тела, вот этой дрожью. Пошла следом за ним, но в палату не зашла, остановилась за полу стеклянной стеной. Егор в белом халате на плечах сидел рядом с постелью, а Маша...Маша улыбалась и гладила его колючие щеки обеими ручками. Я не видела выражение его лица, видела только как он сжимает ее тоненькие запястья, что-то показывает ей, и она смеется. Боже! Он действительно это сделал? Выучил язык жестов ради нее?

Так не похоже на него...так странно. И мне уже кажется, что я никогда по-настоящему не знала его. Не понимала так глубоко как должна была понимать любимая женщина и жена. Я просто слепо любила, меня сжирала страсть, и она мешала мне узнавать Егора как человека.

Он протянул Маше ту самую куклу, которую она выкинула когда-то, и она взяла, прижала ее к себе, снова погладила его по щеке. Я видела, что она ему говорит, но не видела, что он ей отвечает.

— Мама надо время...вы помиритесь.

Не знаю насчет времени. Его прошло предостаточно, а у меня все еще кровило внутри и все еще было страшно что он причинит боль нам обоим и что я больше не смогу от нее оправиться...Стою смотрю на него, на то как они счастливы вместе и до дрожи хочу нам всем этого счастья. Хочу впустить его в свое сердце и не могу. Он ведь там все оставил в руинах и мне страшно испытать этот ад снова.

* * *

Ушла чтоб не мешать им по узкому коридору к дамской комнате. Хотя назвать это шикарное помещение дамской комнатой было неверно. Я вообще только сейчас начала замечать всю роскошь этой клиники. Раньше мне было не до этого я мысленно была только с Машей. А сейчас, когда все страшное осталось позади я не понимала как такая, как я, оказалась в этом месте. Странное ощущение когда-то когда я только начала выходить куда-то

с Егором и он возил меня по гостям и приемам я приходила в ступор и бешеный восторг от того что меня окружало. А он тихо смеялся надо мной и шептал на ушко, чтоб прикрыла рот и сдерживала эмоции. Я стала возле раковины и посмотрела на свое отражение...сколько времени прошло с тех пор. Я тогда была совсем другой. У меня были длинные вьющиеся волосы, сочное тело... а сейчас я больше похожа на мальчика с этой стрижкой, худая. Могла бы я ему нравится так как нравилась тогда? Поправила прядь волос за ухо и потрогала свои слегка потрескавшиеся губы. Достала из сумочки бесцветную помаду и поднесла ко рту. Сзади тихо открылась дверь, и я ту же обернулась. Егор стоял у самой двери и смотрел на меня исподлобья. Станный взгляд...не знакомый мне, такой от которого мурашки по коже пробирают. Словно кричал мне что-то, а я не слышала, но впитывала кожей. И столько всего в этом взгляде и боль, и отчаяние, и тоска. Болезненная, глухая. Как отражение мое собственной. Повернул ключ в двери. А я даже внимание не обратила. Я впитывала в себя его боль, она доставляла мне наслаждение и волновала до мурашек на коже. Смотрела ему в глаза и читала в них тоску вперемешку с адским голодом. И в ответ ощутила, как все мое тело напрягается, наполняется огнем, спилась одной рукой в столик пол раковиной, сильно прижимаясь к ней спиной, а другой сжимая помаду. И это предвкушение с каким-то демоническим неуместным желанием, чтобы прикоснулся ко мне. Какая-то первобытная и неумная жажда, появившаяся так некстати именно сейчас и именно здесь. Стоит напротив, не шевелится. Смотрит мне в глаза потемневшим взглядом. Такой похудевший со слегка впалыми щеками и в то же время невыносимо красивый...когда-то он был моим...когда-то любил меня... а я все еще люблю его и сейчас. Тяжелый, жесткий взгляд от которого становится тесно в груди и начинает тянуть низ живота. Сделал шаг ко мне, и я шумно выдохнула. Рука стиснула холодный край раковины еще сильнее. Подошел настолько близко, что теперь я дышала только его запахом. Коснулся пальцами моего лица, погладил волосы, заправил их за ухо. От его большого тела исходил жар настолько сильный, что мне начало казаться я плавлюсь от него. Какая-то часть меня хотела его оттолкнуть, но она была парализована.

Егор поднял руки к моему горлу и расстегнул пуговицу на моей блузке, продолжая смотреть мне в глаза из-под нахмуренный, чуть сведенных бровей. Это выражение лица сводило с ума, такое словно ему больно. Расстегнул еще одну, и я судорожно сглотнула слюну. Дыхание участилось, и я откинулась назад еще дальше. Пальцы Егора расстегнули еще несколько пуговиц, и он отобрал у меня помаду. Притянул за затылок к

себе, глядя на мой рот и снова мне в глаза повел ею мне по губам, одновременно с этим стягивая вниз лифчик и сжимая пальцами затвердевший сосок. Я почувствовала, как мой взгляд поплыл словно я резко опьянела, по телу прошел разряд электричества. Егор опустил руку с помадой ниже и обвел ею мой сосок, глаза закатились, и я громко всхлипнула, и он тут же впился в мои губы жадным поцелуем, и я застонала снова так надсадно и жалобно словно в эту секунду вырвалась вся моя тоска по нему, все отчаянное желание чувствовать своего единственного мужчину рядом. Я больше не могла сдерживаться. Пусть все сейчас горит синим пламенем. Я устала скучать по нему, устала вспоминать и проживать свое прошлое. Я слишком слабая сейчас, голая, совершенно беззащитная перед его страстью потому что моя собственная схлестнулась с ней в адской схватке. Я больше не могу притворяться, что не хочу его, что ненавижу, что презираю...Потом. Я буду это делать позже.

Я чувствовала, как меня накрывает торнадо, как я забываю саму себя и превращаюсь в обезумевшее от голода животное. В горле стало так сухо, что его начало покалывать, а сердце содрогалось в груди. Я хотела его прямо сейчас и здесь. В этом оазисе, в чужой стране, там, где нам было не о чем думать и нечего делить. Где мы оба слишком беззащитны и открыты друг для друга. И сейчас мне было на все наплевать...позже я конечно же пожалею об этом.

Впилась в его рот в ответ так же яростно. Так же дико. Отдавая и свой голод и жажду за все это время. Впилась в его волосы, притягивая к себе сходя с ума от вкуса его рта и дыхания, от ощущения что он настолько близок ко мне. Мне кажется мы оба рычали или мне это слышалось потому что меня разрывало на части от желания сильнее ощутить его рот, сильнее впитаться в него, даже боль от его зубов приносила невероятное удовольствие. Егор сильно сжимал мою грудь, терзал скользкие от помады соски, впивался в них и стискивал так сильно, что я запрокидывала голову и постанывала от чувствительной боли. Он подхватил меня за ягодицы и усадил на край стола между раковинами. И я сильно сжала его бедра ногами, выгибаясь назад, впиваясь в его плечи руками. Меня захлестнуло с такой силой что я себя не узнавала, словно в этот момент здесь была не я... а кто-то другой. Одержимая и больная им на всю голову...отбросившая всю ненависть в сторону. Я хаотично гладила его колючие щеки, сжимала сзади затылок, дергала пуговицы на его рубашке и сходила с ума еще больше от искаженного словно болью лица. Целовала его лоб, глаза, волосы, запутываясь в них пальцами и подалась навстречу бедрами, когда его голодные руки быстро задрали юбку вверх. И от резкого толчка его плоти

в себе застонала, запрокидывая голову назад до боли в шее, закатывая глаза и судорожно сжимая его изнутри, пульсируя где-то в точке невозврата.

— Нью-ю-та-а-а мояаяя, — хрипло застонал и у меня дух захватило от этого сумасшествия в его голосе. — даааааа.

Сильнее обхватила его ногами и подалась вперед, извиваясь насаживаясь на его член. Мне казалось я вся дрожу, вибрирую, рвется каждый нерв и мускул на моем теле. Сама нашла его губы и впиалась в них поцелуем, оторвалась вздрагивая от толчков, глядя пьяными глазами в его глаза и сходя с ума от этого безумия в серых радужках, потемневших до цвета мокрого асфальта. Блестящих от дикости. Горящий похотью на грани с одержимостью. И снова набросилась на его рот, ощущая, как его язык глубоко проник внутрь, сплетаясь с моим. И дух захватывает от понимания насколько он меня хотел...насколько мы сейчас оба помешаны друг на друге. Но он вдруг остановился, а я выдыхаю со всхлипами и смотрю ему в глаза.

— Я сейчас сдохну...маленькая... я такой голодный на тебя...такой бешеный...разорвать хочу. Подождиии...

И от этих слов меня разорвало саму я двинулась ему навстречу, резким ударом тела вверх-вниз. А он хрипло со свистом выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы.

А потом накрыл мой рот свои ртом, затыкая меня, не давая произнести ни звука и вздохнуть. Обеими руками подхватил под ягодицы и начал остервенело долбиться внутри, на дикой скорости, бешено, мощно, так мощно, что у меня все тело содрогалось от каждого толчка и грудь больно подскакивала, натираясь о пуговицы его рубашки.

В безумном ритме, подрагивая, срываясь на сдавленные стоны и я извиваюсь ему навстречу, каждому грубому толчку. Я прокусила ему губу и дернулась от вкуса его крови во рту. И меня сорвало в оргазм резкий, острый, настолько ослепительный, что все тело вначале замерло, а потом забило в сладких, невыносимых судорогах, сильно сокращаясь вокруг его члена. И Егор сильнее сдавил мои бедра, резкий глубокий толчок и я ощутила как пульсирует его плоть внутри моей плоти. Как мои сокращения вторят его судорогам. Он весь взмок и дрожит, стонет не сдерживаясь мне в губы. Где-то рядом мощным напором течет вода, а я даже не помню когда он открутил кран.

Минуты тишины, чтобы отдышаться. Отодвинуть от себя даже не глядя в лицо, вытираясь там где мокро и липко от его семени. Молча поправляя одежду, волосы.

Когда пошла к двери не позвал, а я не обернулась. Вышла и

прислонилась к ней спиной, по щекам потекли слезы. Черт...зачем я это сделала? Это же...это же так больно уходить после и знать, что больше никогда. Любить его в последний раз...и ощущать, что и он любил как в последний.

* * *

Мы больше с Егором не виделись. Я брала сотовый в руку, чтобы позвонить и клала его обратно в сумку, а он сам не звонил. И наверное это правильно. Наверное так и надо. А спустя день, проклиная свою слабость, я все же позвонила ему. Но сотовый был отключен. Больно кольнуло в груди напоминанием, что с ним только так, только до едкой и разъедающей пытки. Слишком много страданий он мне причинил, и я панически боялась, что в меня опять вгрызется эта лютая тоска.

Я ведь этого хотела, чтоб он больше не связывался со мной, тогда почему от этого отключенного сотового по телу расползается едкая паутина разочарования.

И грусть Маши сильно огорчала. Она ждала, что он напишет ей. Егор еще в больнице подарил дочке сотовый. И в последние дни что-то писал ей по вечерам. Мне она не показывала, а я не просила.

В аэропорт мы ехали молча я попыталась ее разговорить, но Маша отвернулась к окну. Хорошо...не сейчас. Мы поговорим дома. Я все ей объясню насколько смогу.

* * *

Маша первая заметила, что он приехал. Пока я сдавала багаж Маша вдруг вырвала ладонь из моей руки и куда-то побежала. Я тут же обернулась и застыла от неожиданности. Егор раскрыл широко руки и поймал малышку на лету.

И у меня как всегда внутри что-то обрпвалось. На них было больно смотреть и хотелось разреветься то ли от эмоций, то ли от дикого сожаления, что все вот так вот. Егор присел на корточки перед Машей и теперь я видела как бегло он научился общаться с ней.

— Ты поедешь с нами?

— Нет, у меня есть еще дела здесь, а потом я тоже уеду.

— А можно мы останемся с тобой?

— Вам нужно ехать домой.

— Я не хочу без тебя ехать. Я не стану ходить к Нине и не буду принимать лекарства. Не хочу без тебя.

Я отвернулась, чувствуя как саднит в груди и становится трудно дышать...Я тоже не хочу без него. Не могу без него. Но и с ним...смогу ли я с ним. Снова обернулась Маша впилась в Егора обнимая его за ноги, а он гладил ее волосы, потом разжал ее руки и показал жестом, что напишет ей как только мы прилетим.

Потом бросил взгляд на меня...долго смотрел молча прямо в глаза. Прямо в душу, расковыривал там все до мяса этим взглядом от которого драло в горле и болели глаза. Развернулся к нам спиной и пошел к стеклянным дверям.

Я еще какое-то время рассеянно слушала, что мне говорят служащие аэропорта, подавала паспорт, а сама оглядывалась назад. На фигуру Егора удаляющуюся от нас быстрыми шагами.

И я почему-то остро ощущала каждый его шаг словно именно сейчас что-то разрывалось между нами. Появилось какое-то сумасшедшее дикое чувство. Страх потерять. И жестокое, совершенно неконтролируемое осознание, что я больше так не могу. Не могу без него...хочу к нему невыносимо. Не хочу держать себя, не хочу страдать...не хочу бояться.

— Можно паспорт вашей дочери, пожалуйста!

— Что? — я обернулась к парню за стеклянной перегородкой.

— Паспорт вашей дочки можно?

— Простите...мы никуда не поедem.

Сказала и поняла, что все...это конец. Не могу больше. Схватила паспорта и Машу за руку, потянула ее за собой. Протискиваясь сквозь очередь в регистрации, расталкивая людей и Маша цепко держит меня за руку, словно знает куда мы идем, бежит следом своими маленькими ножками. А я ничего не вижу перед глазами все как в тумане. И уже не я иду, а Маша меня ведет. Все быстрее-быстрее к НЕМУ. Сейчас. Немедленно. Хватит...это слишком больно вот так отрывать его от себя.

А потом почувствовала как стальные руки подхватили и прижали к груди, а я так ничего и не вижу, сжимаю его сильно до хруста в запястьях и лицом зарываюсь ему в шею, чувствую ручки Маши, как они обнимают мои и его ноги.

— Тсс...ты что, Нюта...Ты из-за Маши да, маленькая?

Лицо на него подняла, а он слезы мои быстро вытирает пальцами и сам скривился, словно больно ему. И меня сорвало, унесло...никаких сил больше не осталось.

— Нет...ради себя...не могу больше.
Усмехнулся по-мальчишески и к себе придавил.
— Вы же мне не родные...
— Да, — киваю и плачу, в глаза ему смотрю, — мы твои не родные.
Машу на руки подхватил и вместе со мной к себе прижал.
— Мои самые родные...мои девочки.

КОНЕЦ КНИГИ

Сентябрь 2018 г.